

онъ представлялъ, что физическій міръ до паденія человѣка былъ совершенно инымъ, чѣмъ теперь, что нравственная катастрофа на землѣ повлекла за собою и физическую. Онъ нерѣдко говорилъ, что пытаются въ доказаельство глубокой древности міра дѣлать ссылки на астрономію, говорятъ о звѣздахъ, свѣтъ отъ которыхъ будто бы дошелъ до земли въ теченіе десятковъ тысячелѣтій, но что эти ссылки совершенно неосновательны. Доселѣ дѣйствительно измѣрено разстояніе такихъ только звѣздъ, свѣтъ отъ которыхъ доходитъ до земли менѣе, чѣмъ во сто лѣтъ, а предположенія о громаднхъ разстояніяхъ другихъ звѣздъ произвольны. Главное, на что онъ хотѣлъ направлять вниманіе слушателей, это цѣлесообразное устройство земли, положеніе земли во вселенной, въ солнечной системѣ, ея наклонъ къ эклиптикѣ, время ея обращенія вокругъ оси и солнца, распредѣленіе поясовъ температуры, морей, пустынь, горъ и долинъ, движеніе вѣтровъ, особенности въ явленіяхъ при замерзаніи воды, все, по его воззрѣніямъ, указывало на Высочайшій Разумъ устроившій этотъ міръ. Онъ не любилъ спорить съ противниками телеологіи, но когда его вызывали высказаться о комъ-нибудь изъ нихъ, онъ высказывался по обыкновенію сдержанно, но рѣшительно противъ. Когда ему было указано, что Лапласъ, часто обвиняемый въ атеизмъ, въ своей „системѣ міра“ вовсе не отрицаетъ бытія Божія, онъ сказалъ: о лунѣ онъ тамъ говоритъ не хорошо (Лапласъ считалъ напраснымъ усматривать цѣлесообразность въ томъ, что луна у насъ зимою свѣтитъ долѣе, чѣмъ лѣтомъ). Димитрій Θεодоровичъ повидимому за многое уважалъ Тиндаля (за ясность изложенія, искусство въ устройствѣ опытовъ, отрицаніе самозарожденія, добросовѣстное сознаніе въ несовершенствѣ научныхъ теорій), но его глубоко смущалъ походъ Тиндаля противъ конечныхъ причинъ. Онъ даже написалъ къ Тиндалю по этому вопросу письмо на французскомъ языкѣ, но не получилъ никакого отвѣта. Любилъ Димитрій Θεодоровичъ говорить о благомыслящихъ натуралистахъ но не все онъ здѣсь договаривалъ. Когда ему былъ предложенъ вопросъ: „а знаете ли Вы, что Ньютонъ отрицалъ Троичность и былъ анти-тринитаріемъ“, онъ отвѣтилъ: „да существуетъ на него это нареканіе“ и не сталъ говорить ничего болѣе. Онъ глубоко цѣнилъ и великія заслуги и благочестіе Ньютона и ему не хотѣлось произносить суда надъ его религіозными заблужденіями, ему не хотѣлось, чтобы даже знали о нихъ.

То, что онъ о многомъ молчалъ и не говорилъ, многимъ внушало мысль, что это многое ему неизвѣстно. Часто въ этомъ ошибались. То, о чемъ онъ молчалъ, иногда глубоко занимало и

смущало его. Такъ разъ черезъ 15 лѣтъ послѣ появленія въ свѣтъ одной диссертациі онъ неожиданно спросилъ собесѣдника: правиленъ ли тезисъ автора этой диссертациі, что св. Василій Великій заимствовалъ свою книгу о святомъ Духѣ изъ эннеады Плотина. Ясно, что онъ былъ убѣжденъ, что у автора, нужно замѣтить, строго православнаго по своимъ воззрѣніямъ, въ этомъ пунктѣ была какая то путаница. Смущали его новые взгляды и теоріи. Не всегда онъ довольствовался и существовавшими объясненіями св. Писанія или какихъ-либо фактовъ. Такъ видно, его смущалъ текстъ: „приложи имъ зла, Господи, приложи зла сильнымъ земли“, онъ ни минуты не сомнѣвался, что этотъ текстъ, какъ и все Писаніе, богодухновененъ, но предлагавшіяся пониманія его, видно, представлялись ему неудовлетворительными.

Будучи строго православнымъ, онъ хорошо и съ любовью относился къ лицамъ иныхъ исповѣданій. На юбилеѣ профессора Василя Александровича Соколова онъ говорилъ: наши предки были очень благочестивыми, но они относились слишкомъ сурово къ лицамъ иныхъ исповѣданій. Вы въ Вашей книгѣ „Іерархія англиканской епископальной церкви“ показали, что и у западныхъ христіанъ можно и должно находить доброе. На его взглядахъ на разныя исповѣданія несомнѣнно сказалось вліяніе лицъ бывшихъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ его отцомъ. Такъ, Димитрій Θεодоровичъ всегда защищалъ масоновъ. Было бы отсюда конечно весьма неосновательно заключать, что онъ раздѣлялъ ихъ воззрѣнія. Его глубоко оскорбила категорически брошенная фраза въ Православномъ Обозрѣніи одного профессора академіи, что его отецъ—Θеодоръ Александровичъ былъ масономъ. Онъ выразился объ авторѣ, что у него была склонность такъ сказать иногда что-нибудь безъ всякихъ основаній. Но поучительно замѣтить, что по поводу одной тяжелой неприятности постигшей этого профессора Димитрій Θεодоровичъ всегда замѣчалъ, что свѣдѣнія сообщенныя въ печати объ этомъ дѣлѣ противниками профессора не точны и были на его сторонѣ. Къ рационалистамъ, понятно, онъ не могъ относиться дружественно, но онъ относился къ нимъ правдиво. Такъ онъ указывалъ, что графъ Мих. Влад. Толстой о своемъ отцѣ рационалистѣ давалъ невѣрныя свѣдѣнія (въ Русскомъ архивѣ—Хранилище моей памяти) и не смотря на то, что всѣ рѣчи Толстого клонились къ возвышенію Голубинскаго отца, Голубинскій сынъ говорилъ, что ихъ не должно принимать во вниманіе, такъ какъ они не совсѣмъ правдивы и точны. Среди близкихъ знакомыхъ отца Димитрія Θεодоровича были лютеране. Димитрій Θεодоровичъ съ любовью вспоминалъ о нихъ. Такъ онъ

говорилъ о какомъ-то докторѣ лютеранинѣ, который обѣдывалъ у нихъ, благоговѣнно выслушивалъ предобѣденную молитву и говорилъ, что онѣ признаетъ, что въ евхаристіи подается истинное тѣло и истинная кровь Господа. Можно ли молиться за усопшихъ иновѣрцевъ? Димитрій Θεодоровичъ рѣшалъ этотъ вопросъ для себя въ положительномъ смыслѣ, но онѣ тщательно искалъ возможно твердыхъ опоръ для такого рѣшенія. „Читали ли Вы, спросилъ онѣ автора настоящихъ строкъ, статью Душеполезнаго Чтенія о молитвѣ за усопшихъ инославныхъ? Говорятъ, что можно молиться. Дѣйствительно, станешь молиться, какъ не помянуть добрыхъ знакомыхъ, скончавшихся въ лютеранствѣ?“ Лютеранское вліяніе не могло сказаться на его строгомъ православіи, но оно, кажется, нѣсколько сказалося на его представленіяхъ о католицизмѣ. Не сочувствуя григоріанскому календарю, Димитрій Θεодоровичъ писалъ одному высокопоставленному лицу: „память Григорія XIII омрачена въ исторіи: когда онѣ получилъ извѣстіе о варѣоломеевской ночи, онѣ отслужилъ благодарственный молебенъ“. Димитрію Θεодоровичу было указано, что по лютеранской версіи Григорій служилъ молебенъ по случаю избіенія протестантовъ (гугенотовъ), но что по католической версіи онѣ получилъ извѣстіе о спасеніи Карла IX, которому будто бы угрожали убійцы—гугеноты, и поэтому отслужилъ благодарственный молебенъ. Какъ дѣло было на самомъ дѣлѣ, теперь возстановить трудно, но Димитрій Θεодоровичъ въ данномъ случаѣ вопреки своимъ принципамъ склонился къ осужденію Григорія.

Однако съ истинною, нелицепріятною строгостью онѣ относился только къ самому себѣ. Онѣ хотѣлъ быть строго послушнымъ сыномъ православной церкви. Для этого нужно исполнять церковный уставъ. Димитрій Θεодоровичъ стремился къ этому, но находилъ, что осуществить уставъ онѣ не въ силахъ. Такъ, великимъ постомъ по цѣлымъ суткамъ предписывается неядѣніе. „Но какъ тутъ исполнишь это предписаніе? говорилъ Димитрій Θεодоровичъ, въ понедѣльникъ прочитаешь лекціи, займешься въ физическомъ кабинетѣ, вычистишь, приготовишь приборы, ну, вечеромъ и наѣшься хлѣба съ квасомъ?“ Онѣ спрашивалъ у канониста—нельзя ли найдти какихъ либо правилъ объ облегченіи устава. Онѣ говорилъ, что слѣдовало бы поднять въ Святѣйшемъ Синодѣ вопросъ о составленіи болѣе удобоисполнимаго устава, такъ какъ уставъ теперешній вслѣдствіе его крайней строгости оказывается мертвою буквою. Онѣ желалъ очень незначительныхъ послабленій, но такъ какъ границы не только намѣчаемыхъ имъ, но и вообще возможныхъ послабленій, давно перейдены

практикою, то его попытки возбудить интересъ къ вопросу оставались тщетными. Можно догадываться, что онъ находилъ строгимъ и законъ запрещающій хоронить самоубійцъ, который вслѣдствіе своей строгости тоже почти никогда не исполняется. Самоубійцъ покушавшихся на самоубійство онъ называлъ несчастными. Онъ рассказывалъ о случаѣ, какъ митрополитъ Филаретъ запретилъ хоронить опившагося служителя виѳанской семинаріи, и находилъ опредѣленіе митрополита жестокимъ. „Служитель, говорилъ онъ, пилъ не для того, чтобы умереть, но для удовольствія и только перехватилъ“. Состраданіе слышалось въ его голосѣ, когда онъ говорилъ и о дѣйствительныхъ самоубійцахъ. Вѣдь, они—не худшіе изъ людей, почему имъ не умѣвшихъ справиться съ своею жизнію отказываютъ въ томъ, въ чемъ не отказываютъ людямъ самовольно распоряжающимся жизнію и благополучіемъ другихъ? Но желая нѣкоторыхъ церковныхъ реформъ, нѣкоторыхъ измѣненій устава, Димитрій Θεодоровичъ считалъ, что, пока существуетъ уставъ, должно всѣми силами стремиться къ возможному его исполненію.

Какъ онъ стремился исполнять церковный уставъ, такъ добросовѣстно хотѣлъ онъ исполнять и всѣ свои обязанности. Онъ былъ аккуратенъ и точенъ. Это тѣмъ болѣе для него было трудно, что онъ былъ медлителенъ. Затѣмъ здоровье его уже давно было плохимъ, но онъ не уклонялся отъ дѣлъ. Его жизнь представляла собою строгое осуществленіе нравственнаго порядка. Московская Академія въ своемъ прошломъ знаетъ высокихъ нравственныхъ личностей, онъ былъ ихъ отраженіемъ. Самое главное и лучшее то, что въ немъ отразились ихъ высокія нравственныя качества. Но и по внѣшности онъ напоминалъ о нихъ. Его одежда, его табакерки, все напоминало о 30—40 годахъ ХІХ столѣтія. Достаточно посмотрѣть портреты профессоровъ этой эпохи, чтобы имѣть понятіе о той модѣ, которой неизмѣнно слѣдовалъ во всю свою жизнь покойный Голубинскій. Его картузь, это—тотъ самый, въ которомъ изображаютъ обстоятельныхъ людей тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка, его сюртукъ, особенный галстухъ, манишка, брюки, шинель, все говорило о давно прошедшемъ добромъ старомъ времени. Ученыхъ прошлаго характеризовала скромность жизни, ограниченность потребностей. Квасъ, хлѣбъ, картошка, лукъ, каша, постное масло въ мѣру, когда разрѣшаетъ уставъ, вотъ обычная пища Димитрія Θεодоровича во время постовъ, въ мясоѣдъ—горячее съ кускомъ мяса. Въ нынѣшнее время рабочіе и прислуга питаются лучше. На развлеченія онъ не тратился, самъ онъ охотно доставлялъ бесплатныя развлеченія: читалъ для

дѣтей или взрослыхъ лекціи по физикѣ съ опытами, показывалъ картины съ волшебнымъ фонаремъ. Доставлялъ онъ себѣ иногда одно развлеченіе — прокатиться верхомъ, но и то въ послѣдніе годы онъ доставлялъ себѣ это удовольствіе рѣдко и порою сомнѣвался и спрашивалъ—хорошо ли онъ это дѣлаетъ, такъ какъ это отвлекаетъ отъ дѣла? Даже въ этихъ его верховыхъ экскурсіяхъ отражался его выдержанный, спокойный и осторожный характеръ. Ъздилъ онъ тихо, пожалуй, тише, чѣмъ ходятъ пѣшеходы, держался спокойно.

Жилъ онъ одиноко. Его домашняя жизнь слагалась изъ молитвъ, чтенія книгъ, приготовленія къ лекціямъ и опытамъ, переписки съ знакомыми и научно-литературныхъ занятій. Писаніе писемъ для него было такимъ же важнымъ и серьезнымъ дѣломъ, какъ и составленіе статей. Въ этомъ отношеніи онъ былъ осторожнѣе своего родителя, который порою допускалъ опасную искренность въ признаніяхъ о себѣ. Не соблазнить, не обидѣть, дать точныя свѣдѣнія и указанія, дать дѣльный совѣтъ или дѣйствительную помощь—вотъ, задача многихъ изъ его писемъ. Получаемыя имъ письма онъ тщательно регистрировалъ. Но письма ему не всегда приходилась получать пріятныя. Порою къ нему приходили письма съ упреками и выраженіемъ недовольства, порою прямо грубыя. Замѣчательно въ этомъ отношеніи было его стремленіе не выводить темное на свѣтъ. Онъ отвѣчалъ деликатно на подобныя письма и когда въ концѣ концовъ дѣло улаживалось и выражавшій недовольство успокоивался, онъ обыкновенно возвращалъ непріятныя письма автору, отъ него просилъ назадъ свои, уничтожалъ ихъ и такимъ образомъ старался предать дѣло забвенію. Такъ, немного лѣтъ назадъ онъ поступилъ съ однимъ профессоромъ, у котораго рецензировалъ докторскую диссертацию. Къ оскорбленіямъ онъ относился спокойно. Года четыре—три назадъ онъ обратился съ просьбою къ одному московскому священнику, который въ бытность студентомъ Академіи получилъ 40 рублей отъ братства для вспоможенія студентамъ, возвратитъ эту сумму. Священникъ, говорятъ и это подтверждается его письмомъ, имѣетъ доходу не менѣе 4 тысячъ. Священникъ выразилъ негодованіе и изумленіе предъ просьбою Дмитрія Θεодоровича: развѣ братство при академіи — ссудная касса? Онъ — священникъ — былъ нездоровъ, былъ принужденъ пригласить къ себѣ московскихъ знаменитостей, Остроумова, а съ него хотятъ получить какіе-то сорокъ рублей. Нужно замѣтить, что съ него денегъ Дмитрій Θεодоровичъ не требовалъ, а деликатнѣйшимъ образомъ просилъ—не можетъ ли онъ, бывшій

нѣкогда бѣднякомъ и получившій помощь, оказать теперь подобную же помощь другимъ бѣднякамъ. Но этотъ своеобразный пастырь, забывшій о бѣдныхъ, за эту просьбу разразился порицаніями по адресу своего стараго и заслуженнаго учителя. Всѣ читавшіе были возмущены этимъ письмомъ. Димитрій Θεодоровичъ оставался спокойнымъ. Ему предложили напечатать это письмо. Оно было очень характерно и безъ комментаріевъ. Разумѣется, Димитрій Θεодоровичъ его не напечаталъ. Интересно, какъ онъ съ нимъ поступилъ?

Трудясь въ тихой атмосферѣ своей одинокой квартиры, Димитрій Θεодоровичъ отъ времени до времени выпускалъ въ печать работы, которыя всегда представляли много интереса и назиданія. Онъ печаталъ немного и писалъ медленно, но за то основательно. Печать продуманности и убѣжденія лежитъ на его статьяхъ. Вотъ—перечень его работъ: „Разборъ и опроверженіе ложнаго мнѣнія о кивотѣ завѣта“ (прибавл. къ творен. св. отцовъ. Ч. XXI); „Христіанское размышленіе объ устройствѣ земли. Видъ земли, ея поверхность и внутренность. Море. Горы. Подземный огонь. Воздухъ“ (Душепол. Чтен. 1863 г., ч. I—III); „Воспоминанія о математическихъ занятіяхъ профессора московской духовной академіи Петра Спиридоновича Делицына“ (прибавл. къ творен. св. отцовъ. Ч. XXII); „о кругообращеніи атмосферы“ (сборникъ изданный въ 1866 г. по случаю пятидесятилѣтія московск. духовн. академіи): „о времени празднованія пасхи въ православной церкви и у западныхъ христіанъ“ (Душеполезн. Чтен. 1865 г., ч. I); „осенняя пора“ (тамъ же, 1866 г., ч. III); „замерзаніе воды“ (тамъ же, 1868 г., ч. III); „о различіи климатовъ“ (тамъ же, 1869 г., ч. III); „о воздушной влагѣ“ (тамъ же, 1870 г., ч. III); „облака“ (тамъ же, 1871 г., ч. III); „дождь и снѣгъ“ (тамъ же, 1872 г., ч. III); „о замерзаніи воды въ связи съ ученіемъ о конечныхъ причинахъ“ (противъ Тиндаля, тамъ же, 1875 г., ч. I); „книга Секки: единство физическихъ силъ и тенденціи вятскаго изданія ея на русскомъ языкѣ“ (Православное Обозрѣніе, 1875 г. т. I и II); „о кругообращеніи крови“ (Душеполезн. Чтен. 1876 г., ч. III); „о соотношеніи устройства земнаго шара съ условіями жизни“ (въ годичномъ актѣ московской духовн. академіи за 1878 г.); „органы слуха и голоса“ (Душеполезн. Чтен. 1884 г. ч. I); „христіанскія размышленія о суточныхъ и годовыхъ перемѣнахъ на земномъ шарѣ“ (тамъ же, 1885 г. ч. III); „о затменіяхъ солнца и луны“ (тамъ же, 1887 г. ч. II); „о различіи климатовъ“ (Воскресный день за 1887 г.); „премудрое устройство орудій дыханія“ (Душеполезн. Чтен. 1890 г.); „о времени празднованія пасхи у

христіанъ востока и запада“ (Богословскій Вѣстникъ, 1892 г. ч. II); „чѣмъ держится земля въ пространствѣ“ (Душеполезное Чтеніе, 1894 г. ч. III); „изъ исторіи естественно-научной апологетики въ Россіи“ (первоначально въ формѣ рѣчи посвященной памяти А. В. Горскаго въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1900 г. № 11, затѣмъ въ Вѣр. и Церкв. 1901 г., кн. 3), „Макарій, основатель Алтайской миссіи по бумагамъ Θεодора Александровича Голубинскаго (въ Душеполезномъ Чтеніи съ 1890 г. и осталась неконченой), „рѣчь на актѣ виѳанской духовной семинаріи“ (сборникъ изданный по случаю столѣтія виѳанской духовной семинаріи, стр. 87—92); „изъ моихъ воспоминаній“ (Душеполезн. Чтен., конецъ 1901 и начало 1902 г.г.): „объ изученіи видимой природы въ духѣ св. вѣры“ Вѣра и Церковь, 1901 г., кн. 6).

Послѣдніе годы своей жизни Димитрій Θεодоровичъ посвятилъ занятіямъ надъ календаремъ. Въ 1899 г. онъ напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ рядъ статей подъ заглавіемъ: „Вопросъ объ уравниеніи года гражданскаго съ астрономическимъ“ и затѣмъ выпустилъ отдѣльной книжкой. Послѣ смерти профессора Болотова Димитрій Θεодоровичъ былъ избранъ отъ Св. Синода въ члены комиссіи, образованной при академіи наукъ по вопросу о календарѣ. Его много занималъ и вопросъ и поѣздка въ академию. Его точка зрѣнія на календарь опредѣлялась его взглядомъ на петровскую реформу въ области лѣтосчисленія. Онъ ее не одобрялъ. Рядомъ съ годомъ церковнымъ явился годъ гражданскій. Зачѣмъ эта двойная система? Укладъ древнерусской жизни былъ церковный, и реформа, по представленію Димитрія Θεодоровича, колебала этотъ укладъ. Затѣмъ, 1-ое января по юліанскому календарю отстоитъ далеко и отъ зимняго солнцестоянія и отъ весенняго равноденствія и поэтому является совершенно произвольнымъ пунктомъ для начала лѣтосчисленія. Напротивъ, 1-ое сентября стоитъ близко къ осеннему равноденствію и будетъ еще болѣе приближаться къ нему, какъ наоборотъ 1-ое января будетъ все далѣе отходить отъ зимняго солнцестоянія и будетъ все двигаться къ пункту наиболѣе отдаленному отъ всѣхъ важныхъ астрономическихъ точекъ. Димитрій Θεодоровичъ рѣшительно предпочиталъ юліанскій календарь григоріанскому и утверждалъ, что при введеніи послѣдняго нельзя будетъ выполнять всѣ издревле освященныя церковныя правила. Любовь Димитрія Θεодоровича къ установившемуся и выработавшемуся у насъ порядку дѣлала его здѣсь одностороннимъ. Онъ указывалъ, что при введеніи григоріанскаго календаря христіанская пасха можетъ иногда совпадать съ еврейскою, что запрещается древними правилами. Но

самъ онъ сознавалъ, что и правила эти могутъ подлежать отмѣнѣ и могутъ быть вполнѣ сохранены именно при усиленіи точности григоріанскаго календаря. Сохраненіе древнихъ церковныхъ правилъ только и возможно при григоріанскомъ календарѣ, относящемъ, какъ и древнія правила, равноденствіе къ 21—22 марта, а никакъ ни при юліанскомъ, по которому равноденствіе падаетъ теперь на 8 марта. Димитрій Θεодоровичъ и чувствовалъ и видѣлъ это, но онъ не любилъ говорить объ этомъ, а когда былъ вынужденъ говорить, ссылаясь на обязательность для насъ выработавшейся у насъ практики. За всѣмъ тѣмъ онъ не отрицалъ совершенно нужды въ реформѣ календаря, онъ только находилъ, что ею должно помедлить. По теперешней системѣ дни празднованія пасхи возвращаются къ тѣмъ же числамъ и той же послѣдовательности черезъ 532 года, потому что черезъ этотъ періодъ возвращаются къ тѣмъ же числамъ фазы луны и дни недѣли (фазы луны возвращаются къ тѣмъ же числамъ черезъ 19 лѣтъ, дни недѣли—черезъ 28 лѣтъ, тѣ и другіе—черезъ $19 \times 28 = 532$). Этотъ періодъ называется великимъ индиктіономъ. Онъ долженъ закончиться въ 1940 г. По окончаніи индиктіона, по мысли Димитрія Θεодоровича, принятой имъ отъ Петра Спиридоновича Делицына—юліанское лѣтосчисленіе нужно замѣнить медлеровскимъ—въ каждые 128 лѣтъ нужно принимать не 32, а 31 высокосный годъ. Этотъ способъ счисленія гораздо точнѣе юліанскаго и григоріанскаго. Система индиктіоновъ должна быть уничтожена и пасху нужно вычислять съизнова на каждые 128 лѣтъ. Димитрію Θεодоровичу пришлось имѣть дѣло съ противниками двухъ совершенно противоположныхъ лагерей, которыхъ впрочемъ сближало то, что за немногими исключеніями всѣ они не понимали—въ чемъ дѣло? Либеральные противники требовали введенія точнаго стиля, но, вѣдь, Димитрій Θεодоровичъ въ системѣ Медлера предлагалъ точнѣйшій стиль; ультраконсервативные противники требовали вѣчнаго сохраненія пасхалии, которую можно вычислять „на перстахъ человѣческой руки“. Но такъ какъ не только персты человѣческой руки, но и таблицы логариѳмовъ созданные человѣческимъ геніемъ не приспособлены къ абсолютно точному счисленію, то понятно, что при руководствѣ перстами намъ пришлось бы когда-либо праздновать пасху и зимою. Впрочемъ разсужденія ультраконсерваторовъ (см. Симеона Соколова—православная пасхалия. Москва. 1900 г.) настолько нелѣпы и поражаютъ такимъ богословскимъ невѣжествомъ (пасхалия есть истина непреложная, вѣчно неизмѣнная; только церковь, какъ столпъ и утвержденіе истины, ведетъ правильный счетъ времени), что не заслуживаютъ

опроверженія. Но прискорбно, что авторъ указанной пасхалии священникъ, видно никогда не видалъ правилъ вселенскихъ соборовъ и не имѣеть, понятія о различіи между догматами и канонами. Димитрію Θεодоровичу особенно это должно было быть прискорбно, потому что въ сущности эти его противники любили ту же истину, какъ и онъ,—православіе и были одушевлены самыми благими намѣреніями, но только по невѣжеству видѣли въ немъ врага. Во имя чего вообще шли противъ Димитрія Θεодоровича? Во имя юліанскаго стиля? Онъ оставлялъ его еще на 40 лѣтъ, а въ 40 лѣтъ можно много разъ обсудить, какъ поступать далѣе. Во имя точнаго стиля? Онъ становился на сторону стиля самаго точнаго изъ предложенныхъ, а что онъ отсрочивалъ введеніе его, это не имѣеть никакого значенія, такъ какъ въ періодъ отсрочки юліанскій и медлеровскій стиль будутъ совпадать. Однимъ противникамъ Димитрія Θεодоровича хотѣлось, чтобы реформа была произведена *сейчасъ*; другимъ,—чтобы она не была произведена *никогда*. Онъ не былъ ни за *сейчасъ*, ни за *никогда*, *Inde ira* противъ него тѣхъ и другихъ. Оставалась одна сторона дѣла, которую Димитрій Θεодоровичъ не забылъ, но касаться которой онъ не хотѣлъ, потому что она теоретически очень трудна, а практически опасна. Въ теперешнемъ лѣтосчисленіи даже по григоріанскому и тѣмъ болѣе по юліанскому календарю заключаются ошибки. Какъ исправить эти ошибки прошлаго и опредѣлить—какое на самомъ дѣлѣ число и какой годъ отъ Рождества Христова имѣемъ мы въ настоящій день? Астрономическая сторона этого вопроса была бы легко рѣшена, если бы была опредѣлена сторона историческая. Но при настоящемъ состояніи знанія этого сдѣлать нельзя: можно дѣлать только частныя и второстепенныя поправки традиціонно установленныхъ хронологическихъ датъ. Это—теоретическая сторона. Затѣмъ—практическая. Если при введеніи всеобщей переписи нашлись люди, которые предпочли заживо похоронить себя лишь для того, чтобы не быть записанными, то что произойдетъ на Руси у подобныхъ „малыхъ“, когда въ стилѣ будетъ уничтожено болѣе десятка дней. Если священнику Соколову, обязанному разсѣвать суевѣрія, пасхалия представляется вѣчною и непреложною, то вѣдь, за нимъ и много ниже его стоятъ массы, для которыхъ непосредственное введеніе новаго стиля можетъ оказаться непосильнымъ искушеніемъ. Ясно было для Димитрія Θεодоровича, что въ сущности должно быть ясно и для другихъ, что практическія неудобства отъ юліанскаго календаря приблизительно равны нулю. Только въ 1900 г. при международныхъ сдѣлкахъ заключеніе ихъ осложнялось тѣмъ, что у насъ годъ былъ равенъ

366 днямъ, а на западѣ—365 дн. Но это было предусмотрено, рассчитано и не повело ни къ какимъ недоразумѣніямъ. Снова такое осложненіе можетъ явиться лишь черезъ двѣсти лѣтъ. Но будемъ надѣяться, что гораздо раньше этого и григоріанскій и юліанскій стиль замѣнятся болѣе точнымъ и совершеннымъ.

Работа надъ календаремъ, это—кабинетная работа Дмитрія Θεодоровича. Но хотя онъ жилъ одиноко, онъ не былъ человѣкомъ всецѣло замкнувшимся въ кабинетѣ или кельѣ. Онъ не уклонялся отъ людей и отъ общества, охотно спрашивалъ и охотно любилъ говорить. Кромѣ лекцій онъ любилъ занимать студентовъ по вечерамъ демонстраціями съ волшебнымъ фонаремъ, съ телескопомъ. У него много было отношеній къ студентамъ по братству преподобнаго Сергія, основанному при Академіи для вспомошествованія недостаточныхъ студентовъ и бывшихъ воспитанниковъ Академіи. Со смерти Виктора Димитріевича Кудрявцева (3 декабря 1891 г.) и до 3 мая 1903 г. Дмитрій Θεодоровичъ былъ предсѣдателемъ братства. Тяжела для него была эта должность. Онъ характеризовалъ ее, какъ крестъ, и затѣмъ прибавлялъ: убыточная эта должность. Для него дѣйствительно она была страшно убыточною, такъ какъ въ качествѣ предсѣдателя онъ считалъ своею обязанностью помогать нуждающимся не только изъ средствъ братства, но и изъ собственныхъ средствъ. Безъ сомнѣнія, много студентовъ сохранятъ къ нему чувства глубокой благодарности. Въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ, какъ профессоръ, понятно, онъ былъ безусловно добросовѣстенъ. На экзаменахъ онъ записывалъ содержаніе отвѣтовъ студентовъ. Эта была система его отца, который подобныя записи дѣлалъ искусно. Новопоступавшихъ студентовъ онъ поражалъ своею скромностію. Существуетъ такой рассказъ. Пріѣхавшій держать пріемные экзамены семинаристъ, встрѣтилъ у подъѣзда Академіи Дмитрія Θεодоровича и, принявъ за слугу, приказалъ ему внести въ зданіе привезенныя имъ вещи. И Дмитрій Θεодоровичъ будто бы ихъ понесъ. Несомнѣнно, что этого не было и не потому что Дмитрій Θεодоровичъ считалъ унизительнымъ оказать подобную услугу семинаристу. Въ этомъ онъ унизительнаго по своимъ принципамъ не могъ видѣть. А потому что этимъ онъ поставилъ бы потомъ въ крайне унизительное положеніе этого семинариста. Теперь за скромность Дмитрія Θεодоровича расплачивается какой-то фантастическій X, а тогда изъ года въ годъ имя злополучнаго семинариста переходило бы изъ устъ въ уста. Дмитрій Θεодоровичъ не могъ допустить этого. Онъ держалъ себя *правильно*—въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Приходилось ему читать сочиненія

на степени, принимать участие въ диспутахъ. Здѣсь по обычаю онъ представлялъ поучительную добросовѣтность. Онъ читалъ очень медленно и съ формальной стороны очень тщательно, онъ просилъ магистрантовъ или докторантовъ о разъясненіяхъ, просилъ измѣнять выраженія или перепечатывать разсужденія, если они ему казались неправильными. Вслѣдствіе этого ему приходилось вступать въ утомительную и порой непріятную переписку. А вѣдь, можно поступать гораздо проще: непонятныя мысли автора—не обращаясь къ нему за разъясненіями даже тогда, когда это очень легко сдѣлать—объявлять неправильными и тѣмъ болѣе съ легкимъ сердцемъ объявлять неосновательнымъ и неправильнымъ все, что показалось таковымъ съ перваго взгляда.

Въ отношеніяхъ Димитрія Θεодоровича къ сослуживцамъ было много такого, что вызываетъ на размышленія. Онъ старался каждому говорить доброе, но не лживо-любезное, какъ говорятъ вообще люди, а хотѣлъ указывать дѣйствительно доброе сдѣланное или сказанное или написанное тѣмъ или инымъ лицомъ. Онъ не говорилъ о непрочитанной книгѣ ея автору, что она прекрасна, и не хвалилъ прочитанной книги, если она ему не нравилась. Тогда онъ молчалъ. Но онъ любилъ напомнить о добромъ: Вы тогда-то сказали то-то, написали то-то. Порою и сдѣлавшій и написавшій уже основательно забылъ это. Такъ что одинъ изъ профессоровъ сказалъ о немъ: „отъ него только и узнаешь доброе о самомъ себѣ“. По человѣческой слабости надъ нимъ нерѣдко подтрунивали, надъ его старозавѣтными привычками и обычаями. Онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ насмѣшки или ироніи—правда, обыкновенно безобидныхъ,—и онъ никогда ни въ глаза, ни за глаза не высказывалъ недовольства такимъ къ нему отношеніемъ. Но когда задѣвали не его, а его убѣжденія, отрицали полезность преподаваемого имъ предмета или представляли предметъ въ комическомъ видѣ, или ставили ему серьезныя возраженія, онъ слагалъ слова въ сердцѣ, много думалъ о нихъ, черезъ мѣсяцы заводилъ о нихъ рѣчь, защищалъ свои положенія и искалъ союзниковъ. На товарищескихъ академическихъ собраніяхъ онъ любилъ подниматься съ тѣмъ, чтобы предложить присутствующимъ по поводу празднуемаго событія „нѣсколько историческихъ воспоминаній“. Всегда его слова были интересны и обыкновенно клонились или къ восхваленію какихъ либо дѣятелей или по крайней мѣрѣ къ ихъ реабилитаціи. Его иногда немногія слова заставляли рассѣваться тяготящее надъ какимъ-либо дѣятелемъ историческое обвиненіе.

Старался Димитрій Θεодоровичъ быть полезнымъ и пріятнымъ

дѣтямъ. Онъ охотно принималъ предложенія прочитать или показать что-либо въ школахъ. Въ обществѣ, гдѣ были дѣти, охотно вступалъ съ ними въ игры. Помнится, года за два до смерти съ десяти, двѣнадцатилѣтними мальчиками и дѣвочками онъ игралъ въ одномъ собраніи въ веревочку. Думается, для дѣтей, для рабочихъ онъ могъ бы быть прекраснымъ преподавателемъ естествознанія съ его ясностью мысли и простотою изложенія. Дѣти посада звали его „добрымъ дѣдушкой“. Предметомъ многихъ заботъ и безпокойствъ служили для него и взрослые дѣти—малые міра сего. Раздавалъ онъ все, что имѣлъ. Онъ получалъ жалованья не менѣе двухсотъ рублей въ мѣсяць, на себя не тратилъ и нѣсколькихъ десятковъ рублей и не имѣлъ средствъ сшить себѣ пальто и нерѣдко принужденъ былъ обращаться къ займамъ. О своей благотворительности онъ не говорилъ. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ завѣту своего отца, что ненужно говорить о благотвореніяхъ, а если при этомъ приходится испытывать и непріятности (существуетъ вѣдь много просителей наглыхъ, требовательныхъ и ничѣмъ не довольныхъ), то это—„алмазныя привѣски къ золотой цѣпочкѣ“. Должно благодарить Бога за то, что онъ даетъ намъ возможность благодарить и еще болѣе должно благодарить, если при этомъ приходится что-либо претерпѣвать. И претерпѣвать Дмитрію Θεодоровичу приходилось не мало. Нищія преслѣдовали его, какъ какая хищная стая. Порою изъ своей квартиры въ нужный ему домъ онъ пробирался какими-либо задами, чтобы не быть настигнутымъ просителями, порою въ прекрасную погоду онъ ѣздилъ въ пролеткѣ съ спущеннымъ верхомъ, завѣсившись, чтобы его не узнали. Но все это удавалось плохо. Просители узнавали его, настигали экипажъ и оттуда высовывалась блѣдная рука Дмитрія Θεодоровича, и начинала сыпаться монета. Онъ раздавалъ деньги извозчикамъ. Когда онъ входилъ въ какой-либо домъ, онъ давалъ деньги прислугѣ раньше, чѣмъ она могла оказать ему какую-либо услугу. Много имѣлъ онъ пансіонеровъ и среди болѣе или менѣе интеллигентнаго пролетаріата. На его могилѣ (на другой день послѣ погребенія) авторъ настоящей статьи слышалъ такой рассказъ отъ одного священника. Священникъ вошелъ въ Московское отдѣленіе государственнаго банка и увидѣлъ Дмитрія Θεодоровича переходящимъ отъ одной къ другой кружкѣ для благотворительныхъ сборовъ и опускающимъ въ нихъ деньги. Священникъ спросилъ у сторожей: знаютъ ли они этого старика?—Какъ не знать, отвѣчали тѣ, онъ бываетъ здѣсь разъ 6—7 въ годъ и никогда не опуститъ ни одной

кружки. Зналъ ли Димитрій Θεодоровичъ, что у него были такіе наблюдатели?

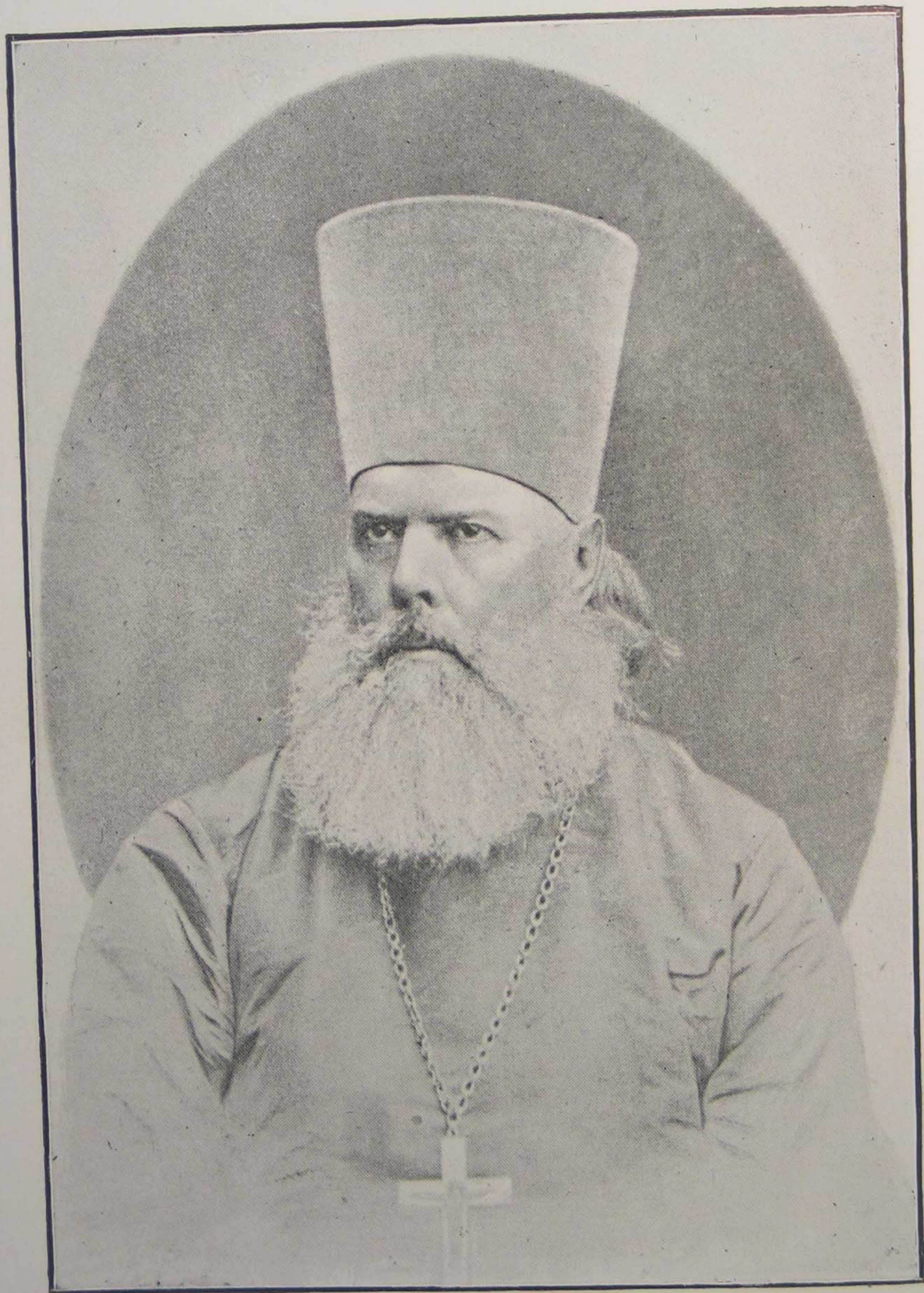
Благотворя низшимъ, Димитрій Θεодоровичъ былъ въ высшей степени почтителенъ къ высшимъ. Это не была почтительность заискивающая, но почтительность по долгу. Онъ относился съ почетомъ и къ тѣмъ, которые скорѣе нуждались въ немъ, чѣмъ онъ въ нихъ, онъ относился съ почетомъ и къ памяти умершихъ и порою принималъ мѣры къ тому, чтобы скрыть тѣни, падающія на такую память. Въ концѣ 1897 года было нужно напечатать письма Θεодора Александровича Голубинскаго къ архіепископу Иннокентію, нашему знаменитому церковному оратору. Письма эти однажды уже были изданы. Въ нихъ Θεодоръ Александровичъ, какъ цензоръ, указываетъ въ весьма почтительной формѣ архіепископу Иннокентію допущенныя имъ ошибки и неправильности (искаженіе церковныхъ пѣснопѣній, догматически неправильныя выраженія). Въ этихъ письмахъ ярко выступаетъ и добросовѣстность и эрудиція и деликатность Θεодора Александровича, и однако сынъ, для котораго память отца была предметомъ культа, не позволилъ перепечатать этихъ писемъ, потому что они набрасывали тѣнь на такого великаго человѣка, какъ архіепископъ Иннокентій. „Прочтутъ и скажутъ, говорилъ онъ, вотъ и великіе люди писали съ маху“. А между тѣмъ онъ самъ сообщилъ, что архіепископъ Иннокентій былъ недоволенъ его батюшкой за эти письма и послѣдующіе томы своихъ проповѣдей отдавалъ въ кievскую цензуру. Даже грѣхъ словъ Димитрій Θεодоровичъ стремился покрывать забвеніемъ. Тѣмъ болѣе онъ не могъ вести рѣчи о прошедшихъ грѣхахъ дѣль. Къ чему говорить о грѣхѣ, который допустилъ какой-либо дѣятель и можетъ быть давно и горячо оплакалъ. Рѣчь о прошедшемъ грѣхѣ только родитъ злорѣчье и новые грѣхи. Онъ сообщалъ, что сжегъ часть своего дневника. Несомнѣнно, что и въ этой погибшей части онъ не сказалъ ничего дурного, но онъ подумалъ, что путемъ умозаключеній изъ написаннаго имъ могутъ вывести о комъ-либо дурное и, что-бы не случилось этого, онъ уничтожилъ свой трудъ.

Отрадно отмѣтить, что за свои высокія нравственныя качества Димитрій Θεодоровичъ былъ почитаемъ и цѣнимъ всѣми. Высокопоставленныя лица писали къ нему письма, исполненныя любви и почтенія. Выражали ему почтеніе и во внѣшнихъ знакахъ вниманія. Такъ хотя онъ былъ преподавателемъ сверхштатнымъ Св. Синодъ утвердилъ за нимъ званіе заслуженнаго профессора (по уставу полагается лишь для прослужившихъ при Академіи 25

лѣтъ въ штатныхъ преподавательскихъ должностяхъ). По существу, конечно, едва-ли кто имѣлъ болѣе правъ на это званіе, чѣмъ онъ. Онъ заслужилъ Академіи. Вся его жизнь прошла подъ ея сѣнью и въ служеній ей. Никто лучше его не зналъ ея исторіи. Онъ былъ живою лѣтописью Академіи: онъ точно помнилъ событія, ихъ хронологическія даты, обстановку, при которой они происходили. Другая награда, которую дали ему, менѣе подходила къ нему. Его не имѣющаго чина произвели въ дѣйствительные статскіе совѣтники, но на генерала онъ походилъ мало. Самую лучшую награду дали ему тѣ люди нерѣдко сомнительныхъ профессій, которые обрывали у него звонки и не давали ему своими просьбами проходу на улицахъ. Они отзывались о немъ: „другого такого святого старика не найдешь во всей Россіи“.

Умеръ онъ на 72-мъ году отъ рожденія. Болѣзнь давно подкрадывалась къ нему. Онъ слабѣлъ, хирѣлъ, порою принужденъ былъ лежать, но лишь къ нему возвращалось подобіе силъ, вставалъ, производилъ опыты, читалъ лекціи, писалъ. Болѣзнь шла медленно, и временныя улучшенія давали надежды на поправленіе. Но смерть приближалась. 22-го ноября у него были посѣтители. Онъ бесѣдовалъ съ ними еще и о будущихъ дняхъ своей жизни, но они вынесли впечатлѣніе, что конецъ его близокъ. Ночь онъ провелъ тревожно, метался. Утромъ прислуга позвала священника. Въ 7 часовъ онъ причастился святыхъ таинъ и черезъ нѣсколько минутъ его не стало.

За четыре года передъ его смертію Академія опустила въ могилу другого дѣлателя добра профессора Ивана Николаевича Корсунскаго. И Иванъ Николаевичъ и Димитрій Θεодоровичъ много и щедро благодетели разнаго рода милостынею. Вѣримъ, что на послѣднемъ судѣ и Господь воздастъ имъ щедро. Но когда около насъ не стало этихъ хорошихъ людей, жизнь какъ то стала сумрачнѣе и печальнѣе.

Протоіерей С. К. Смирновъ.

ПРОТОІЕРЕЙ

Сергій Константиновичъ Смирновъ.

Много чертъ сближаетъ С. К. Смирнова съ его предшественникомъ по ректорству А. В. Горскимъ. За все столѣтіе Академіи въ числѣ девятнадцати ректоровъ это были единственные два лица изъ бѣлаго духовенства—протоіереи, при остальныхъ семнадцати монахахъ—тринадцати архимандритахъ и четырехъ епископахъ. Оба отмѣчаютъ время наивысшаго разцвѣта Академіи въ лицѣ ея славныхъ профессоровъ: П. С. Казанскаго, В. Д. Кудрявцева, Е. Е. Голубинскаго, А. П. Лебедева, В. О. Ключевскаго, включая сюда и обоихъ ректоровъ-протоіереевъ. Оба—современники знаменитыхъ ректоровъ-протоіереевъ—Янышева въ Санктпетербургской и Владимірскаго въ Казанской Академіяхъ. И тотъ и другой, съ студенческой парты до гроба самоотверженно преданы высокому подвигу служенія Академіи, безъ отвлеченія въ сторону какихъ либо чуждыхъ академической наукѣ занятій или даже побочнаго ей заработка, для восполненія скудости академическаго содержанія. Больше языковѣды, съ основательною и широкою подготовкою къ самостоятельнымъ работамъ по академическимъ дисциплинамъ. Но, главнымъ образомъ, и по складу ума и по большинству своихъ ученыхъ работъ и по профессурѣ, оба они—историки, преимущественно русскіе церковные, пріобрѣтшіе здѣсь выдающееся положеніе и непреходящую славу. И, наконецъ, какъ начальники Академіи, они пользуются истосыновнею любовью и высокимъ почтеніемъ какъ профессоровъ такъ и студентовъ: и тотъ и другой были „отець-ректоръ“, а Горскій даже и „папаша“.

Различіе только въ силѣ, яркости и полнотѣ проявленія этихъ общихъ обоимъ отцамъ-ректорамъ чертъ. А. В. Горскій — весь безраздѣльно подвижникъ науки, строгій аскетъ ученой кельи и только служителъ Академіи, только ея профессоръ, только ея

отецъ-ректоръ. А С. К. Смирновъ—и инспекторъ, и отецъ многочисленнаго семейства. Поэтому, со всею справедливостью считая обоихъ двумя великими свѣтилами Академіи за все ея столѣтіе, мы съ неменьшею справедливостью должны признать А. В. Горскаго свѣтиломъ бѣльшимъ, а С. К. Смирнова свѣтиломъ меньшимъ.

И это духовное родство скрѣпляется и выражается и внѣшними узамн. С. К—чъ, во все время продолжительнаго, 31-лѣтняго сослуженія въ Академіи находится въ самыхъ тѣсныхъ, интимныхъ и дружескихъ отношеніяхъ къ А—ру В—чу. Онъ пользуется его указаніями и совѣтами въ своихъ ученыхъ работахъ. Составляетъ для него проектъ рекомендаціи себя предъ митрополитомъ Филаретомъ для поступленія священникомъ на приходъ въ Москву,—въ записной книжкѣ С. К—ча отдѣль Debita (долги) начинается на 94-й страницѣ такъ: „Взялъ у Алекс. Васильевича 50 р.“ и далѣе на стр. 96 и 145 и слѣд. среди многихъ кредиторовъ имя Александра Васильевича повторяется всего чаще, почти постоянно,—повидимому, это былъ самый главный, постоянный и надежный кредиторъ С. К—ча. Дружба скрѣпляется кумовствомъ: А. В—чъ креститъ двухъ дочерей С. К—ча. И въ ознаменованіе этой дружбы, С. К—чъ предъ смертью проситъ похоронить себя на академическомъ кладбищѣ рядомъ съ А. В—мъ.

Такъ, любовно посвятивъ всю жизнь свою на долготѣнее и исключительное служеніе ¹⁾ Академіи, оба друга и свои посмертные останки отдають ей же, своей *Almae Matri*. Стоящіе теперь на академическомъ кладбищѣ два скромные памятника, съ лицами единственныхъ двухъ ректоровъ-протоіереевъ,—молчаливо, но внушительно свидѣтельствуютъ о томъ, кому, за какіе подвиги и при какихъ условіяхъ дается непреходящая и вѣрная слава въ Духовныхъ Академіяхъ.

И по происхожденію, и по воспитанію, и по семейному своему положенію, и по учено-профессорской дѣятельности, и по личному характеру—С. К—чъ былъ, такъ сказать, истымъ и типичнымъ москвичемъ, въ хорошемъ смыслѣ.

Дату своего рожденія—5-е сент. 1818 г. самъ С. К—чъ въ своей памятной книжкѣ записаль, какъ и другія даты своей

---

¹⁾ А. В—чъ поступилъ въ Академію въ 1828-мъ году и умеръ въ 1875-мъ, 11 октября, а С. К—чъ поступилъ въ 1840-мъ и умеръ 1889-мъ, 16 февраля. Само по себѣ протоіерейство здѣсь, конечно, не имѣетъ значенія: важно именно *пожизненное* и неотвлекаемое въ сторону служеніе Академіи.

семейной жизни, по нѣмецки такъ: „1818 Septembr. 5 bin ich auf Welt gekommen. Mein Namenstag 25 Septembr“. Его родитель былъ священникомъ при Московской церкви св. Николая въ Ковыльскомъ. Ранѣе же онъ, по показанію самого С. К—ча, служилъ учителемъ Виѳанской Семинаріи, при митрополитѣ Платонѣ и, какъ и всѣ образованные люди того времени, занимался стихотворствомъ ¹⁾. А по свидѣтельству М. П. Погодина онъ славился въ Москвѣ своими проповѣдями и обладалъ хорошимъ знаніемъ русской исторіи ²⁾. Преподаватель Платоновской Семинаріи конечно былъ знатокомъ и классическихъ языковъ—латинскаго и греческаго. Всѣ эти таланты сынъ унаслѣдовалъ отъ отца въ преизбыточествующей мѣрѣ и весьма приумножилъ ихъ въ себѣ: стихотворное искусство, ораторскій даръ слова, изящество стили, языковѣдѣніе и въ особенности любовь къ русской исторіи.

Унаслѣдованіе сыномъ талантовъ своего отца, кромѣ прирожденности ихъ, объясняется и тѣмъ, что какъ дошкольное ученіе, такъ и школьное образованіе—низшее въ духовномъ училищѣ и среднее въ духовной семинаріи въ Москвѣ, С. К—чъ прошелъ при ближайшемъ участіи и подѣ постояннымъ наблюденіемъ своего даровитаго и высоко образованнаго родителя, умершаго черезъ два мѣсяца по поступленіи сына въ Академію ³⁾.

По окончаніи курса Московской семинаріи въ 1840-мъ году, С. К—чъ былъ посланъ въ Московскую Духовную Академію, для образованія XIV курса, по вызову Академіи и распоряженію Синода, въ числѣ четырехъ лучшихъ воспитанниковъ Семинаріи ⁴⁾. Въ приѣмномъ академическомъ спискѣ онъ занимаетъ четвертое

¹⁾ Спасо-Виѳанскій монастырь, Прот. С. К. Смирнова, Москва. 1889, стр. 84—88. Корсунскій, Прот. С. К. Смирновъ, Москва, 1889, стр. 9, прим. 9.

²⁾ Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина. СПб. 1888, кн. 1, стр. 21—22. Корольковъ, Русскіе педагоги, въ журналѣ „Гимназія“ за 1892 г. кн. XXXI—XXXII, §§ 28 и 29.

³⁾ 29 Окт. 1840 года, по записи самого С. К—ча, въ упомянутой памятной книжкѣ его. Корсунскій сообщаетъ, что „отецъ С. К—ча находился въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ митроп. Платону и былъ домашнимъ человѣкомъ у него, слѣд. зналъ многое такое, что далеко не всякому удавалось знать и что обнимало собою болѣе полстолѣтія изъ 18-го столѣтія“. (Стр. 22). Источникъ этого сообщенія намъ неизвѣстенъ и въ истор. работахъ С. К—ча не видно преданій его отца. Также и тесть С. К—ча М. Л. Ловцевъ былъ магистромъ Моск. Акад. и затѣмъ бакалавромъ въ 1822—1827, а потомъ Москов. священникомъ и протоіереемъ, († 1869 г.). Но въ трудахъ С. К. не видимъ преданій и этого старца. Приходится жалѣть, что С. К—чъ не оставилъ никакихъ воспоминаній.

⁴⁾ Въ спискѣ Моск. Сем. они значатся въ такомъ порядкѣ: Семень Протопоповъ, Теофилактъ Кротковъ, Ипполитъ Богословскій и Сергій Смирновъ.

мѣсто, послѣ Богословскаго (Моск.), Протопопова (Моск.) и Зернова (Виѳан. Сем.), изъ 65 всѣхъ принятыхъ въ составъ XIV курса,— и въ донесеніи митрополиту первые трое помѣчены сдавшими экзамень „очень хорошо“, а С. К—чъ начинаетъ разрядъ сдавшихъ только „хорошо“¹⁾. Эти же мѣста всѣ четверо занимаютъ въ общихъ разрядныхъ спискахъ за весь четырех-лѣтній курсъ. Но при окончаніи курса Протопоповъ, принявшій монашество съ именемъ Серафима, понижается на шестое мѣсто, а С. К—чъ кончаетъ третьимъ²⁾. Не такъ устойчиво поведеніе С. К—ча. Инспекторъ архим. Евсеvій Орлинскій въ числѣ 16-ти студентовъ XIV курса, „особенно рекомендовавшихъ себя по поведенію: отличною скромностью и прилежаніемъ въ занятіяхъ“ за сентябрь и октябрь 1840-го года, не помѣчаетъ С. Смирнова. Тоже за ноябрь и декабрь того же года, въ числѣ 15 студентовъ этого курса, „преимущественно предъ другими студентами отличавшихся отмѣннымъ благонравіемъ и постояннымъ усердіемъ къ своимъ обязанностямъ и скромностью“. То же за Мартъ и Апрель 1841-го года въ числѣ „особенно рекомендовавшихъ себя 29 студентовъ курса, при постоянно добромъ поведеніи, отличною ревностью къ занятію науками, отличною скромностью, благопокорностью, благородствомъ, при скромности трудолюбіемъ“. Также и позднѣе, другой инспекторъ, іером. Агаѳангель не помѣтилъ С. Смирнова за апрѣль 1842 г. среди 23-хъ, кто „преимущественно отличились благочестіемъ и благопочтительностію, скромностію, прилежаніемъ и усердіемъ къ Церкви Божіей“. Впрочемъ дважды отмѣчаетъ

1) Далѣе слѣдуютъ: довольно хорошо, порядочно и слабо.

2) Въ дѣлахъ внутренняго Академическаго Правленія за 1840—1844 годы имѣются списки, въ коихъ С. К. занимаетъ мѣста—въ нисшемъ отдѣленіи 4-е по философіи (проф. Голубинскій), 1-е по всеобщей словесности (бакалавръ Амфитеатровъ—въ 1841-мъ году С. К—чъ составилъ привѣтственное стихотвореніе по случаю посѣщенія Лавры и Академіи Наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ и его супругою Маріею Александровною, вскорѣ послѣ ихъ брака,—именно 25-го мая 1841-го года. Стихотвореніе это митрополитъ Филаретъ поднесъ Наслѣднику. С. К. Смирновъ, Исторія Моск. Дух. Академіи, 368),—а по своей будущей спеціальности—греческому языку—16-мъ (бакк. В. Соколовъ), и въ общемъ списокъ за 1840/41 годъ—4-е, съ отмѣткою первымъ пяти студентамъ: весьма хорошо. Затѣмъ за первую половину 1841/42 года С. К. по всеобщей словесности занимаетъ 3-е мѣсто, съ тою же отмѣткою, а по греческому языку 8-е, хотя и въ первомъ разрядѣ, но не съ „отлично хорошо“, а только „очень хорошо“ (бакк. Соколовъ). Переходитъ въ высшее отдѣленіе по общему списку 4-мъ. Въ высшемъ отдѣленіи за первый годъ: въ общемъ списокъ по евр. языку, церковному краснорѣчію—4-мъ,—по церковной исторіи—5-мъ (Горскій) и по греческому языку—6-мъ (бакк. Славолубовъ). Въмѣсто Гражданской исторіи С. К. изучалъ математику въ числѣ троихъ своихъ товарищей.

Смирнова Евсевій, какъ рекомендовавшаго себя „отличною честностію“ въ числѣ 25 студентамъ на 15 мѣстѣ—за январь и февраль 1841 года и „весьма честнымъ поведеніемъ“ въ числѣ 27 на 10 мѣстѣ—за май и іюнь того же года. Ту же черту отмѣтилъ и преемникъ Евсевія архим. Платонъ, за январь 1842-го года рекомендуящій 18 студентовъ, изъ нихъ 6—„отличною скромностью и ревностью къ занятіямъ“ и 9—„постоянно честнымъ поведеніемъ“, и въ числѣ ихъ С. Смирнова на 7-мъ мѣстѣ. Въ общихъ спискахъ Смирновъ занимаетъ однакожъ высокія мѣста, именно за 1840/41—9-е, за 1841/42—6-е, и только за 1842/43—21-е.

Были, повидимому, какія-то тренія съ инспекціей, впрочемъ не важныя, ибо не препятствовали С. К—чу постоянно занимать высокое мѣсто въ общихъ спискахъ по поведенію и успѣхамъ и немедленно по окончаніи курса получить профессуру въ Академіи. Двукратная отмѣтка о „честности въ поведеніи“ можетъ указывать на прямоту, непокладистость и негибкость характера въ отношеніяхъ къ инспекціи и на столкновенія съ нею. Притомъ слишкомъ свѣтскій стиль москвича не гармонировалъ съ строго аскетическимъ тономъ Академіи. Высокій и стройный юноша-красавецъ, съ блестящими и живыми большими темными глазами, густыми темными бровями и роскошною кудрявою шевелюрою брюнета, отличный танцоръ, хорошій скрипачъ, жизнерадостный весельчакъ, остроумный шутникъ, поэтъ, талантливый разскащикъ—мало, конечно, соответствовалъ идеалу студента у тогдашнихъ монаховъ-аскетовъ, стоявшихъ во главѣ Академіи¹⁾.

Это, однакожъ, не мѣшало веселому юношѣ быть выдающимся среди товарищей и работникомъ-студентомъ. Напечатанныя имъ потомъ, обширныя и серьезныя, съ большимъ научнымъ аппаратомъ, студенческія работы²⁾ свидѣтельствуютъ о незаурядномъ трудолюбіи, обширной научной подготовкѣ, особенно лингвистической, и недюжинныхъ способностяхъ С. К—ча.

По окончаніи курса третьимъ магистромъ, С. К—чъ былъ оставленъ бакалавромъ въ Академіи, вмѣстѣ съ другими двумя премьерами XIV курса: И. М. Богословскимъ-Платоновымъ изъ Моск. сем. и С. И. Зерновымъ изъ Виѣ. сем. Кромѣ этихъ, удо-

¹⁾ Припоминается разсказъ С. К—ча, что среди его однокурсниковъ-товарищей былъ особый кружокъ весельчаковъ, къ коему принадлежалъ онъ и, если не ошибаюсь, между другими: Романовскій, Ключаревъ, Говоровъ. Объ инспект. рекомендаціяхъ ср. Ист. М. Д. А. стр. 269 дал.

²⁾ О душепереселеніи, идеяхъ Платона, разговоръ Іустина философа съ Трифономъ іудеемъ,—особенно же—его курсовая работа: Предъизображенія Іисуса Христа и Церкви Его въ Вѣтхомъ Завѣтѣ. См. о нихъ далѣе и ср. о письменныхъ работахъ студентовъ въ Ист. М. Д. А. стр. 170—173.

стоившихся академической профессуры, изъ товарищей С. К—ча пріобрѣли учено-литературную извѣстность: А. О. Ключаревъ изъ Виѳан. Семинаріи, протоіерей Московскій, а потомъ Амвросій архіепископъ Харьковскій,—и іеромонахъ Амфилохій Казанскій, впоследствии епископъ Ростовскій, изъ Калужской семинаріи.

Поучительна ученая судьба этихъ пяти однокурсниковъ. Даровитѣйшимъ былъ конечно Богословскій-Платоновъ ¹⁾, постоянный первакъ и по поведенію и по ученію, любимецъ философа—протоіерея Голубинскаго, оставившаго его своимъ адъюнктомъ въ должности бакалавра по труднѣйшимъ и главенствовавшимъ тогда въ Академіи философскимъ дисциплинамъ—логикѣ и исторіи философіи средней и новой. Между тѣмъ, кромѣ оффиціальной, по заказу составленной въ 1850-мъ году, программы логики для университетовъ и небольшого, напечатаннаго въ прибавленіяхъ къ Твореніямъ святыхъ Отцевъ за 1850-й годъ, научно-слабаго отрывка изъ курсового сочиненія объ отрокѣ Іеговы у пророка Исаи,—о научно-литературныхъ работахъ его за все шестилѣтнее бакалаврство его въ Академіи намъ ничего неизвѣстно, хотя философскія дисциплины представляютъ русскимъ ученымъ весьма плодотворную почву для литературныхъ работъ. Еще менѣе, точнѣе—ничего неизвѣстно о трудахъ бакалавра по Библейской Исторіи и Греческому языку (въ высшемъ отдѣленіи) Зернова—второго магистра XIV курса. Напротивъ, третій (С. К—чъ) и четвертый (Ключаревъ) магистры и даже 45-й изъ 58 (Амфилохій—Казанскій) кандидатъ занимаютъ почетныя мѣста въ исторіи академической науки: первый—крупный историкъ по русской церкви, второй—первоклассный ораторъ церковный, а гигантскія работы третьяго по древне-славянской церковной письменности пріобрѣли справедливую и почетную извѣстность не только въ Россіи, но и за предѣлами ея.

Причину этого, впрочемъ довольно обычнаго, явленія ²⁾ можно

¹⁾ Лучшие студенты, обычно премьеры, состоя на стипендіи митр. Платона, присоединяли его имя къ своей фамиліи.

²⁾ Тоже было съ курсомъ А. В. Горскаго, кончившаго 3-мъ магистромъ, послѣ Тимоѳея въ монашествѣ Филоѳея Успенскаго, митрополита Кіевского,—и Стефана Протопопова, протоіерея Московскаго: кромѣ Горскаго изъ всего курса не было ни одной учено-литературной извѣстности. Тоже—съ П. С. Казанскимъ 4-мъ магистромъ XIII курса и Николаемъ, въ монашествѣ Макаріемъ Миролюбовымъ, епископомъ Архангельскимъ, 13-мъ магистромъ того же XIII курса,—также: Невоструевъ К. И. XII к. кончилъ 12-мъ магистромъ,—Соколовъ Н. К. и Каринскій М. И. 4-ми, Голубинскій Е. Е.—5-мъ, а Ундольскій В. М. и Викторовъ А. Е. даже кандидатами: первый XII к.—41-мъ, а второй XVII к.—

прочитать въ формулярѣ этихъ лицъ. Богословскій-Платоновъ, послѣ шестилѣтняго преподаванія философскихъ дисциплинъ логики и исторіи философіи средней и новой и греческаго языка въ высшемъ отдѣленіи, въ 1850-мъ году, „выбыль“ изъ Академіи и „поступилъ во священника церкви Успенія на Могильцахъ въ Москвѣ и скончался протоіереемъ церкви Св. Троицы на Арбатѣ“, — а Зерновъ чрезъ два года „въ 1846-мъ году выбылъ на должность священника церкви Николая Чудотворца на Студенцѣ“ и скончалъ жизнь протоіереемъ Николо-явленской на Арбатѣ церкви и членомъ Московской консисторіи. Сложный и отвѣтственный подвигъ пастырства въ Московскихъ приходахъ не оставляетъ и не долженъ оставлять времени для другого, не менѣе многотруднаго и требующаго полной самососредоточенности подвига служенія духовно-академической наукѣ. Исключеніе можетъ представлять и представляетъ во всѣ вѣка церковной исторіи только проповѣдничество, коимъ прославился Ключаревъ, сначала священникъ и протоіерей, а потомъ монахъ-епископъ и архіепископъ Амвросій. И это объясняется тѣмъ, что проповѣдничество церковное органически входитъ и въ подвигъ пастырскаго служенія. А Амфилохій почти всю жизнь провелъ вдали отъ обычной для ученаго монашества высшей административной службы въ архіерейскомъ санѣ.

Вотъ почему, можетъ быть и менѣе своихъ товарищей-премьеровъ одаренный умомъ, С. К—чъ очевидно носилъ въ себѣ духъ любви къ наукѣ въ большей мѣрѣ, чѣмъ къ пастырству или монашеству, и обезпеченной жизни на какомъ-либо Московскомъ приходѣ или въ одной изъ російскихъ епархій предпочелъ бѣдное, вѣрнѣе—бѣдственное существованіе, на служеніи церковно-академической наукѣ въ должности бакалавра и профессора Академіи.

Впрочемъ, было серьезное искушеніе измѣнить ученому призванію.

Въ бумагахъ С. К—ча сохранилось указаніе, что еще въ должности бакалавра онъ подавалъ Митрополиту Московскому Филарету прошеніе объ опредѣленіи на мѣсто секретаря Московской Консисторіи. Молодой бакалавръ не идетъ болѣе торною и надежною дорогою приходскаго священства въ Москвѣ къ спокойной и обезпеченной жизни,—очевидно, онъ не имѣлъ тогда склонности къ пастырству, добросовѣстно и *честно* ¹⁾ сознавая

30-мъ и др. см. въ Исторіи Московской Духовной Академіи, С. Смирнова—по указателю.

¹⁾ Ср. отмѣченную инспекціей „честность поведенія“ студента Смирнова.

свое недостоинство и малосиліе для столь высокаго и отвѣтственнаго служенія. Дѣлу данъ былъ ходъ, затребованы и представлены надлежащія справки, митрополитъ Филаретъ шлетъ оберъ-прокурору Синода графу Протасову рекомендацію о способности бакалавра къ этой должности. Назначеніе однакожь не состоялось, — ко благу самого С. К—ча и Академіи: сумятица и разсѣянность чиновничьей службы, особенно консисторской, да еще секретарской, — послужили бы вѣрною могилою для ученаго призванія молодого бакалавра ¹⁾).

Въ тѣхъ же бумагахъ есть черновикъ прошенія С. К—ча къ митр. Филарету, помѣченное 7-мъ февраля 1867-го года, объ опредѣленіи С. К—ча священникомъ къ церкви Іоанна Предтечи у Креста, — съ просьбою о дозволеніи ему дослужить въ Академіи до 25-лѣтняго срока для пенсіи, причемъ приложенъ для ректора А. В. Горскаго проектъ ходатайственнаго письма къ митрополиту, оканчивающагося словами: „засимъ слѣдуютъ рекомендаціи, о которыхъ умоляю“.

Быть можетъ были и другія, намъ неизвѣстныя, искушенія. Но С. К—чь до конца своей многолѣтней жизни остается вѣрнымъ служителемъ Академіи, какъ талантливый профессоръ, неутомимый труженикъ науки и мудрый администраторъ.

I.

По окончаніи курса въ 1844-мъ году С. К—чь оставленъ былъ бакалавромъ (доцентомъ) русской гражданской исторіи и греческаго языка, а потомъ ему же было поручено преподаваніе русскаго раскола и сектантства и полемика съ ними на миссіонерскомъ отдѣленіи.

Онъ былъ первымъ спеціальнымъ преподавателемъ русской гражданской исторіи. До него эта наука соединялась съ общей гражданской исторіей, какъ ея часть. Въ строѣ тогдашняго академическаго преподаванія эта наука считалась второстепенною, а изъ русской гражданской исторіи не всегда даже представлялись отдѣлы для публичныхъ испытаній. При преподаваніи такой обширной и сложной науки, какъ всеобщая гражданская исторія, наставники конечно не имѣли возможности изучать и русскую гражданскую исторію. Ею если и занимались нѣкоторые настав-

¹⁾ Работы секретаря Моск. Консисторіи Н. П. Розанова, къ коимъ побужденіемъ послужили труды С. К—ча, и справки, за коими С. К—чь обращался къ Розанову, — конечно далеко и во всѣхъ отношеніяхъ не идутъ въ сравненіе съ тѣмъ, чѣмъ обязана наука С. К—чу.

ники, то урывочно и случайно, напр. П. С. Казанскій, А. В. Горскій.

Благодаря рѣдкому сочетанію въ себѣ многихъ профессорскихъ талантовъ, С. К—чъ ставитъ русскую гражданскую исторію въ уровень съ первостепенными академическими дисциплинами, если не по оффиціальному ея значенію, то по интересу слушателей. Красавецъ и шутникъ студентъ превращается теперь въ серьезнаго профессора съ важнымъ видомъ: дородный брюнетъ высокаго роста, — роскошные и кудрявые темнаго цвѣта волосы на головѣ — въ молодости (а потомъ — почти полное ихъ отсутствіе), — большіе, открытые и блестящіе каріе глаза, обрамленные густыми темными бровями, — мощный голосъ — баритонъ, артистическая дикція, подъ часъ увлекательная, — тщательная литературная отдѣлка стиля, — краткость и мѣткость выраженій, — нерѣдкое оживленіе лекціи занимательными отступленіями, даже въ область анекдотистики, — торжественное шествіе къ кафедрѣ, важное возсѣданіе на ней, возложеніе на нее тетради и затѣмъ рѣдкое, отчетливое и оживленное чтеніе, заставлявшее забывать о тетради, къ коей лекторъ только изрѣдка устремлялъ свой взоръ. Мы, уже позднѣйшіе слушатели С. К—ча по греческому языку (1873—1877 г.г.), звали его или просто „Зевсомъ“, или съ прибавленіями: „громовержець, олимпіецъ“. И это названіе относилось къ общему впечатлѣнію отъ импозантной фигуры профессора на кафедрѣ, такъ какъ въ то время онъ не носилъ бороды и усовъ, при почти полномъ отсутствіи волосъ на головѣ.

Понятно, почему аудиторія по Гражданской Исторіи и Расколу всегда была переполнена слушателями, несмотря на второстепенность этихъ дисциплинъ. Лекціи приходились въ предобѣденные часы, когда уже утомленныхъ студентовъ тянуло на прогулку или товарищескія бесѣды. Но С. К—ча ходили слушать для того, чтобы разсѣять ожиданіе обѣденнаго звонка ¹⁾.

Сергѣя Константиновича, конечно, нельзя и сравнивать съ геніальнымъ преемникомъ его Василиемъ Осиповичемъ Ключевскимъ ни какъ профессора ни какъ ученаго по Русской Гражданской Исторіи. Но все же это — одна изъ крупнѣйшихъ фигуръ столѣтней академіи — въ томъ и другомъ отношеніи.

Отъ С. К—ча сохранились полные, собственноручно имъ написанные, курсы лекцій по преподававшимся имъ наукамъ.

Курсъ по Русской Гражданской Исторіи состоитъ изъ 99 мелко

¹⁾ Изъ разсказовъ Е. Е. Голубинскаго и П. И. Горскаго — XXI курсъ, 1854—1858 г.

исписанныхъ, съ небольшими полями, листовъ¹⁾. Изъ разновременныхъ датъ на этихъ листахъ видно, что С. К—чь не успокоился на разъ составленномъ курсѣ, но во все 26-лѣтнее преподаваніе Русской Гражданской исторіи, съ 1844-го по 1870-й годъ реформы академической, не покладая пера, работаль непрерывно надъ исправленіемъ и дополненіемъ своихъ лекцій. Для сужденія о порядкѣ и полнотѣ изложенія предмета въ нихъ приводимъ краткій конспектъ ихъ, съ имѣющимися на нихъ датами. Краткое предварительное введеніе въ исторію, 15 сен. 1854 г. листъ 1.

Объ источникахъ русской исторіи—русскихъ и иностранныхъ, лл. 1—4. Сент. 11, 1846.

Норманскій періодъ 862—1019: основаніе русскаго государства и первые князья, лл. 5—7. Тутъ же вставка 28 сен. 1860-го года къ 6-му листу: о происхожденіи варяговъ—руси,—по поводу возбужденной въ этомъ году Костомаровымъ полемики по этому вопросу.

Княженіе Ярослава I Владиміровича 1019 — 1054. Янв. 17, 1845. л. 1—6.

Княженіе великаго князя Изяслава Ярославича 1054—1077. Л. 7—9. 31 янв.

Княженіе Всеволода Ярославича 1078—1093. 7 февр. Л. 9—10.

Княженіе Святополка Изяславича 1093—1112. Л. 10—13.

Общій взглядъ на состояніе Россіи съ XI до XIII в. 14 марта. Л. 14—17 съ дополненіемъ лекціи 5-го ноября 1866 г. о русской литературѣ XII вѣка—объ открытыхъ тогда: Слово Данила Заточника и Слово о полку Игоревѣ.

Періодъ третій: Россія подъ игомъ Татарскимъ—4 апр., л. 17—18.

Княженіе Ярослава II Всеволодовича л. 19—20, 1845 г. 2-го мая.

Александръ Ярославичъ Невскій—16-го мая 1845 г. л. 21—22.

Московское великокняжество 1328—1340, 5 сент. 1845 г. л. 22—23.

Княженіе Симеона Іоанновича Гордаго 1340—1353 г. л. 24.

Княженіе Іоанна Іоанновича 1353—1359 г. л. 25.

Княженіе Дмитрія Іоанновича Донского 1363—1389. л. 25—28.

Княженіе Василя Дмитріевича 1389—1425, л. 28—31.

Княженіе Василя Васильевича Темнаго 1425—1462, л. 31—35.

Княженіе Іоанна Васильевича III, 1462—1506, л. 35—43 съ лекціей, посвященной его характеристикѣ, помѣченной 12-мъ янв. 1846 г.

¹⁾ Такимъ же почеркомъ написанный оригиналь Исторіи Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи обнимаетъ около 60 листовъ=428 печ. страницамъ, слѣдов. напечатанный такимъ же шрифтомъ курсъ занялъ бы 712 страницъ.

Княженіе Василя Іоанновича 1505—1533, съ помѣтою: взято изъ энциклоп. лексикона, л. 44—45.

Княженіе и царствованіе Іоанна Грознаго 1533—1584, л. 46—59, подробно изложенное по тремъ періодамъ (частямъ): до 1544 г., до 1560-го и до 1584.—Сент. 1847,—съ дополнительными лекціями: Источники для исторіи Іоанна Грознаго 1863 г. авг. 28,—о взглядѣ Соловьева на Іоанна Грознаго—дополненіе въ 1856 г. и о супружествѣ Грознаго—дополненіе 1869 г. май.

Царь Θεодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ — характеристика, 1584—1605, л. 60—65, 1 ноябр. 1847.

Лже-Димитрій, 1848.—январ. л. 66—70, съ дополненіемъ январ. 1864 г.—и разборомъ мнѣнія Костомарова Окт. 1865 г.

1612-й годъ, л. 71—78, мартъ 1848 г., съ позднѣйшимъ приложеніемъ къ 75-му листу: о докторѣ Валентинѣ Билья и Филаретѣ.

Царствованіе Алексія Михайловича, іюль 1850, л. 79—86, съ особымъ приложеніемъ о дѣлѣ патр. Никона.

Царствованіе Θεодора Алексѣевича, л. 87—88.

Царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей, л. 88—89, съ прибавленіемъ 1868 г. мартъ.

Затѣмъ съ листа 90 по 99 лекціи 1854-го года марта 29-го, объ Аннѣ Іоанновнѣ, съ указаніемъ слѣдующихъ источниковъ лекцій: Записки Манштейна,—Герцога Лирійскаго, посланника испанскаго при русскомъ дворѣ,—князя Шаховскаго, Нащокина и Миниха,—и позднѣйшею припискою: Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей росс. 1866 г. кн. 2. Дана художественная характеристика Анны и Бирона.

На этомъ кончаются лекціи. Но въ бумагахъ С. К—ча имѣются еще:

1) Листки о земскихъ соборахъ.

2) Взглядъ на исторію Руси въ годъ ея тысячелѣтія—лекція 19 сент. 1862 г.

3) Одна тетрадь изъ учебника по Русской Гражданской Исторіи, переписанная кѣмъ-то на бѣло, имѣющая заглавіе: „Періодъ второй.—Отъ Іоанна III до единодержавія Петра I (1462—1689)“.

Въ бумагахъ С. К—ча навѣрно сохраняется и весь учебникъ. Но и этотъ отрывокъ важенъ тѣмъ, что вскрываетъ огромное руководственное значеніе полигистора А. В. Горскаго въ тогдашней академической и вообще церковной наукѣ (Филаретъ Гумилевскій, напримѣръ). Вся тетрадка испещрена карандашными подчерками, вопросительными знаками, требованіями, поправками, замѣчаніями. Для примѣра приводимъ нѣкоторыя.

Въ первой главкѣ, въ концѣ трактата объ Іоаннѣ III Василь-

евичѣ, замѣтка на полѣ: „ничего не сказано о судебникѣ“. О Григоріѣ Отрепьевѣ: „Тогда еретиками были иностранцы: точно ли они поддерживали Гришку?—Извѣстно, что у насъ слово ересь имѣло (имѣеть?) свое значеніе“. Къ словамъ автора „на дорогѣ въ Литву... онъ вступалъ въ сношенія съ лютеранами, былъ у анабаптистовъ“, А. В. замѣчаетъ: „Любопытно, гдѣ встрѣтилъ онъ этихъ еретиковъ *на дорогѣ* (подчеркнуто А. В—мъ) въ Литву?“—Къ слову „съ Ляхами“ замѣчено: „Литовцы!“ И многое множество другихъ, въ подобномъ родѣ. Любопытна одна общая и руководственная замѣтка къ трактациі о смутномъ времени: „Въ разсказѣ о „смутномъ времени“ видишь суматоху, множество лицъ и дѣлъ, но изъ-за чего кто бьется, не видишь. Въ самомъ изложеніи нѣтъ той ясности и раздѣльности представленія, какъ прежде, въ обзорѣніи какого нибудь отдѣльнаго правленія. Между тѣмъ въ учебной книгѣ скорѣе готовъ я допустить меньше фактовъ, но больше ясности, то-есть, больше свѣтлыхъ, выставляющихся точекъ, по которымъ бы можно было сообразить и о прочемъ. Въ послѣдствіи пусть прибавляется и знаніе фактовъ; учащійся уже не собьется; онъ будетъ знать, что куда отнести и какъ что понимать. Ясности помогаютъ между прочимъ: а) краткія обзорѣнія, со стороны автора,—здѣсь нѣтъ ихъ вовсе,—б) краткія, въ двухъ-трехъ словахъ или строкахъ объясненія побужденій того или другаго дѣятеля (?), причинъ того или другаго событія, а Сергѣй К—чъ очень скупъ на это“. Очевидно, А. В—чъ хочетъ указать, что у С. К—ча нѣтъ принципиальности, идейнаго единства и органическаго прагматизма въ построеніи исторіи, каковой характеръ имѣютъ и его лекціи по русской гражданской исторіи. По всему замѣтно, что А. В—чъ недоволенъ учебникомъ, по этой, быть можетъ, причинѣ и не напечатанномъ.

Кромѣ небольшихъ критическихъ экскурсовъ по поводу мнѣній Костомарова о происхожденіи варяговъ-руси и самозванца Лже-Димитріѣ и взгляда Соловьева на Іоанна Грознаго, лекціи и учебникъ составлены по Карамзину и въ его духѣ. Исключенія представляютъ, можетъ быть ¹⁾ только: о супружествѣ Грознаго, нѣкоторыя характеристики—Іоанна Грознаго, Θεодора Іоанновича и Бориса Годунова и царствованіе Анны Іоанновны съ блестящими характеристиками ея и Бирона.

Въ 1854-мъ году было открыто миссіонерское отдѣленіе, съ преподаваніемъ свѣдѣній о русскомъ расколѣ и сектантствѣ и поле-

¹⁾ Говоримъ предположительно, ибо не принадлежимъ къ специалистамъ по русской исторіи.

микою противъ нихъ. Первымъ бакалавромъ былъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, впоследствии извѣстный публицистъ, преподававшій эту дисциплину только одинъ годъ (1854—1855). Его мѣсто въ Октябрѣ 1855-го года занялъ С. К—чъ—до 1870-го года академической реформы, когда и эта дисциплина выдѣлена въ самостоятельную кафедру и замѣщена извѣстнымъ расколовѣдомъ Н. И. Субботинымъ.

Собственноручно написанныя лекціи С. К—ча и по этому предмету представляютъ столь же объемистую тетрадь, какъ и по гражданской русской исторіи. Чтобы дать о нихъ представленіе, укажемъ ихъ общіе заголовки и размѣры, съ имѣющимися на нихъ датами ихъ составленія.

Нѣчто о расколѣ. 15 нояб. 1855 г. 1 листъ.

Исторія раскола.

О происхожденіи раскола. 17 сен. 1860 г. 1—2 л.

Русскій расколъ при Никонѣ, л. 2—4.

Московскіе соборы по исправленію богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ, 1 л.

Соборы 1666—1667 годовъ, л. 1—4.

Бунтъ Соловецкій, л. 5—7, по Акт. Экспед. Опис. Мон. и др.

Бунтъ Никиты Пустосвята въ 1682-мъ году, по рукописи Саввы Романова—1862 г. 14 янв.,—л. 1—3.

Выгорѣцкій скитъ, сост. въ январѣ 1863 г., по краткимъ запискамъ чиновника Бакуревича о состояніи скита, напечат. въ Чтеніяхъ Общества Ист. и Древн. Росс. Дек. 1862 г. и др. и по рукописнымъ матеріаламъ.

Иргизъ по Прав. Соб. 1854 г. и по Исторіи Раскола Варадинова,—написано 10 мая 1865 г., л. 1—3.

Мѣры противъ раскола при Петрѣ 1,—пис. въ апр. 1868 г. л. 1—4.

О поповщинѣ—вступленіе, пис. 4-мая 1865 г., 1 л.

О духоборахъ и молоканахъ,—18 февр. 1858 г., л. 1—4.

О духоборахъ-скопцахъ, л. 1—8.

Немоляки, по чт. въ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1864 г., 4. стр. 123,—помѣч. 19 Нояб. 1861 г.

О мелкихъ сектахъ раскольничьихъ, 23 апр. 1865 г., по Ист. Раскола Варадинова, л. 1—4.

Единовѣріе, 22 апр. 1866, л. 1—2.

Объ источникахъ для исторіи австрійскаго священства, апр. 1867 г. л. 1—4, съ помѣтою: „все это надо передѣлать“.

Полемика противъ раскола вообще, 5 окт. 1856 г. л. 1—3.

О жезлѣ архіерейскомъ, по Христ. Чт. 1853 г. 2,—л. 4.

О таинствѣ крещенія: о существѣ таинства, о крещеніи у поповцевъ, о древнемъ совершеніи обряда, о перекрещеніи, о чинѣ крещенія у безпоповцевъ,—л. 1—6.

О таинствѣ миропомазанія, по той же программѣ: существо таинства, свидѣтельства древнихъ, о миропомазаніи у поповцевъ и безпоповцевъ—6 л. По той же программѣ: о таинствѣ покаянія, л. 6—7,— о таинствѣ причащенія, л. 1—4,—о священствѣ у поповцевъ, л. 1—4.

Объ австрійскомъ священствѣ, составлено по статьямъ Паренія въ Христ. Чт. 1859 г. дек. и 1860 г. янв. и февр.: о промыслѣ Божіемъ,—и по Рукописи Моск. Дух. Акад. № 45.

О некрасовцахъ, по Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія 1844. VIII. 61.

О церковномъ благословеніи и вѣнчаніи брака—противъ бракоборцевъ и новоженевъ, 11 листовъ.

Кромѣ того въ бумагахъ С. К—ча есть два собственноручно имъ написанные листа 3-й и 4-й, съ помѣтами на полѣ: „Словарь листъ 3-й“, „словарь листъ 4-й“, первый озаглавленъ: „Августинъ (Алексѣй Васильевичъ) Виноградскій“, второй: „Августинъ (Михаилъ) Скворцовъ“. Не отрывокъ ли это изъ переписаннаго С. К—чемъ словаря Невоструева, о коемъ Бычковъ писалъ С. К—чу, что по желанію его, С. К—ча, онъ посылаетъ ему изъ Имп. Публ. Библіотеки „двѣ тетради словаря Невоструева для возвращенія его наслѣдникамъ“ (Письмо 27 сент. 1881 г.—въ бумагахъ С. К—ча). А можетъ быть и самъ С. К—чъ началъ составленіе такого словаря, такъ какъ онъ, какъ видно изъ отвѣтнаго письма Бычкова, интересовался этимъ дѣломъ. Тоже свидѣлствуютъ и другія письма Бычкова съ библиографическими свѣдѣніями о Бимерскомъ, Ундольскомъ и Невоструевѣ—26 дек. 1878 г.—о Бухаревѣ—11 окт. 1878.

Долгъ правды требуетъ не замалчивать того, что какъ и въ курсѣ русской гражданской исторіи, такъ и въ лекціяхъ С. К—ча по русскому расколо-сектантству нѣтъ ни малѣйшей попытки дать хотя бы какое нибудь общее принципиально-идейное освѣщеніе этому явленію въ русской исторіи,—вскрыть и хотя бы сколько нибудь выяснить внутреннія и внѣшнія причины его возникновенія и развитія въ Россіи,—проникнуть въ его, такъ сказать, интимную сторону,—и тѣмъ самымъ сильно проявить его удивительную жизненность и загадочную силу. Лекціи состоятъ изъ отрывочныхъ набросковъ и органически не объединенныхъ эскизовъ по разнымъ отдѣльнымъ сторонамъ предмета, притомъ безъ самостоятельнаго изученія первоисточниковъ и по го-

Ваше неустанное служеніе русской наукѣ, ознаменовавшееся многими учеными трудами, возбудило въ насъ мысль учредить премію Вашего имени за лучшія сочиненія студентовъ М. А. по русской исторіи,—мысль, которая единодушно принята всѣми бывшими воспитанниками Академіи. Пусть эта премія служитъ свидѣтельствомъ Вашего неустаннаго служенія наукѣ и споспѣшествуетъ той высокой цѣли, которая всегда была дорога Вамъ—процвѣтанія науки русской исторіи, въ разработкѣ которой настоитъ столь великая потребность. Пусть она поощряетъ молодыхъ питомцевъ духовной науки къ честному самостоятельному научному труду, — труду сознательному, душевному, приносящему обильный плодъ. 16 марта 1887 года“. Подъ адресомъ болѣе 200 подписей, въ порядкѣ всѣхъ курсовъ, начиная съ XV (1846), изъ коего подписалось двое—В. Румянцевъ, служащій въ синодальн. типографіи, и прот. А. Тихомировъ,—и кончая послѣднимъ ХLI (1886 г.). Подписи имѣются отъ воспитанниковъ каждаго изъ 27 курсовъ, и между прочими: прот. В. Нечаевъ, въ послѣдствіи еп. Виссаріонъ,—Н. Гиляровъ-Платоновъ съ 15 к.,—прот. Г. П. Смирновъ-Платоновъ и В. П. Рождественскій 17 к.,—прот. Н. Свѣтовидовъ-Платоновъ 20 к.,—прот. А. Иванцовъ-Платоновъ 22 к.,—свящ. І. Петропавловскій 27 к.,—свящ. І. Мансветовъ 30 к.,—свящ. Г. Дьяченко 32 к.,—архим. Никандръ 33 к.,—свящ. І. Орфанитскій 34 к.,—препод. Н. Розановъ 35 к.,—Сергій Бѣлокуровъ, Николай Цвѣтковъ (теперь свящ.) и Павелъ Свѣтловъ (проф. прот.)—41 к.

При этомъ была поднесена и иллюстрированная Библія Доре въ роскошномъ переплетѣ съ надписью: „Любимому Отцу Ректору и Профессору Московской Духовной Академіи, Протоіерею Сергію Константиновичу Смирнову отъ благодарныхъ учениковъ. 16 марта 1887 года“,—и учреждена премія въ Академіи имени С. К—ча за лучшее сочиненіе студентовъ по русской гражданской или церковной исторіи.

Близко къ сердцу приняли мысль о почтеніи С. К—ча премією всѣ многочисленные, разбросанные по Россіи, питомцы Моск. Дух. Академіи и ученики и почитатели С. К—ча, начиная со старѣйшихъ и кончая юнѣйшими. „Глубоко чтить имя своего незабвеннаго профессора“ магистръ XX курса 1856 г.,—проситъ принять и приобщить къ собираемымъ на премію и свою лепту, какъ малѣйшій знакъ своего великаго уваженія и неизмѣнной глубокой признательности и благодарности бывшему учителю и руководителю въ наукѣ Божеской и человѣческой“ воспитанникъ XXV курса 1866 г. А вотъ заявленіе одного изъ питомцевъ по-

слѣдняго ХІІ курса 1886-го года: „Кому какъ не намъ, „позднѣйшимъ“ воспитанникамъ С. К—ча должно принять живѣйшее участіе (въ преміи)? Вѣдь онъ оставилъ по себѣ незабвенную память, какъ ученый профессоръ-историкъ Академіи, трудами котораго вѣчно будутъ питаться и грядущія поколѣнія; несомнѣнно и еще послужитъ онъ къ образованію юношества. Мы его знаемъ и какъ *сердечнаго отца* въ частныхъ отношеніяхъ къ своимъ питомцамъ, который едва ли кому *отказывалъ изъ своихъ подчиненныхъ въ просимомъ, минуя всякія формальности*“. Описатель торжества, тоже ученикъ и воспитанникъ С. К—ча, говоритъ: „На должности инспектора и ректора С. К—чъ главнымъ образомъ проявилъ свои нравственные достоинства, какъ человекъ благоразумнаго такта и высокоблагородной гуманности. Чуждый сухого канцелярскаго формализма въ своихъ отношеніяхъ къ бывшимъ подъ его властью и руководствомъ студентовъ, но близко входилъ въ нужды и потребности ввѣренныхъ его попеченію и управленію студентовъ, умѣя во время и сурово пожуришь провинившагося и отечески простить и забыть раскаявшагося“¹⁾. Такіе же отзывы о С. К—чѣ повторились и подтвердились и въ посмертныхъ сообщеніяхъ о немъ знавшихъ его лицъ: „Съ внѣшней стороны о. ректоръ всѣмъ казался особою величественною, со строгимъ внушительнымъ видомъ, всегда стоящимъ на высотѣ своего положенія. Но всѣ говорили про него, что онъ сердечный отецъ и доброй души человекъ. Всякій, кому приходилось обращаться къ нему по частнымъ обстоятельствамъ, выносилъ о немъ именно, такое впечатлѣніе“²⁾—„Внѣшне суровый и важный, онъ въ то же время отличался особенною сердечною теплотою и отзывчивостью къ нуждамъ студентовъ (и прибавимъ: наставниковъ, служащихъ и всѣхъ, къ нему обращавшихся за содѣйствіемъ). Цѣлыя поколѣнія прошли и воспитались при немъ, но едва ли погрѣшимъ, если скажемъ, что ни одинъ изъ воспитанниковъ покойнаго не сохранилъ въ душѣ ничего кромѣ благодарной памяти о немъ. Многіе ли изъ воспитателей настоящаго времени могутъ похвалиться такою завидною репутаціей?!“³⁾.

Писалось это 25—27 лѣтъ назадъ. Но и теперь, съ полною увѣренностью можно сказать, едва ли кто изъ знавшихъ С. К—ча имѣетъ другое о немъ представленіе.

1) Моск. Церк. Вѣд. 1887 г. № 15, стр. 240. Ср. № 1.

2) Моск. Церк. Вѣд. 1889. № 9 стр. 128. Ср. Церк. Вѣд. 1889. № 9. стр. 246—247.

3) Моск. Вѣд. 1889. № 50.

Такую безпристрастно-правдивую оцѣнку С. К—чу дало, такъ сказать, соборное сознание всѣхъ его многочисленныхъ и разнообразныхъ учениковъ, питомцевъ, подначальныхъ, сослуживцевъ, и просто знакомыхъ. Многихъ ли начальниковъ и наставниковъ это удѣль?

Все это хотя и радовало ученаго старца, однакожъ не могло устранить той подавленности духовной, въ какую повергла его, совершенно для него неожиданная, казавшаяся ему безпричинной и для него во всякомъ случаѣ нежелательная отставка. Слухи объ отставкѣ С. К—ча и назначеніи на его мѣсто перемѣщеннаго ректоромъ изъ Тамбовской въ Виѳанскую семинарію архим. Христофора (Смирнова) начали смущать С. К—ча еще съ Пасхи 1886-го года. „Въ нынѣшнемъ году, сообщаетъ онъ свою тревогу давнишнему другу—преосв. Саввѣ, великій праздникъ нѣсколько омрачился для меня газетными извѣстіями о моемъ переселеніи въ Москву и о назначеніи на мое мѣсто монаха. Я подумалъ, что это—газетная утка, но мнѣ написали, что основаніе къ такому слуху было. А недавно изъ газеты Гилярова (Совр. Изв.) я узналъ, что эта мысль о моемъ перемѣщеніи дѣйствительно ходила въ Синодѣ, но потомъ была оставлена. Откуда сіе и почему,—до сихъ поръ не знаю и надѣюсь узнать по свиданіи съ митрополитомъ. Во время пребыванія вашего въ Петербургѣ, вѣроятно, объ этомъ еще не было рѣчи, иначе Вы не утаили бы отъ меня этой новости ¹⁾! Ничѣмъ я не провинился, и К. П. (Побѣдоносцевъ) былъ со мною всегда хорошъ. Не извѣстно-ли Вамъ теперь что-либо о семъ? Благоволите написать“ ²⁾. Чрезъ три дня преосв. Савва политично и уклончиво отвѣтилъ: „Въ бытность мою въ Синодѣ, я не помню, была-ли когда рѣчь о Васъ; помню только, что, когда рѣшался вопросъ о перемѣщеніи изъ Тамбова нынѣшняго Виѳанскаго ректора, было говорено, что его можно будетъ имѣть въ виду кандидатомъ на должность ректора Академіи въ случаѣ открытія вакансіи“ ³⁾. Неожиданная для С. К—ча отставка видимо отразилась дурно на его здоровьѣ, особенно на нервной системѣ: „Съ половины августа, пишетъ Саввѣ 29 сент. 1886 года, я живу въ своемъ домѣ, но и до сихъ поръ не могу привыкнуть къ пребыванію на покоѣ. Сильно скучаю и не могу приняться за какое-либо дѣло. Митрополитъ обѣщаль устроить дѣло о назна-

¹⁾ Изъ отвѣтнаго письма Саввы видно, что онъ это зналъ, но, повидимому, не желалъ преждевременно смущать своего друга.

²⁾ Саввы Автоб. VIII. 30. 1886 г. 13 Апр.

³⁾ Ibid. 31.

чені пенсії по приїздѣ своемъ въ П., а теперь я не получаю жалованья третій мѣсяць въ ожиданіи будущихъ благъ. Такое положеніе дѣлъ значительно повліяло на мое здоровье, и я довольно изнемогаю. Одна надежда на Бога, дарующаго мнѣ силу терпѣнія, ободряетъ меня. Помолитесь о мнѣ. Объ обстоятельствахъ, соприкосновенныхъ съ моимъ положеніемъ, не могу писать Вамъ, а расскажу о нихъ при личномъ свиданіи съ Вами, которое желалъ бы имѣть въ скоромъ времени, но сему препятствуетъ *разстройство у меня нервной системы*¹⁾. Это разстройство заставляетъ С. К—ча быть мнительнымъ и обвинять въ своей судьбѣ лицъ, повидимому въ этомъ неповинныхъ лично: „Главные виновники, продолжаетъ онъ письмо, перемѣны моей судьбы—инспекторъ Горскій ¹⁾ и еще Субботинъ. Къ удивленію, есть завидующіе (болѣзненная подозрительность) моему положенію, т. е. ожидаемой (усиленной) пенсії, но это тѣ, которые не разумѣютъ моей привычки къ дѣятельности, которая теперь сжата обстоятельствами“²⁾. Вынужденный покой и прогрессирующая немощь видимо лишаютъ С. К—ча его обычнаго благодушія и жизнерадостности, дѣлаютъ рѣзкимъ и раздражительнымъ. Безъ всякихъ основаній, по ничтожнымъ поводамъ, темнымъ слухамъ, личнымъ догадкамъ мало освѣдомленныхъ лицъ,—онъ бросаетъ самыя тяжкія обвиненія и высказываетъ самыя оскорбительныя сужденія относительно лицъ достопочтенныхъ, о коихъ прежде самъ высказывался съ уваженіемъ: „отъ Рафаила, пишетъ онъ пр. Саввѣ, я услышалъ, что перемѣщеніе Антонина сдѣлано безъ вашей воли, по одному желанію пр. Алексія. Это новый фактъ, доказывающій гнусный характеръ сего послѣдняго ³⁾ и вмѣстѣ дурно характеризующій К. П. (Побѣдоносцева). Пенсія въ 3000 р. ⁴⁾ мнѣ утверждена, о чемъ извѣстилъ меня митрополитъ телеграммою. Спасибо имъ, но для меня продолженіе службы было бы пріятнѣе покоя, къ которому никакъ не могу привыкнуть... Въ Академію прибылъ новый инспекторъ архим. Борисъ Плотниковъ изъ Казани, человекъ еще очень молодой и симпатичный. Онъ у меня былъ, а ректоръ (Христофоръ Смирновъ) и до сихъ поръ не удо-

1) Черезъ полмѣсяца самъ уволенный отъ должности инспектора.

2) Ibid. 112.

3) Архіеп. Литовскій, бывший проф. Моск. Дух. Академіи, человекъ весьма ученый, глубокий специалистъ по каноническому праву, но по своей необщительности и нѣкоторымъ другимъ чертамъ характера не пользовавшийся симпатіями въ корпораціи. Самъ пр. Савва относился къ нему съ великимъ уваженіемъ. VIII. 784. 814 др.

4) Вмѣсто обычной 1300 р.

стоилъ меня посѣщенія“¹⁾. Сюда присоединяются и нѣкоторыя странныя утѣсненія С. К—ча со стороны его преемника: „Вы мнѣ совѣтуете заняться изданіемъ бумагъ изъ архива А. В. Горскаго, но путь къ сему пресѣченъ. Ректоръ (Христофоръ) объявилъ мнѣ, чтобъ я болѣе не беспокоился издавать ихъ, ибо онѣ составляютъ теперь достояніе Академіи (?). Изъ новыхъ распоряженій по академіи послѣ меня состоялось уничтоженіе комнатныхъ старшихъ студентовъ—учрежденіе, существовавшее столько лѣтъ и не безполезное“²⁾. Еще болѣе чувствительно для С. К—ча было, также невольное, лишеніе возможности часто совершать богослуженіе, за неимѣніемъ храма, назначеннаго для сего: „Я предполагаю встрѣтить праздникъ (Воскресенія Христова) служеніемъ въ Лаврской церкви Варвары мученицы. Въ церкви академической я не служилъ еще ни разу по выходѣ изъ академіи, а служилъ въ трапезной церкви, но только въ двенадцатые праздники. Лишеніе своей церкви, признаюсь, потеря чувствительная“. Это писалъ С. К—чъ 3 апр. 1887-го года³⁾. То же пишетъ онъ и въ слѣдующемъ году 22 апр.: „Я провелъ постъ болѣзненно и изнемогъ отъ бронхита, такъ что давно не могъ служить. Препятствія къ служенію представлялъ кромѣ того о. намѣстникъ⁴⁾, который, не желая служить съ Христофоромъ⁵⁾ въ Троицкомъ соборѣ, занималъ въ большія праздники для своего служенія трапезную церковь, такъ что мнѣ служить было негдѣ. А на страстную намѣстникъ совсѣмъ убрался въ скитъ, чтобы не встрѣчаться съ ректоромъ академіи. Такъ то у насъ измѣнились порядки!“⁶⁾

Порядки эти ничего другаго, кромѣ самаго рѣшительнаго и рѣзкаго осужденія, конечно, и не могли вызвать со стороны бывшаго и престарѣлаго о. протоіерея — ректора академіи. „Въ академіи царствуетъ монашество. Управленіе въ Академіи идетъ

¹⁾ Ibid. 185.

²⁾ Ibid. 182, отъ 23 дек. 1886. Эти старшіе уже въ предш. (1873—1877 г.) курсы вызывали неудовольствіе въ студентахъ, стѣснявшихся ихъ присутствіемъ (старшіе назначались изъ студентовъ старшаго курса въ младшемъ, потомъ, съ 1870-го года, съ 4-го курса на остальные три) и подозрѣвавшихъ ихъ въ излишней болтливости и близости съ начальствомъ. Они стѣсняли товарищескую жизнь въ номерахъ, будучи съ другихъ курсовъ. Нашъ курсъ рѣшилъ было не брать на себя этихъ обязанностей, но... рѣшенія не исполнилъ, и старшіе продолжались до Христофора, т. е. до 18⁸⁶/87 года.

³⁾ Ibid. 264.

⁴⁾ Вышеупомянутый Леонидъ Кавелинъ перенесшій свою воительность съ С. К—ча на Христофора.

⁵⁾ Возведенномъ уже въ санъ епископа.

⁶⁾ Ibid. 456.

плохо“, лаконически описываетъ онъ положеніе дѣлъ въ Академіи 29 сент. 1887 г. ¹⁾. „Объ Академіи, пишетъ С. К—чь 24 дек. того же года, кромѣ худого, ничего не могу сказать Вамъ. Какъ я предполагалъ, такъ и случилось. Академія замѣтно клонится къ упадку. Ректоръ за малые проступки изгоняетъ изъ академіи лучшихъ студентовъ. Такъ изгналъ онъ пять студентовъ IV курса, которымъ оставалось учиться только полгода... Безучастность и апатія проглядываютъ въ каждомъ распоряженіи ректора. Студенты крайне раздражены и проявляютъ свое недовольство на субъинспекторѣ-монахѣ ²⁾, питомцѣ кievскомъ, котораго оскорбляютъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Академія наша, стоявшая столько времени впереди другихъ, потеряла свой авторитетъ и представлена чуждымъ для нея пришельцамъ изъ Кіева (ректоръ и помощникъ инспектора) и Казани (инспекторъ арх. Борисъ). Пошли намъ Господи митрополита не изъ чуждыхъ для Москвы питомцевъ!“ ³⁾ „Въ академіи всѣ, по милости Божіей, здравствуютъ, не смотря на воздвигнутое ректоромъ гоненіе противъ наставниковъ и студентовъ. Служащіе изгоняются безъ церемоніи и безъ указанія причинъ. Такъ недавно уволены секретарь и субинспекторъ. Всѣ воздыхаютъ о недавнихъ мирныхъ временахъ“ ⁴⁾.

Впрочемъ такую же скорбь о прежнихъ временахъ высказывалъ не одинъ С. К—чь, но, можно сказать, почти всѣ питомцы и служители старой Филаретовской Академіи. Такъ и преосв. Алексій (Лавровъ), 7-го янв. 1890-го года, въ такихъ словахъ изливаетъ свою печаль предъ преосв. Саввою о славномъ прошломъ ихъ *Almae Matris*: „Да, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, въ любезной намъ Московской Академіи водворились другіе порядки, другой духъ не нашъ, не Московскій. Какая прискорбная ошибка назначать все иностранцевъ, незнакомыхъ съ бытомъ и духомъ заведенія! Вл—ка М—ій (Іоанникій Рудневъ) считается специалистомъ неудачныхъ выборовъ. Во всемъ проглядываетъ у него точно какое-то озлобленіе противъ всего Московскаго“ ⁵⁾.

1) Ibid. 373.

2) Макаріѣ.

3) Ibid. 406.

4) Ibid. 456, отъ 22 апр. 1888 г.

5) Ibid. 704—705. Приводимъ еще одно любопытное письмо С. К—ча отъ 11-го мая 1888 г.: „Во дни Пасхи въ академіи случилась еще скандальная исторія. Въ понедѣльникъ инспекторъ (Борисъ) пожелалъ служить въ академической церкви и, услышавъ отъ эконома, что ректоръ будетъ служить въ Лаврѣ, расположился служить. Но во время часовъ является ректоръ и набрасывается

Въ такой старческой хандрѣ и раздражительности доживалъ, находясь не у дѣль, свой длинный вѣкъ С. К—чъ. Поразившій его еще въ 1882-мъ году и потомъ временно ослабшій недугъ (параличъ), теперь, при непріятно для С. К—ча слагавшихся обстоятельствахъ и увеличивавшейся старости, началъ быстро совершать свое разрушительное дѣло ¹⁾, пока не довелъ его до рокового конца. Въ ночь на 16-е февраля 1889-го года, въ половинѣ перваго часа, С. К—чъ мирно скончалъ на 71-мъ году свою трудовую и плодотворную жизнь. Съ подобающею торжественностью совершенъ былъ чинъ погребенія въ академическомъ храмѣ многочисленнымъ духовенствомъ изъ почитателей С. К—ча, съ ректоромъ академіи еп. Христофоромъ во главѣ, при участіи академическаго хора, въ присутствіи профессоровъ, служащихъ и студентовъ академіи, а также многочисленныхъ постороннихъ лицъ. Произнесены подобающія случаю причувствованныя: слово—свящ. Моск. Потаповымъ и рѣчь—проф. В. А. Соколовымъ. Возложено много вѣнковъ: отъ акад. корпораціи, студентовъ, родныхъ и пр. Тѣло С. К—ча погребено, согласно его желанію, на академическомъ кладбищѣ, рядомъ съ его старшимъ сослуживцемъ и другомъ А. В. Горскимъ. Могила украшена памятникомъ, сооруженнымъ на пожертвованія почитателей С. К—ча ²⁾.

на инспектора, обличая его въ самовольствѣ и грозя донести митрополиту. Ругательства ректора такъ были громки, что ихъ слышали кромѣ сослужащихъ и студенты, собравшіеся въ церковь. Послѣ того они повторились еще два раза: въ началѣ и по окончаніи обѣдни. Инспекторъ такъ былъ оскорбленъ, что рѣшился подать въ отставку отъ службы въ академіи и самъ рассказалъ обо всемъ наставникамъ и даже студентамъ. Какія были слѣдствія всего этого, еще не извѣстно.—Архим. Борисъ былъ переведенъ.

¹⁾ Уже о своемъ посѣщеніи С. К—ча въ его домѣ, 8 іюля 1887 г. пр. Савва записалъ: „онъ встрѣтилъ меня съ искреннею любовью, но мнѣ тяжело было видѣть этого ученаго мужа въ болѣзненномъ состояніи (онъ пораженъ былъ параличемъ) послѣ того, какъ я всегда зналъ его здоровымъ, бодрымъ и веселымъ“. Ibid. 346. Ср. вышеприведенныя письма С. К—ча къ пр. Саввѣ.

²⁾ Пр. Савва—сначала ученикъ, потомъ начальникъ и затѣмъ пожизненный другъ С. К—ча, съ коимъ онъ состоялъ въ постоянной и многолѣтней дружеской перепискѣ, при всей своей архіерейской суетѣ и обширной перепискѣ съ разными лицами и высокопоставленными особами, все же удосужился при сообщеніи о кончинѣ друга въ своей автобіографіи посвятить почившему нѣсколько строкъ: „17-го же числа получена была мною изъ Сергіева Посада телеграма съ прискорбнымъ извѣстіемъ о кончинѣ достопочтеннаго протоіерея С. К. С—ва, бывшаго ректора М. Д. Академіи. Почившій о. протоіерей, по окончаніи курса въ 1844 г. въ М. Д. А. съ званіемъ магистра оставался при ней до 1886 г. въ разныхъ должностяхъ, какъ-то: бакалавра, профессора, инспектора и наконецъ ректора, оставивъ по себѣ множество печатныхъ сочиненій. Личное знакомство мое и дружелюбныя отношенія съ покойнымъ С. К—мъ

IV.

Для полноты очерка остается сказать нѣсколько словъ о С. К—чѣ какъ частномъ человѣкѣ и семьянинѣ. Мы сообщали уже, что мальчикъ—Погодинъ, подѣ вліяніемъ разсказовъ родителя С. К—ча отца Константина, написалъ сочиненіе, начинавшееся указаніемъ на гостепріимство какъ національную особенность древнихъ русскихъ людей. Это истинно-русское, въ частности—Московское, хлѣбосоольство было отличительною чертою С. К—ча въ его частной и домашней жизни. Въ дни праздничнаго отдыха двери его дома и сада на Виѳанкѣ были радушно открыты для всѣхъ желавшихъ въ нихъ войти. Люди, эгоистично и подозрительно настроенные, не могли допустить, чтобы это дѣлалось не безъ заднихъ мыслей о брачномъ устроеніи не малаго количества дочерей С. К—ча. Допустимъ: родительская психика вообще едва ли и возможна безъ такихъ мыслей. Но всѣ посѣтители дома С. К—ча навѣрно и рѣшительно скажутъ, что тутъ не было ни малѣйшаго даже намека на ловлю жениховъ. Вѣдь одинаковое радушіе встрѣчали и лица, не представлявшія никакой матрономіальной цѣнности, какъ напр. женатые: В. О. Ключевскій, А. П. Лебедевъ и др.,—или безнадежно больные: И. Д. Мансветовъ, В. Н. Потаповъ, Н. И. Лебедевъ, И. П. Яхонтовъ. С. К—чѣ былъ благодушнымъ и радушнымъ хлѣбосоломъ, такъ сказать, по самой своей русско-московской натурѣ. Онъ съ одинаковымъ радушіемъ принималъ рѣшительно всѣхъ,—даже тѣхъ, о комъ онъ хорошо зналъ, что они склонны болѣе сочувствовать враждебно къ нему настроеннымъ старшимъ сослуживцамъ ¹⁾. Чѣмъ больше собиралось веселыхъ и благодушныхъ гостей, тѣмъ веселѣе и благодушнѣе видимо становился и самъ хозяинъ. Совершенно естественно, конечно, что, какъ всегда и вездѣ, и здѣсь преобладала молодежь,—тѣмъ болѣе, что у хозяина было не мало невѣсть. Но

начались съ 1846 г., со времени моего вступленія въ академію, и продолжались до послѣднихъ дней его христіанской кончины“. VIII. 598. Затѣмъ въ письмѣ къ супругѣ почившаго; „Вы извѣщаете меня, что заказанный для могилы покойнаго супруга вашего мраморный памятникъ будетъ готовъ къ 25-му сентябрю. Предполагая, что этотъ памятникъ сооружается на приношенія усердныхъ читателей памяти въ Бозѣ почившаго о. протоіерея С. К—ча, провождаю Вамъ при семъ на этотъ предметъ небольшую лепту (100 р.), какъ дань моего всегдашняго глубокаго уваженія къ покойному наставнику моему, затѣмъ сослуживцу и доброму другу. Да покоится мирно подѣ этимъ памятникомъ прахъ почившаго до дня всеобщаго воскресенія. Вашъ усердный богомолецъ...“ 768.

¹⁾ Разумѣю В. Ѳ. Кипарисова.

никогда не отсутствовало весьма значительное представительство и элемента достопочтеннаго. Нерѣдко и самъ хозяинъ, до вступленія въ священнѣйшій санъ, принималъ близкое участіе въ весельи молодежи: игралъ, танцевалъ, своимъ благодушіемъ поднималъ общую веселость и оживленіе. Анекдотъ сохранилъ за нимъ нѣсколько шутокъ, остроумныхъ выходокъ, не лишенныхъ мѣткости и юмора изреченій. Но въ послѣдствіи, съ увеличеніемъ почтеннаго возраста, слѣдуя принятому хорошему тону того времени, С. К—чъ проводилъ вечеринки въ компаніи солидныхъ людей за карточною игрою въ рамсъ и преимущественно въ преферансъ.

Супруга С. К—ча, воспитанница аристократическаго института, была мало подготовлена къ хозяйничанью въ многочисленной семьѣ, при болѣе чѣмъ скромномъ бюджетѣ, и бразды хозяйственнаго правленія, кажется, лежали главнымъ образомъ на самомъ С. К—чѣ. Въ его памятной книгѣ имѣются точныя записи расходовъ по найму квартиры, потомъ по покупкѣ и устройству дома, флигеля и бани, — жалованью дворникамъ — Ильѣ, Ивану, Ефиму, — кухаркамъ — Афросиньѣ, Дарьѣ, Катеринѣ, — нянькамъ — Настасьѣ, Аринѣ, Ѳедорѣ, — кормилицамъ — Матренѣ, Пелагеѣ и т. д. Но расходовъ по освѣщенію, отопленію и столу въ этой книжкѣ нѣтъ, — вѣроятно была другая. Нѣжное и заботливое родительское сердце видно въ письмахъ С. К—ча даже къ такому, такъ сказать, внѣ-семейному лицу, какъ преосв. Савва. Съ замѣтною радостью пишетъ онъ своему безсемейному другу: то объ окончаніи курса своего сына Сергѣя, то о выходѣ своей дочери Анны замужъ за „магистранта, оставленнаго при университетѣ, по фамиліи Милюкова, — юношу во всѣхъ отношеніяхъ отличнаго“, — то проситъ „взять на себя въ Синодѣ составленіе отзыва о докторской диссертациі своего зятя проф. Каптерева“, — то справляется, „въ какомъ положеніи дѣло разсмотрѣнія этой диссертациі въ Синодѣ“¹⁾ и т. под. Господь благословилъ С. К—ча многочисленною и благоустроенною семьей. Его единственный сынъ, по окончаніи курса въ М. Д. Академіи, былъ преподавателемъ въ Орлѣ и теперь священствуется въ Москвѣ. Три дочери вышли замужъ за ученыхъ и профессоровъ: Н. Ѳ. Каптерева, П. Н. Милюкова и А. П. Голубцова — всѣ трое работники по специальности С. К—ча, т. е. по русской исторіи 16—18 вѣковъ, имѣвшіе счастье находиться подъ непосредственнымъ вліяніемъ и пользоваться ближайшимъ руководствомъ своего ученаго тестя. Три его другія дочери — москов-

¹⁾ Саввы Автоб. VII. 382. 557. 583 др.

скія матушки-протоіерейши,—и еще одна—вдова преподавателя Виѳанской семинаріи.

Итакъ, С. К—чъ жилъ полною и счастливою жизнью—обычный удѣлъ благодушныхъ и добросердечныхъ людей. Но мы начертали бы не живой ликъ С. К—ча, если бы лишили его нѣкоторыхъ тѣней.

Суетнымъ тщеславіемъ подернуто настойчивое обращеніе С. К—ча къ своему другу преосв. Саввѣ за содѣйствіемъ къ украшенію себя лентою и звѣздою ордена св. Анны 1-й степени. „Осмѣливаюсь обратиться къ Вамъ съ усерднѣйшимъ прошеніемъ. 12-го дек. настоящаго (1884) года исполнится 40-лѣтіе моей акад. службы. Желалось бы мнѣ, чтобъ меня къ этому дню хотя бы сравняли наградою съ моими учениками, служащими подъ моимъ начальствомъ. В. Д. Кудрявцевъ имѣетъ уже двѣ звѣзды, и Субботинъ — одну, а они моложе меня на четыре курса (т. е. на 8 лѣтъ). Очевидно, положеніе мое въ этомъ отношеніи возбуждаетъ со стороны нѣкоторые вопросы. Я бы осмѣлился просить Васъ сказать о семъ при удобномъ случаѣ нашему Владыкѣ и К. П—чу лично, какъ Ваше мнѣніе... Простите меня за желаніе подобнаго рода. Оно, смѣю Васъ увѣрить, явилось не вслѣдствіе честолюбія, а, какъ я выше изобразилъ, вслѣдствіе нѣ котораго постыжденія предъ подчиненными“¹⁾. Ту же просьбу повторяетъ онъ чрезъ годъ²⁾ и опять чрезъ мѣсяць³⁾. Однакожъ ходатайства преосв. Саввы по этому дѣлу успѣха не имѣли⁴⁾ и С. К—чу пришлось до конца начальствовать надъ подчиненными, имѣвшими по одной и даже по двѣ ленты и звѣзды: самъ С. К—чъ получилъ вождельный орденъ только уже при отставкѣ.

Для нѣкоего смягченія этихъ звѣздоисканій и лентожеланій С. К—ча позволяетъ себѣ указать на то, что даже и А. В. Горскій, весь погруженный въ науку, съ замѣтнымъ удовольствіемъ облакался въ шелковую рясу темно-бордоваго цвѣта со звѣздою, особенно при первомъ представленіи къ нему пріѣзжавшихъ изъ семинарій новичковъ.

Второю тѣнью на С. К—чѣ лежитъ то, что онъ не былъ, подобно А. В. Горскому, всецѣло и безраздѣльно преданъ наукѣ, но, слѣдуя общему примѣру солидныхъ людей своего времени и кружка, не мало времени губилъ за карточными столами. Въ па-

1) Ib. VII. 339—340 письмо отъ 5 нояб. 1884 г.

2) 4 нояб. 1885 г. и Ib. VII. 557,

3) 23 дек. 1885 г. Ib. VII. 583.

4) Ib. стр. 359. 584.

мятной книжкѣ его сохранилась точная запись партнеровъ, выигрышей—проигрышей и всѣхъ дней, когда происходила игра, съ августа 1849 г. по 1852 г. и съ янв. 1861 г. по янв. 1864 г., подъ заглавіемъ: „Картежныя дѣла“¹⁾. Наболѣе частыми партнерами записаны изъ профессоровъ: П. С. Делицынъ, П. С. Казанскій, В. Д. Кудрявцевъ, А. Θ. Лавровъ, Ф. А. Сергіевскій, И. М. Богословскій, Левицкій, Е. В. Амфитеатровъ, П. И. Горскій, рѣдко: А. К. Соколовъ, Н. П. Гиляровъ, С. И. Зерновъ, П. М. Хупотскій—Θ. А. Голубинскій и А. В. Горскій, очевидно, въ карты не играли. Гораздо болѣе записано партнеровъ чужихъ: аптекарь, докторъ (Н. П. Страховъ), стряпчій, Рекъ, Князевъ, Рыловъ, Ползиковъ, Шамардинъ и т. д. Игры записаны не только Посадскія, но и Московскія. Однажды, подъ 3 февр. 1864 г.²⁾ записана игра въ трынку, кончившаяся выигрышемъ въ 32 руб. Выигрыши и проигрыши простираются отъ 0, 8, 12 и 16 к. и до 70 р. сер. Подводятся общіе итоги: за 1861 г. „итого выиграно 349 р. 50 к.—проиграно 282 р. 61 к. авантажъ 66 р. 89 к.“,—за 1862 г. „итого проиграно 137 р. 48 к. выиграно 374 р. 58 к. *avantage* 237 р. 10 к.“—за 1863 г. „итого въ теченіи года проиграно 393 р. 45 к. выигралъ 480 р. 50 к. *revanche* 87 р. 15 к.“ и за 1864 г. „итого въ 1864 г. проиграно 590 р. 83 к. выиграно 608 р. 55 к., авантажъ 17 р. 72 к.“ Такимъ образомъ безъ аванжа нѣтъ ни одного изъ записанныхъ годовъ. Общее количество игорныхъ дней въ 1861—1864 г.: 95, 94, 100 и 90, т. е. въ среднемъ по 8 дней на мѣсяць или $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ года. Въ нѣкоторые дни происходило по двѣ и по три игры.

Болѣе густою тѣнью лежитъ на С. К.—чѣ его участіе въ компаніи профессоровъ противъ и послѣдняго пятилѣтія профессорства и докторства П. С. Казанскаго. Въ собраніи Совѣта 27 сен. 1872-го года П. С.—чѣ не былъ избранъ на второе пятилѣтіе профессорства въ академіи, послѣ 30-лѣтней службы, получивъ при баллатировкѣ равное количество избирательныхъ и неизбирательныхъ голосовъ, именно по 5³⁾. При соисканіи имъ докторства были

¹⁾ Зап. книжка стр. 97—115. 153—161. Въ оглавленіи, подъ № 4 значится еще: „картежныя дѣла 1865 стр. 37 и 1866 стр. 41“, но стр. 37—44 вырваны въ книжкѣ. А имѣющіяся записи оглавлены подъ № 14 такъ: „Картежныя дѣла 1849 г. и далѣе стр. 97. 153“.

²⁾ Зап. кн. стр. 158.

³⁾ Журналы Совѣта за 1872 г. сент. 22 № III и 27 № I стр. 884—887. Изъ 10 членовъ Совѣта оказалось 5 изб. и 5 неизбр. Очевидно голоса распредѣлились такъ: избирательные: А. В. Горскій, В. Д. Кудрявцевъ, В. Н. Потаповъ, П. И. Горскій и П. С. Казанскій, — неизбирательные: С. К. Смирновъ, Е. В.

представлены два мнѣнія (отзыва)—А. В. Горскаго (положительный) и архим. Михаила (отрицательный), и хотя большинство признало допустить П. С—ча до диспута, но въ первый назначенный срокъ диспутъ не состоялся, такъ какъ большинство членовъ совѣта демонстративно не явилось на диспутъ. Диспутъ состоялся уже во вторично назначенный срокъ, послѣ хожденій А. В. Горскаго по членамъ Совѣта и упрашиваній ихъ не дѣлать скандала ¹⁾. Но значительная доля вины во всемъ этомъ дѣлѣ должна пасть на самого П. С—ча. Престарѣлый холостякъ, болѣзненно-желчный и раздражительный, онъ отличался, повидимому, не терпимымъ въ общежитіи характеромъ, былъ рѣзокъ въ словахъ и допускалъ выходки, доходившія до странностей. Рассказывали, что въ одну темную и грязную осеннюю ночь (въ Посадѣ не было ни мостовыхъ, ни освѣщенія), выйдя отъ всеобщей и увидавъ пролетку инспектора (С. К—ча), предназначавшуюся для его супруги и дочери, П. С—чъ сѣлъ въ нее и велѣлъ везти себя на Виѳанку, въ свой домъ, сказавъ, что лошадь и экипажъ казенные, а не инспекторскіе. Студенты, когда онъ былъ помощникомъ ректора, боялись ходить къ нему по поводу отстрочекъ подачи сочиненій. Шутили, что онъ ругается и даже дерется чубукомъ. Сидящая въ согбенномъ видѣ на креслѣ предъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ книгами и рукописями, фигура высокаго, сухого, изможденнаго человѣка,—въ халатѣ, туфляхъ и очкахъ,—всклокоченные волосы,—съ постояннымъ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ и дымившимся въ трубкѣ табакомъ Жукова,—громкій и рѣзкій голосъ, непрестанный кашель съ мокротою: такимъ представляли П. С—ча студенты нашего времени. Чѣмъ-то суровымъ, восточно-аскетическимъ, столпническимъ вѣяло отъ него. У него былъ слуга, не помню имени, въ стилѣ крѣпостническихъ лакеевъ у старинныхъ баръ, такъ художественно изоб-

Амфитеатровъ, архим. Михаилъ, Ф. А. Сергіевскій и Н. И. Субботинъ (А. Ѳ. Лавровъ и Е. Е. Голубинскій отсутствовали).

¹⁾ Журналы 1873 г. 25 янв. № III. стр. 6.—15 мар. № I. стр. 33—34 и 2 окт. стр. 157—158,—Ср. Автоб. Саввы т. IV. стр. 657—664: „П. С—ча докторскій диспутъ не состоялся. Оппоненты (? и члены Совѣта) объявили себя больными на день назначенный для диспута. Это демонстрація со стороны о. архим. Михаила и Н. И. Субботина. Честно ли это? А. В—чъ очень огорченъ, а диспутантъ и подавно. Не постигаю источника ретивости“ (письмо еп. Муромскаго). Самъ С. К—чъ въ одномъ письмѣ сообщаетъ лаконично: „О диспутѣ П. С. доселѣ ничего не извѣстно“ 8 мая 1873 г. и 27 сент.: „Октября 2-го назначенъ диспутъ П. С—ча прежде несостоявшийся. Много надѣлало его дѣло неприятностей академіи, между прочимъ и мнѣ“. Ibid. стр. 678—693. Ср. Юбил. Сбор. 161—162. 576. 579. 583. Ср. описаніе скандала на магистерскомъ экзаменѣ 169—170.

раженныхъ Гоголемъ и Гончаровымъ,—постоянно набивавшій ему трубку табакомъ и ходившій за нимъ, какъ нянька,—такой же старый и суровый. Анекдотили, что баринъ и слуга не только бранились, но и давалась воля рукамъ. Вѣрно ли это или нѣтъ, пишушій не знаетъ. Но несомнѣнно—П. С—чъ былъ не особенно пріятнымъ сотоварищемъ для большинства членовъ академической корпораціи, какъ это и выявилось въ заболлатированіи и докторствѣ его. Во главѣ компаніи стояли архим. Михаилъ, бывшій инспекторъ,—и, кажется, Амфитеатровъ, бывшій секретарь. И С. К—чъ дѣйствовалъ здѣсь, повидимому, не столько по личнымъ мотивамъ (онъ имѣлъ съ нимъ постоянное карточное общеніе), сколько по солидарности съ большинствомъ корпораціи.

Наконецъ, какъ послѣднюю тѣневую сторону въ С. К—чѣ можно отмѣтить его „родственное пристрастіе“ въ такомъ существенно-важномъ для академіи дѣлѣ, какъ замѣщеніе кафедры. Когда С. К—чъ былъ назначенъ на должность ректора академіи, онъ пожелалъ имѣть себѣ помощника (адъюнкта) по своей кафедрѣ греческаго языка, чтобы потомъ превратить его въ профессора, въ лицѣ своего зятя, преподавателя Виѳанской семинаріи, Д. А. Богданова,—человѣка, во многихъ отношеніяхъ достойнаго и въ нѣкоторыхъ—даже талантливаго ¹⁾, но не имѣвшаго никакихъ задатковъ къ ученой и профессорской дѣятельности. Къ пользѣ академіи и самого С. К—ча какъ и его зятя, благодаря мужеству нѣкоторыхъ членовъ церковно-практическаго отдѣленія и потомъ совѣта, дѣло это не устроилось, Богдановъ избранъ не былъ и такимъ образомъ родственное пристрастіе С. К—ча никакихъ плохихъ послѣдствій для академіи не имѣло. Притомъ, вѣдь родственная слабость, можно сказать, такъ общечеловѣчна, что и въ С. К—чѣ заслуживаетъ извиненія,—тѣмъ болѣе, что проявленія ея бывали въ академіи и ранѣе ²⁾.

¹⁾ Онъ обладалъ, можно сказать, огромною способностью подмѣчать *типическія* особенности въ характерѣ людей, художественно ихъ сосредоточивать въ короткомъ разсказѣ и мастерски изображать внѣшнимъ образомъ—голосомъ, мимикою и пр.

²⁾ Д. Θ. Голубинскій 19 курса 1854 г. сынъ Θ. А. Голубинскаго, кончилъ 5-мъ,—конечно не безъ вліянія (даже невольнаго) его знаменитаго и авторитетнаго родителя,—его магист. диссертация не помѣчена въ числѣ напечатанныхъ въ Ист. М. Д. Акад. стр. 242. А. К. Соколовъ, родственникъ А. В. Горскаго, 13-го к. 1842 г. кончилъ 6-мъ: тоже нѣтъ маг. дисс., стр. 240. П. И. Казанскій, племянникъ по женѣ П. С. Казанскаго, 24-го к. 1864 г. кончилъ 4-мъ. П. И. Горскій-Платоновъ, 21-го к. 1858 г. тоже племянникъ П. С. Казанскаго, хотя занималъ 2-е мѣсто, но стипендію и фамилію Платонова получилъ онъ, а не первакъ—В. Н. Потаповъ. Д. Корольковъ 25 к. 1866 г. родственникъ Е. В. Амфи-

Но изъ-за этихъ тѣней тѣмъ ярче и живѣе выйдутъ, съ удивительнымъ согласіемъ начертанный и въ монашескихъ инспекторскихъ спискахъ съ отмѣтками по поведенію студентовъ, и въ воспоминаніяхъ учениковъ - сослуживцевъ - подначальныхъ, и даже въ отзывахъ лицъ постороннихъ академіи, — свѣтлый обликъ Сергѣя Константиновича, какъ талантливаго, работающаго и веселаго студента, — какъ увлекательнаго и добросовѣстнаго профессора, — какъ плодотворнаго и трудолюбиваго ученаго писателя, какъ благородно - гуманнаго инспектора и отечески-сердечнаго ректора, — какъ нѣжнаго и внимательнаго главы многочисленнаго семейства, — какъ милаго и радушнаго хозяина, — вообще какъ прекраснаго человѣка. Немногихъ только избранниковъ это удѣль — оставлять такой привлекательный образъ въ окружающихъ людяхъ.

А въ храмѣ науки Московской Духовной Академіи Сергѣй Константиновичъ занимаетъ почетное мѣсто рядомъ съ его столпами, отцами и учителями: П. С. Делицынымъ, Ѳ. А. Голубинскимъ и А. В. Горскимъ. И если изъ людей историческихъ одни дѣлаютъ исторію, другіе пишутъ исторію, а третьи и дѣлаютъ и пишутъ исторію; то Сергѣй Константиновичъ безспорно принадлежалъ къ послѣднимъ: онъ трудился надъ исторіей Академіи и своими дѣяніями и своими писаніями.

театрова и В. Д. Кудрявцева. 25 к. 1866 г. конч. 3-мъ, хотя первые двое не были оставлены при Академіи, — магист. дисс. нѣтъ. стр. 449. Ср. Саввы Автоб. IV. 474 и Юбил. Сб. 585. — П. И. Цвѣтковъ, чрезъ брата своего, стоявшій въ родств. отношеніяхъ къ тѣмъ же лицамъ; 26 к. 1868 г. конч. 6-мъ, при чемъ 3, 4 и 5 номера въ академіи оставлены не были.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 143. Нѣсколько важныхъ свѣдѣній о С. К—чѣ, преимущественно какъ инспекторѣ и ректорѣ академіи, дается въ только что изданномъ бывшими воспитанниками М. Д. Академіи „Юбилейномъ сборникѣ историческихъ матеріаловъ“ подѣ общимъ заглавіемъ „У Троицы въ Академіи 1814—1914“. Къ сожалѣнію мы не имѣли возможности своевременно использовать это прекрасное изданіе и вынуждены теперь въ „дополненіяхъ“, ограничиться лишь не многими отрывочными свѣдѣніями и выдержками.

Къ стран. 143 стр. 5 снизу прим. 1-е. Однажды они забрались для чаепитія на большой тополь, росшій предѣ академическимъ зданіемъ, въ теперешнемъ академическомъ саду, и оттуда говорили шутки проходившимъ студентамъ, возбуждая въ нихъ сначала недоумѣніе, а потомъ смѣхъ. По поводу этого разсказа надо замѣтить, что до 1816-го года предѣ старымъ акад. зданіемъ, на мѣстѣ теперешняго сада, былъ садъ съ плодовыми деревьями, огородомъ и прудомъ. Въ 1816-мъ году, по совѣту митр. Филарета, прудъ былъ засыпанъ. Въ теперешнемъ видѣ садъ былъ распланированъ, насажденъ и устроенъ въ 1843-мъ году, при чемъ особенно трудился студентъ XIV курса, товарищъ С. К—ча, А. О. Ключаревъ, впослѣдствіи знаменитый проповѣдникъ архіеп. Харьковскій. *Ист. Моск. Дух. Акад.* стр. 328—329. См. рисунокъ тогдашней академіи, съ деревьями передъ ней, въ упом. Сборникѣ, стр. 80—81. Кастальскій въ своихъ запискахъ сообщаетъ: „Настоящимъ мѣстомъ моимъ я считалъ пятое, и много-много четвертое. Хотя я и былъ вторымъ, но это зависѣло не отъ моихъ достоинствъ, а отъ того, что другіе, и именно Степанъ (Зерновъ) и Сергій Смирновъ были не очень исправны“. *Юб. Сб.* 92.

С. К—чѣ былъ близокъ съ студентомъ старшаго курса, своимъ землякомъ-москвичемъ, впослѣдствіи знаменитымъ епископомъ Смоленскимъ, Іоанномъ Соколовымъ. Предѣ окончаніемъ курса въ маѣ 1842 г. онъ, по сообщенію С. К—ча, во время прогулки съ нимъ въ роцѣ за Сергіевскимъ Посадомъ поразилъ его неожиданнымъ объявленіемъ о своемъ желаніи принять монашество, имѣя цѣлью исправленіе ошибокъ въ управленіи русскою церковью со стороны Синода и парализованіе самовластиа оберъ-прокурора графа Протасова. *Саввы Автоб.* VI. 487.

„Одинъ изъ товарищей, вспоминая С. К—ча какъ общительнаго студента, веселаго, бойкаго и шутливаго, говорилъ про него: „какой онъ былъ весельчакъ и плодовитый писака!“ Преосв. Евгеній Сахаровъ-Платоновъ, инспекторъ академіи съ 1842-го года, когда С. К—чъ былъ на старшемъ курсѣ,—а потомъ въ 1853 г. ректоръ, „отличавшійся замѣчательною способностью понимать, цѣнить и отличать даровитыхъ людей, съ любовью вспоминалъ о С. К—чѣ до послѣдняго времени своей жизни, при удобныхъ случаяхъ посылалъ ему сердечныя привѣтствія,—говорилъ, что онъ хорошо его помнитъ еще студентомъ“ Моск. Церк. Вѣд. 1889 г. № 9. стр. 129.

Къ стр. 146 стр. 18 св. Въ 1872 году С. К—чъ намѣревался занять мѣсто настоятеля въ Казанскомъ соборѣ, по смерти прот. А. И. Невоструева, при условіи сохраненія за собою академической службы, по крайней мѣрѣ до выслуги пенсіи. Однакожъ дѣло это не устроилось. Саввы Автоб. IV. 559.

Къ стр. 147 стр. 2 св. Самимъ студентамъ предоставлялся выборъ между математикою и гражданскою исторіей,—о преподаваніи гражд. исторіи въ 1832—1833 г. см. Записки Надеждина въ Юбил. Сб. 74—75.

Къ стр. 147 стр. 1 св. прим. По восп. прот. Модестова (1852—1856) „Исторію всеобщую, гражданскую и русскую, читали П. С. К—ій и С. К. С—въ. Оба читали прагматически, т. е. въ видѣ подробнаго послѣдовательнаго разсказа историческихъ событій, безъ критической ихъ оцѣнки (? но П. С. первый началъ критику русской лѣтописи); но С. К—чъ весьма интересно и умѣло иллюстрировалъ свое чтеніе выдержками изъ лѣтописей и современныхъ писаній, въ которыхъ ясно отражался тогдашній бытъ, взгляды и степень образованія нашихъ предковъ“ Юб. Сб. 121. По восп. И. К. Смирнова (1854—1858): „Русскую исторію излагалъ забавно, анекдотически, интересно С. К. С—въ (нѣсколько лекцій было посвящено дѣлу о дѣвицѣ Хлоповой, избранной невѣстѣ царя Михаила Ѳеодоровича, но по заподозрѣнной въ ней болѣзни сосланной чуть не въ Сибирь)... Бывшій въ наше время секретаремъ редакціи Твореній св. Отцевъ и цензурнаго комитета, очень добрый и обходительный со студентами, дававшій заработки имъ по перепискѣ“ Юбил. Сб. стр. 136. Ср. сообщеніе объ актовой рѣчи С. К—ча о К. Экономосѣ воспитанника начала 70-хъ годовъ, близко знавшаго С. К—ча: „Затѣмъ онъ перешелъ къ сочиненіямъ его. И тутъ сказалась натура С. К—ча и его природное стремленіе смѣшить почтеннѣйшую публику... Самъ ораторъ со-

хранялъ невозмутимую серьезность, тогда какъ всѣ присутствующіе покатывались со смѣху“. Юбил. Сб. 163.

Къ стр. 152 стр. 13 св. К. И. Невоструевъ составилъ словарь церковно - славянскаго языка, а не церковныхъ писателей или дѣятелей.

Къ стр. 153 стр. 22 св. Преосв. Савва, бывшій слушатель, а потомъ ректоръ С. К—ча, въ своемъ ревизорскомъ отчетѣ по Академіи 1864 г. такъ отзывается о С. К—чѣ: „При живости и остротѣ ума, при отчетливомъ знаніи предмета, лекціи его отличаются живымъ одушевленнымъ изложеніемъ и вѣрнымъ объясненіемъ историческихъ фактовъ. Многолѣтняя, постоянно усердная служба и неутомимое трудолюбіе, плодомъ коего служатъ многочисленныя историческія статьи и цѣльныя сочиненія, частію изданныя отдѣльно, частію помѣщавшіяся въ академическихъ и др. журналахъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія и поощренія“. Автоб. III. 213.

Къ стр. 157 стр. 13 св. Вм. „бумаги“ надо: бумагу. *Стр. 20 дополнить:* по воспоминаніямъ Кастальскаго товарища С. К—ча, классы математики и языковъ „были часто пусты“ Юбил. Сб. 87,— „нѣкоторые классы всегда были бѣдны посѣтителями, особенно несчастные языки еврейскій, греческій, нѣмецкій и французскій... Но В. С. Соколовъ, баккал. греч. языка на младшемъ классѣ, держалъ насъ такъ, что мы боялись не ходить къ нему. Онъ походилъ характеромъ на брата своего Владиміра (впослѣдствіи извѣстнаго Іоанна епископа Смоленскаго). Случалось, что мы запирались въ номерахъ отъ поисковъ инспектора, который приходилъ насъ гнать въ классъ .... стр. 96—97. По воспоминаніямъ Надеждина въ 1832—1833 году „по греческому языку занятія наши состояли только въ переводѣ на русскій, кажется, нѣкоторыхъ философскихъ статей Платона и другихъ греческихъ философовъ (?)“ стр. 72.

Къ стр. 164 стр. 30 св. Памва Берында.

Къ стр. 167 стр. 1 св. О новомъ уставѣ 1869-го года С. К—чѣ пишетъ 3 авг. 1871 г: „Новый Уставъ побудилъ студентовъ внимательнѣе заниматься дѣломъ: лекціи наставниковъ посѣщаются студентами весьма исправно, не такъ какъ прежде; отвѣты на экзаменахъ, по которымъ составляются переводные баллы, оцѣниваются строго и требуютъ со стороны студентовъ занятій усидчивыхъ. Старое время бездѣлья и апатичнаго отношенія къ дѣлу проходитъ“. Автоб. IV. 473. Характеристика эта историческое значеніе имѣетъ конечно для академіи до преобразованія, такъ какъ

о дѣйстви новаго устава въ августѣ 1871-го года говорить было еще слишкомъ рано.

Къ стр. 169 стр. 10 сн. Самъ С. К—чъ въ 1871 г. 28 сент. писалъ преосв. Саввѣ: „Изъ предметовъ, читанныхъ мною въ академіи въ прежнее время, я оставилъ за собою греческій языкъ... При этомъ предметѣ *имѣю время заниматься и русскою исторіей, занятія которою не намѣренъ покидать никогда*“. Саввы Автоб. IV. 481. Такимъ образомъ самъ С. К—чъ занятіе греческимъ языкомъ считалъ для себя дѣломъ второстепеннымъ, подѣльемъ, отдаваясь всецѣло болѣе плодотворному, болѣе важному и, должно замѣтить, гораздо болѣе легкому дѣлу изученія русской исторіи. Этимъ объясняется научная слабость работъ С. К—ча по греческой филологіи.

Къ стр. 169 стр. 32 сверху. Преосв. Макарій въ своемъ ревиз. отчетѣ о С. К—чѣ (1875 г.) написалъ: „Преподаетъ греческій языкъ и его словесность и имѣетъ въ недѣлю 5 лекцій: 2 на первомъ курсѣ, 1 на второмъ и 2 на третьемъ. Во всѣхъ трехъ курсахъ каждая лекція посвящается частью на исторію греческой литературы и языка, частью на переводы греческихъ писателей. Въ первомъ и второмъ курсахъ переводятся греческіе классики, въ третьемъ греческіе отцы церкви. А чтенія изъ исторіи литературы на первомъ курсѣ, послѣ краткаго обзрѣнія Орфиновъ, начинаются съ Гомера и продолжаются до Геродота, на второмъ— касаются произведеній греческихъ историковъ, ораторовъ и драматическихъ писателей, и на третьемъ курсѣ, около половины сентябрьскаго семестра, доводятся до временъ упадка греческаго языка. Все остальное время третьяго курса посвящается на чтенія о языкѣ свящ. книгъ Новаго Завѣта, св. Отцевъ Церкви, бого-служебныхъ книгъ и, наконецъ, о языкѣ новогреческомъ. Профессоръ отлично знакомъ съ своимъ предметомъ, который преподаетъ въ академіи съ 1844 года и своими богатыми познаніями, своею опытностью въ преподаваніи греческаго языка умѣетъ привлечь студентовъ къ ревностному его изученію“. Но объ учено-литературной дѣятельности С. К—ча отчетъ не говоритъ ничего, тогда какъ у другихъ профессоровъ указываются и учено-литературные труды. Ревизору преосв. Макарію А. В. Горскій рекомендуетъ С. К—ча какъ „весьма усерднаго въ исполненіи своихъ обязанностей по надзору за поведеніемъ студентовъ, отлично знакомаго съ своимъ предметомъ и опытнаго въ преподаваніи его и тѣмъ привлекающаго студентовъ къ изученію его“. Юбил. Сб., 483.

Къ стр. 175 прим. 1. См. собственноручное письмо Митр. Фи-

ларета къ С. К—чу съ сообщеніемъ ему Высочайшей благодарности за поднесенную Государю Исторію Сл-гр-лат. Академіи въ Юбил. Сб. 596.

Къ стр. 176 стр. 2 св. Образцомъ редакторства А. В—ча могутъ служить его замѣчанія на сочиненіе С. К—ча: „Біографія Пожарскаго“ въ одномъ изъ писемъ Горскаго къ С. К—чу, изданномъ въ Юбил. Сб. № I. стр. 464—466,—ср. еще № VI. стр. 473: О поправкахъ къ исторіи Троицкой Семинаріи и о житіи и службѣ Сильвестра Обнорскаго. Ср. замѣтку А. В—ча къ рѣчи С. К—ча на докторскомъ диспутѣ, Юбил. Сб. № XI. стр. 477—478.

Ibid. стр. 9 св. и 4 сн. прим. 1. Н. И. Субботинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ объ учености А. В—ча, „изъ которой всѣ мы черпали безпрепятственно и обильно“, письмо 10, Юбил. Сб. 701,—и о себѣ самомъ: „Мой кліентъ по курсовому сочиненію даже поднять на одинъ номеръ выше за достоинство сочиненія, надъ которымъ я сидѣлъ не менѣе двухъ недѣль, выправляя глупости новаго магистра“, п. 6-е, стр. 697.—Объ авторскомъ отношеніи Горскаго къ нѣкоторымъ печатнымъ диссертаціямъ (*Руднева*, о ересьяхъ и расколахъ,—*Соколова*, о патр. Іовѣ,—*Нечаева*, о Димитріи Ростовскомъ,—*Остроумова*, Исторія Флорентійскаго собора) см. Юбил. Сб. ст. свящ. П. Постникова, стр. 292—296. Навѣрно и другія многія работы, явившіяся подъ видомъ магистерій разныхъ лицъ, въ существенныхъ своихъ частяхъ принадлежатъ А. В—чу не только по матеріалу и методу, но и по изложенію. См. еще восп. Кастальскаго, *ib.* стр. 92.

Къ стр. 184 стр. 11 св. Вм. „продолженіе“ надо „параллель“.

Къ страницѣ 190 строкъ 2 сверху. Другую рецензію написалъ академикъ Сухомлиновъ въ журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія, 1868 г. февр. ч. 137 стр. 602—618.

„Исторія Троицкой Лаврской семинаріи, читаемъ здѣсь, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ трудовъ, обогатившихъ нашу литературу въ истекшемъ году. Ученымъ Московской духовной академіи наука обязана дорогими вкладами, внесенными въ нее преимущественно по русской исторіи, словесности и древностямъ. Изученіе Россіи, ея исторической судьбы, открытіе и изслѣдованіе памятниковъ русской древности и старины составляетъ отличительныя черты новаго направленія академіи, переживаемаго ею въ настоящій періодъ ея существованія. Знаменитое имя Горскаго служитъ живымъ свидѣтельствомъ (о томъ), какими научными силами обладаетъ академія, и какъ плодотворна ея дѣятельность для русской науки вообще. Капитальные труды Горскаго, автора „Описанія рукописей Синодальной бібліотеки“, пользуются всеобщимъ, вполне заслу-

женнымъ уваженіемъ въ русской ученой литературѣ, занимая въ ней высокое мѣсто на ряду съ трудами Карамзина и Востокова. Недавно сошедшій въ могилу писатель, преосв. Филаретъ Черниговскій, былъ однимъ изъ первыхъ труженниковъ, ставшихъ во главѣ направленія, одушевляющаго Московскую академію. Его „Исторія Русской Церкви“, его „Обзоръ русской духовной литературы“ останутся необходимымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося русской исторіей и словесностью. Къ дѣятелямъ современнымъ, продолжающимъ начатое Филаретомъ и Горскимъ, принадлежитъ профессоръ Смирновъ. Онъ извѣстенъ своею добросовѣтностью въ собраніи и изложеніи матеріаловъ, извлекаемыхъ имъ изъ рукописныхъ источниковъ, относящихся къ исторіи образованія въ Россіи. Въ 1855 г. Смирновъ издалъ „Исторію Московской Славяно-греко-латинской академіи“; въ прошломъ году вышла его „исторія Троицкой Лаврской Семинаріи“.

Въ новомъ трудѣ своемъ авторъ слѣдуетъ той же системѣ, что и въ исторіи академіи... Съ особенною подробностью авторъ останавливается на второмъ (Платоновскомъ 1761—1814 г.) періодѣ, когда семинарія достигла окончательнаго устройства и приносила ожидаемые плоды—при постоянномъ участіи и неутомимой дѣятельности Платона. Онъ былъ руководителемъ и душою любимаго имъ заведенія. Его участіе и заботливость простирались и на наставниковъ, и на учениковъ. Онъ внимательно пересматривалъ каждую программу, конспектъ темы для диспутовъ, каждый трудъ наставниковъ, старался сблизиться съ ними, часто проводилъ время въ ихъ обществѣ, и чтобы короче ознакомиться съ составомъ семинаріи, отправлялся лѣтомъ съ наставниками и питомцами въ окрестныя рощи, гдѣ во время прогулокъ происходилъ болѣе свободный обмѣнъ мыслей внѣ всякихъ официальныхъ ностей. Въ рощѣ устроенъ былъ и театръ для представленія піесъ духовнаго содержанія. Съ необыкновенною зоркостью отмѣчая даровитыхъ воспитанниковъ, глава училища ревностно заботился объ усиленіи научныхъ средствъ въ семинаріи, а равно и о матеріальномъ благосостояніи воспитанниковъ. Нѣсколькихъ изъ нихъ онъ содержалъ на собственный счетъ, и они обязаны были называться Платоновыми, удерживая фамилію эту навсегда, въ какое бы званіе не вступили они по выходѣ изъ семинаріи. Двое изъ Платоновыхъ должны были непременно учиться особенно прилежно греческому языку и разговаривать на немъ.

При Платонѣ число учениковъ достигало иногда до 350, между тѣмъ какъ въ первое время ихъ было не болѣе 90 или 100, да и тѣ набирались съ величайшимъ трудомъ... должны были прибѣ-

гать къ мѣрамъ принудительнымъ... Съ родителей, укрывавшихъ дѣтей, взималось штрафа за каждый мѣсяць: съ протопопа два рубля, со священника полтора, съ дьякона рубль, съ дьячка и пономаря 50 коп. Не смотря на подобныя мѣры... дѣтей духовнаго званія было только 12, между тѣмъ какъ подъяческихъ 25, служительскихъ 15, пѣшихъ служекъ 11, ремесленниковъ тоже 11 и т. д. Въ числѣ воспитанниковъ были и дѣти ямщиковъ, колесниковъ, хлѣбниковъ, портныхъ и дѣти приказныхъ, поручиковъ и прапорщиковъ...

До Платона научный уровень семинаріи стоялъ не высоко; въ преподаваніи господствовала схоластика, старинные образцы и методы, несмотря на то, что русская литература, и при тогдашнемъ ея состояніи, давала уже возможность измѣнить преподаваніе къ лучшему.

Первый курсъ богословія, читанный въ семинаріи, былъ неудачнымъ сколкомъ съ лекцій Теофана Прокоповича, коихъ достоинство безспорно... Но, пользуясь ими, Троицкій профессоръ затемнилъ свой источникъ примѣненіемъ къ нему схоластической методы. Только Платонъ сумѣлъ освободиться отъ узъ схоластики въ своемъ сложеніи богословской системы... Та же метода примѣнялась и къ изложенію философіи... авторитетомъ и руководствомъ служилъ Баумейстеръ... физика читалась по Августу Эрнести... Ученые Троицкой семинаріи обращали на себя вниманіе своею начитанностью и основательными свѣденіями въ области словесныхъ наукъ. Поэтому литературныя общества того времени, возникшія въ столицахъ, призывали скромныхъ труженниковъ Троицко-Сергіева уединенія къ участию въ различныхъ литературныхъ трудахъ и предпріятіяхъ. Вольное Россійское Собраніе, открытое въ 1771 году при Моск. университетѣ, просило Троицкихъ ученыхъ заняться составленіемъ сборника словъ, мало употребляемыхъ или и вовсе неизвѣстныхъ въ Москвѣ, а также подѣлиться важнѣйшими и рѣдчайшими памятниками, записками извѣстіями, относящимися къ русской исторіи и словесности, съ которыми встрѣтятся при своихъ научныхъ работахъ...

Хотя и предписывалось прилежать родному слову, но при всякомъ случаѣ отдаваемо было предпочтеніе языку латинскому, на которомъ преподавались всѣ предметы. И самъ Платонъ, хотя и требовалъ, чтобы учениковъ приучали къ сочиненіямъ на русскомъ языкѣ, говоря, что „нелѣпо приучать къ языку латинскому, а родную рѣчь бросить“, однако желалъ, чтобы латинскій языкъ процвѣталъ въ семинаріи и писалъ Амвросію въ 1800 году, когда въ Синодѣ поднятъ былъ вопросъ о преподаваніи въ семинаріяхъ

лекцій на русскомъ языкѣ: „чтобы на русскомъ языкѣ у насъ въ училищѣ лекціи преподавать, я не совѣтую. Наши духовные и такъ отъ иностранцевъ почитаются почти неучеными, что ни по французски, ни по нѣмецки говорить не умѣемъ. Но еще нашу поддерживають честь, что мы говоримъ по латыни и переписываемся. Если же латинскому учиться такъ, какъ греческому, то и послѣднюю честь потеряемъ, поелику ни говорить, ни переписываться ни на какомъ языкѣ не будемъ. Прошу сіе оставить. На нашемъ языкѣ и книгъ классическихъ мало. Знаніе латинскаго языка совершенно много содѣйствуетъ краснорѣчію и російскому“....

Что касается до методы и приѣмовъ преподаванія вообще, то Троицкіе педагоги высказали единодушно крайнее нерасположеніе къ новому способу, предложенному комиссіей о народныхъ училищахъ,—и уставъ о народныхъ училищахъ изданный въ 1786 году, остался безъ примѣненія въ Троицкой семинаріи, несмотря на указъ Св. Синода о введеніи его въ духовныя училища.

Библіотека семинаріи представляла богатое пособіе для занимающихся...

Имѣя въ библіотекѣ прекрасныя средства для научныхъ работъ и дѣльнаго преподаванія, нравственно поддерживаемые добрымъ участіемъ Платона, наставники были хорошо обставлены и въ отношеніи къ матеріальнымъ условіямъ быта... Провизія отпускаема была жрецамъ науки въ замѣчательномъ изобиліи. Пяти учителямъ вмѣстѣ съ „интендантомъ“ или „главнымъ командиромъ надъ семинаристами“ ежедневно выдавалось: 30 ф. говядины, 20 ф. телятины и т. д. Питей отпускалось въ мѣсяць на всѣхъ учителей: 10 ведеръ водки, 2 ведра сивухи, 2 в. крѣпкаго меду, 15 в. легкаго, 30 в. добраго пива, 30 в. мартовскаго и 30 в. кислыхъ щей. Ученикамъ мяса въ день по фунту, и въ годъ—214 в. пива и 6 в. меду. Жалованье учителямъ простиралось до 200 р. въ годъ и награды подъ наивнымъ названіемъ: *pour le courage*...

Быть воспитанниковъ довольно ярко обрисовывается тогдашними инструкціями. Въ одной изъ нихъ между прочимъ имѣются параграфы: „5. Во всякое время семинаристамъ имѣть между собою обхожденіе вѣжливое и дружеское и не чинить никакихъ ссоръ; каждому называть другъ друга именемъ его и отечествомъ и прозваніемъ съ приложеніемъ слова: господинъ. 6) Къ чему не малымъ служить можетъ поводомъ, если господа учителя разговоры между собою серьезные и забавные имѣть будутъ почасту при ученикахъ ко истребленію въ нихъ дикости, а особливо въ часы общихъ гуляній, отъ чего могутъ сіи послѣдніе

научиться лучшему между собою обхожденію и пристойной смѣлости. 8) Лѣнливыхъ и въ поступкахъ неисправныхъ наказывать болѣе моральнымъ образомъ, а ничѣмъ неисправляющихся представлять ко исключенію изъ семинаріи... Платонъ обращалъ большее вниманіе на соблюденіе воспитанниками внѣшнихъ условій вѣжливости, и даже отправлялъ ихъ съ этою цѣлью въ университетъ. Независимо отъ главной цѣли—изученіе новыхъ языковъ, имѣлась въ виду и другая—„изучить приемы свѣтскаго обхожденія—и пристойной смѣлости“. Въ однообразномъ быту семинаристовъ весьма крупнымъ явленіемъ были диспуты, открывавшіе состязателямъ обширное поле для раскрытія своего таланта, остроумія и изобрѣтательности...

Представивъ обзоръ замѣчательной книги проф. Смирнова, мы далеко не исчерпали всего богатства данныхъ, заключающихся на ея страницахъ. Множество свѣдѣній, извлеченныхъ авторомъ преимущественно изъ архива Троицкой семинаріи, рисуютъ черты училищнаго быта прошлаго столѣтія и представляютъ любопытные матеріалы для исторіи образованія въ Россіи. Превосходный трудъ г. Смирнова, по трудолюбію и умѣнью, съ которымъ онъ составленъ, вполне достоинъ имени іерарха, памяти котораго онъ посвященъ“.

Книга С. К—ча, замѣтимъ, могла бы доставить любопытный матеріалъ и еще для десятка подобныхъ же отзывовъ.

„18 марта 1868 года оберъ-прокуроръ имѣлъ счастье поднести Его Величеству экземпляръ Исторіи Троицкой Лаврской Семинаріи, и Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: „благодарить автора и выдать ему денежный подарокъ въ 400 р.“ Порадуйтесь, Преосвященнѣйшій, и моей радости!“ пишетъ С. К—чь пр. Саввѣ 17 апр. 1868 г. IV. 41—42.

Къ стр. 191 стр. 9 св. Любопытно, что на „Исторіи Московской Духовной Академіи“ подписано только: „С. Смирнова“, хотя С. К—чь тогда былъ уже протоіереемъ.

Къ стр. 193 пр. 2. Письма Шиллегодскаго и Покровскаго напечатаны въ Юбил. Сб. 605—609. 613—618.

Къ стр. 207 стр. 8 св. Письмо Н. И. Субботина къ прот. Миловскому: „Біографія Θ. А. Голубинскаго уже написана С. К—мъ, но, слышалъ я, Владыка недоволенъ ею, и особенно тѣмъ, что Θ. А. выставленъ послѣдователемъ Канта и Шеллинга“. Юбил. Сб. № 1. стр. 694—695.

Къ стр. 208 стр. 17 св. Взята статья изъ редакціи Рус. Вѣстника по желанію самого А. В—ча, который называетъ ее составленною сообща съ С. К—чемъ. Юбил. Сб. письмо А. В. № IX. стр. 476.

Ibid. стр. 14. О пропускахъ въ дневникѣ А. В. Горскаго по указаніямъ цензоровавшаго его Побѣдоносцева см. его письмо къ С. К—чу въ Юбил. Сб. 632.

Къ стр. 209 стр. 21 св. Ср. Юбил. Сб. 628—629.

Къ стр. 218 стр. 6 св. О диспутѣ С. К—ча ср. еще Юбил. Сб. стр. 165—167.

Къ стр. 221 стр. 10 св. Ср. Юбил. Сб. 148—149.

Къ стр. 223 стр. 15 св. Ср. Юбил. Сб. 475.

Къ стр. 224 стр. 13 сверху. С. К—чу принадлежитъ отзывъ о напечатанномъ на греческомъ языкѣ кандидатско-магистерскомъ сочиненіи іеродіакона Прокопія Икономидиса *Κριτικὴ ἐρμηνεία τῆς εὐαγγελικῆς ῥήσεως „ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου“* κτλ. Ἀθήνησιν, 1878. Журналы Совѣта 1879 г. 22 марта, № III, стр. 41.

Къ стр. 225 стр. 13 св. Преосв. Савва проситъ С. К—ча о кандидатѣ СПб. Академіи Вл. Колосову, готовившемъ магистерскую диссертацию о патр. Никонѣ, доставить ему возможность работать въ акад. и лаврской библіотекахъ. „Между тѣмъ, пишетъ онъ, мнѣ извѣстно, что въ академическую библіотеку нѣкогда передано было А. Н. Муравьевымъ множество матеріаловъ, относящихся къ личности Патр. Никона. Нельзя ли открыть доступъ г. К—ву и къ этимъ матеріаламъ!“ VI. 68, отъ 19 сент. 1879 г.

Къ стр. 225 стр. 15 св. прим. 7. „Съ обычною ревностью Вы тотчасъ приготовили проектъ цѣлаго отвѣта (митр. Филарету о Земскихъ соборахъ), тогда какъ мы (А. В. Горскій и П. С. Казанскій) еще собирали матеріалы и обозрѣвали предметъ съ разныхъ сторонъ“ и пр.—пишетъ А. В—чь С. К—чу. Юбил. Сб. 474—476, № VII. VIII. Ученая переписка С. К—ча съ Погодинымъ, Буслаевымъ, Тихонравовымъ, Бычковымъ, Срезневскимъ, Платоновымъ и преосв. Леонидомъ см. *ibid.* 590—635.

Къ стр. 231 стр. 2 св. Собственно „о процвѣтаніи пьянства въ Московской Академіи“ отчетъ ничего не говоритъ. Въ немъ сдѣланы только выписки изъ инспекторскихъ донесеній Совѣту о замѣченныхъ въ нетрезвости студентахъ: Иванъ Крутиковъ 3 к. 6 нояб. 1870 г.,—Семенъ Воронцовъ 3 к. 1871 г. 9 апр., Алексѣй Горскомъ 2 к. и Иванъ Красновскомъ 1 к.—1874 г. 10 іюня и 11 нояб. 1871 г. о студентахъ 2 к. Н. Силецкомъ и М. Сукневѣ, самовольно отлучившихся въ Москву и, не смотря на письменное требованіе возвратиться, не возвратившихся“. Ср. Письмо А. Лебедева къ С. К—чу о томъ, что по сообщеніямъ инспекторскихъ ревизоровъ всѣ пьяницы-учителя по семинаріямъ и школамъ—преимущественно изъ Московской Академіи—въ

Ibid. стр. 14. О пропускахъ въ дневникѣ А. В. Горскаго по указаніямъ цензоровавшаго его Побѣдоносцева см. его письмо къ С. К—чу въ Юбил. Сб. 632.

Къ стр. 209 стр. 21 св. Ср. Юбил. Сб. 628—629.

Къ стр. 218 стр. 6 св. О диспутѣ С. К—ча ср. еще Юбил. Сб. стр. 165—167.

Къ стр. 221 стр. 10 св. Ср. Юбил. Сб. 148—149.

Къ стр. 223 стр. 15 св. Ср. Юбил. Сб. 475.

Къ стр. 224 стр. 13 сверху. С. К—чу принадлежитъ отзывъ о напечатанномъ на греческомъ языкѣ кандидатско-магистерскомъ сочиненіи іеродіакона Прокопія Икономидиса *Κριτική ἐρμηνεία τῆς εὐαγγελικῆς ῥήσεως „ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου“* κτλ. Ἀθήνησιν, 1878. Журналы Совѣта 1879 г. 22 марта, № III, стр. 41.

Къ стр. 225 стр. 13 св. Преосв. Савва проситъ С. К—ча о кандидатѣ Спб. Академіи Вл. Колосову, готовившемъ магистерскую диссертацию о патр. Никонѣ, доставить ему возможность работать въ акад. и лаврской библіотекахъ. „Между тѣмъ, пишетъ онъ, мнѣ извѣстно, что въ академическую библіотеку нѣкогда передано было А. Н. Муравьевымъ множество матеріаловъ, относящихся къ личности Патр. Никона. Нельзя ли открыть доступъ г. К—ву и къ этимъ матеріаламъ!“ VI. 68, отъ 19 сент. 1879 г.

Къ стр. 225 стр. 15 св. прим. 7. „Съ обычною ревностью Вы тотчасъ приготовили проектъ цѣлаго отвѣта (митр. Филарету о Земскихъ соборахъ), тогда какъ мы (А. В. Горскій и П. С. Казанскій) еще собирали матеріалы и обозрѣвали предметъ съ разныхъ сторонъ“ и пр.—пишетъ А. В—чь С. К—чу. Юбил. Сб. 474—476, № VII. VIII. Ученая переписка С. К—ча съ Погодинымъ, Буслаевымъ, Тихонравовымъ, Бычковымъ, Срезневскимъ, Платоновымъ и преосв. Леонидомъ см. *ibid.* 590—635.

Къ стр. 231 стр. 2 св. Собственно „о процвѣтаніи пьянства въ Московской Академіи“ отчетъ ничего не говоритъ. Въ немъ сдѣланы только выписки изъ инспекторскихъ донесеній Совѣту о замѣченныхъ въ нетрезвости студентахъ: Иванъ Крутиковъ 3 к. 6 нояб. 1870 г.,—Семенъ Воронцовъ 3 к. 1871 г. 9 апр., Алексѣй Горскомъ 2 к. и Иванъ Красновскомъ 1 к.—1874 г. 10 іюня и 2 нояб. 1871 г. о студентахъ 2 к. Н. Силецкомъ и М. Сукневѣ, „самовольно отлучившихся въ Москву и, не смотря на письменное требованіе возвратиться, не возвратившихся“. Ср. Письмо прот. А. А. Лебедева къ С. К—чу о томъ, что по сообщеніямъ семинарскихъ ревизоровъ всѣ пьяницы-учителя по семинаріямъ и училищамъ—преимущественно изъ Московской Академіи—въ Юбил. Сб. 626.

Къ стр. 232 стр. 5 сн. дополнить. Питомецъ академіи 1876—1880 годовъ сообщаетъ: „На первыхъ порахъ С. К—чъ производилъ на представлявшихся ему студентовъ устрашающее впечатлѣніе. Видъ его былъ серьезный и даже свирѣпый... Хотя съ теченіемъ времени стало ясно для насъ, что „Сергѣй“ (такъ обычно звала его академія) въ дѣйствительности не былъ такъ страшенъ, какъ малевало его намъ наше воображеніе издали, на основаніи наружности; но все же студенты не особенно-то охотно шли къ нему для объясненій. Онъ не позволялъ себѣ никогда ни малѣйшей ласковости къ кому бы то ни было изъ студентовъ—и любимцевъ зато не имѣлъ — всегда былъ неподкупно корректенъ въ обращеніи. Провинившіеся искренно трепетали его и готовы были скорѣе провалиться куда-нибудь, чѣмъ выдержать неумолимую инспекторскую аудіенцію. Но бывало (весьма рѣдко) и такъ, что аудіенція оканчивалась совсѣмъ неожиданно для совѣстливаго и робкаго преступника. Инспекторъ не могъ иногда удержаться отъ того, чтобы нѣсколько не растаять сердцемъ своимъ, когда видѣлъ искренность признанія грѣшника, особенно, если послѣдній былъ изъ студентовъ, бывшихъ въ общемъ на хорошемъ счету. И вотъ среди аудіенціи, когда у студента еще продолжаютъ „лытки дрожать“ отъ неизвѣстности результатовъ объясненія, вдругъ „Сергѣй“ вставляетъ какое-нибудь иронически шутливое замѣчаніе, и какая-то косая улыбка пробѣжитъ по его бритымъ губамъ: у студента моментально отливаетъ кровь отъ мозга, и страха какъ не бывало, а инспекторъ нѣжно хлопаетъ его по плечу и отпускаетъ съ миромъ во-свояси... Въ инспекторскихъ способностяхъ С. К—ча никто не сомнѣвался. Его считали очень тонкимъ наблюдателемъ и цѣнителемъ душевныхъ качествъ молодежи. Мы, молодые студенты, были убѣждены, что инспекторъ все знаетъ про насъ, про всѣ студенческія пирушки, гулянья по посаду, игры и шалости... Въ первые дни намъ было внушено, неизвѣстно кѣмъ ¹⁾, держать себя какъ можно осторожнѣе и бояться, между прочимъ, сторожей, которые яко бы были агентами инспектора по части наблюденія... Всю первую треть года намъ еще продолжало мерещиться, что вездѣ за нами слѣдятъ, подсматриваютъ и подслушиваютъ. Но мало по малу кошмаръ дѣлался слабѣе. А потомъ и совсѣмъ исчезъ. По всей вѣроятности, инспекторъ былъ выше инквизиціонныхъ пріемовъ.... С. К—чъ, какъ инспекторъ, мнѣ кажется былъ на своемъ мѣстѣ и потому именно, что онъ непоколебимо стоялъ на завѣ-

1) Внушеніе это было самовнушеніемъ,—эхомъ семинарской бурсы.

тахъ старой, самобытной Московской Академіи, и не дѣлалъ ни малѣйшихъ попытокъ чѣмъ либо нарушить ихъ. У ректора арх. Михаила прорывались подобныя попытки, но „Сергѣй“ не былъ никогда послушнымъ органомъ ректора. Въ сущности между ректоромъ и инспекторомъ не было солидарности ни въ чемъ, не было прочной дружбы и въ средѣ всей корпораціи профессорской. Но вотъ это-то и достойно особеннаго вниманія: въ области чисто педагогической все шло такъ гладко и мирно. О разногласіяхъ и партійной враждѣ между нашими воспитателями мы, студенты, ровно ничего не знали. Узнали уже только послѣ выхода изъ Академіи... Сора изъ избы старались не выносить... Благожелательность С. К—ча, какъ инспектора и потомъ ректора, доказана было не однажды по отношенію къ тѣмъ студентамъ, которые имѣли достаточно основаній тревожиться при окончаніи курса за баллъ по поведенію или за конфиденціальныя отзывы о личности. Будь С. К—чъ инквизиторомъ и формалистомъ, нѣкоторымъ изъ современныхъ церковно-общественныхъ дѣятелей не пришлось бы создать блестящую карьеру и почить затѣмъ на лаврахъ обезпеченности и отличій (*nomina sunt odiosa*). Юность—возрастъ стихійный, неуравновѣшенный... И вотъ если гдѣ, то въ Московской Академіи особенно бережно относились къ молодежи, всячески поддерживали падающихъ, щадили до послѣдней крайности, не казнили. И можно, положа руку на сердце, сказать, что за погубленіе талантовъ молодежи никому изъ истинныхъ по духу учениковъ Горскаго не придется отвѣчать передъ Богомъ (177—180, ср. 742).

Къ стр. 233 прим. 3. Ср. Юбил. Сб. 176—177.

Къ стр. 234 стр. 4 сн. См. еще случай, сообщенный въ Юбил. Сбор. о Воронцовѣ, въ 1870 г.—стран. 496—498.

Къ стр. 236 прим. 2. Ср. письма Побѣдоносцева къ С. К—чу о юбилеяхъ Голубинскаго и Прав. Обозрѣнія въ Юбил. Сб. 630—631. 633.

Къ стр. 237 прим. 4 стр. 22 сн. Ср. ходатайство С. К—ча предъ Побѣдоносцевымъ объ устройствѣ купола надъ акад. храмомъ. Юбил. Сб. 627.

Стр. 239 стр. 2 св. Вм. „непорядочности“ надо: странности.

Стр. 239 стр. 18 св. Къ „всматривающійся“ прибавить: или *высматривающій*.

Ibid. къ стр. 1 сн. прибавить: Нѣкоею досадительностью отдавало и отъ возраженій П. И—ча С. К—чу на докторскомъ диспутѣ послѣдняго, въ окт. 1873 г.

Стр. 240 стр. 5 св. Вмѣсто: „быть“ надо: быть можетъ.

Ibid. стр. 23—25 св. Вм. „году, по указу... указомъ“ надо: году.

Такъ по указу Св. Синода отъ 30 іюля за № 2761 разрублена.

Ibid. къ стр. 3 св. примѣч. 1 добавить: Данная нами характеристика П. И—ча какъ инспектора подтверждается не только воспоминаніями о немъ другихъ лицъ, близко его знавшихъ, но и собственноручными его записками. Прот. Н. П. Добронравовъ, работавшій надъ своимъ магистерскимъ сочиненіемъ подъ ближайшимъ руководствомъ П. И—ча, сообщаетъ: „Ни на одинъ изъ приѣмныхъ экзаменовъ П. И—чъ не былъ назначенъ, но онъ присутствовалъ на всѣхъ нихъ добровольно, единственно изъ желанія познакомиться съ будущими студентами. На экзаменахъ онъ участія не принималъ, но пристально вглядывался въ cadaго студента и что-то записывалъ въ своей записной книжкѣ... Каждый день обходилъ номера—и утромъ во время лекцій и вечеромъ, когда мы должны были заниматься своимъ дѣломъ... Не только зналъ cadaго студента; онъ также зналъ и все, что нужно было знать инспектору о немъ. Студенты его боялись... Вмѣсто наказаній П. И—чъ прибѣгалъ къ „проборкѣ“ виновнаго студента, а „пробирать“ онъ былъ великій мастеръ, какъ и самъ признавался („Голосъ профессора“, стр. 102)... Студенту оставалось только молчать и раскаяваться въ своей неосторожности. Бѣдняга и краснѣлъ, и блѣднѣлъ, и потѣлъ, и дрожалъ, желая только одного, чтобы бесѣда поскорѣе окончилась“. А вотъ что самъ П. И—чъ писалъ о себѣ въ іюль 1886 года (за 2¹/₂ мѣсяца до своего увольненія отъ инспекторства) въ рукописныхъ своихъ запискахъ „*Для моихъ дѣтей*“: „Я знаю cadaго студента, знаю, откуда онъ родомъ, какого курса, казенный или своекоштный, гдѣ живетъ, какъ ведетъ себя, какого нрава... Я зналъ всѣхъ студентовъ не только въ лицо, но большую часть ихъ зналъ и по затылку. Бывало; пойдешь въ номера, взойдешь напр. въ 3 №, а изъ 5-го № кинется, показавъ одинъ затылокъ, тотъ или другой студентъ, убѣгая отъ инспектора: достаточно, инспекторъ уже знаетъ, кто убѣжалъ. Характерныя отчества студентовъ, напр., Захарычъ, Трофимычъ и пр. инспекторъ также зналъ. Проходить онъ, напри- мѣръ, по многолюдной улицѣ, слышенъ въ одномъ домѣ голосъ: „Адамычъ, я тебѣ вотъ что скажу“: достаточно; инспекторъ уже знаетъ, какой студентъ пришелъ въ этотъ домъ. Помощники мои по инспекціи подтверждаютъ, что, не зная фамиліи, они описывали мнѣ внѣшніе признаки студента, и я сказывалъ имъ, кто это такой... Вслѣдствіе запросовъ извѣстнаго комитета... я давалъ такое подробное и характерное описаніе примѣтъ, что даже полиція приходила въ изумленіе... Прислушайтесь, что студенты говорятъ на сторонѣ

о силѣ моего надзора. Они говорятъ, что отъ инспектора ничего не укрывается, что бесполезны попытки ускользнуть отъ инспекторскаго глаза и провести инспектора, что напрасно хвалятъ въ газетахъ французскую полицію, что наша *академическая полиція не ниже французской*... Инспекторъ Моск. семинаріи А. И. Цвѣтковъ недавно сказалъ *совершенно справедливо*: „меня боятся семинаристы, а Павла Ивановича студенты боятся еще больше“... Въ учебное время не было ни одного дня, когда инспекторъ дважды или неизбежно однажды не провелъ бы нѣсколько часовъ въ Академіи и т. д.“—Такое интенсивное инспекторство въ основѣ своей однакожъ имѣло отнюдь не зложелательство по отношенію къ студентамъ, напротивъ „всѣ дѣйствія инспекціи основаны были на добромъ къ нимъ расположеніи и на желаніи тѣми или другими средствами добиться того, чтобы человекъ не былъ вынужденъ оставить академію прежде времени“, что подтверждается и воспоминаніями бывшихъ питомцевъ Академіи (У Троицы въ Академіи, стр. 655—660).—Также „и въ средѣ академической жаловались на его ядовитость и старики особенно его не долюбивали“,—„терпѣли много“, но не отъ чего другого, а „отъ его неумолимой правды... и на своей сторонѣ имѣть П. И—ча всегда было гораздо вольготнѣе, чѣмъ на сторонѣ непріятелей“, заявляетъ питомецъ академіи 1876—1880 годовъ (ib. стр. 190 ср. 188 и 741—742).

Къ стр. 241 стр. 26 сверху. При этомъ поднесены были цѣнные столовые часы съ надписью: „Отцу Ректору Московской Духовной Академіи С. К. Смирнову отъ наставниковъ и чиновниковъ Академіи. 1844—1879“.

Къ стр. 249 прим. 3. Ср. Юбил. Сб. стр. 185.

Къ стр. 250 стр. 6 св. „Бумаги и рукописныя сочиненія А. В. Горскаго, отвѣчаетъ С. К—чъ на запросъ преосв. Саввы, по вѣщанію, предоставлены въ распоряженіе будущаго ректора. Въ бумагахъ много любопытнаго... Всѣ бумаги разобраны мною съ Кудрявцевымъ и Субботинымъ и запечатаны. Молю Господа, чтобы даровалъ мнѣ силы писать его біографію“. Саввы Автоб. V. 265. Ср. ibid. т. VIII. 159. Редакторъ „Записокъ“ замѣчаетъ, что эти бумаги находятся „въ настоящее время въ библіотекѣ М. Д. Академіи, въ такъ наз. Архивѣ Горскаго“. Но часть бумагъ осталась у С. К—ча, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ наслѣдниками С. К—ча теперь сданы въ библіотеку, напр. „справочный листокъ для Фителарета Гумилевскаго о перстосложеніи“, „о патр. Никонѣ“, „Дневникъ“. На собственноручномъ предсмертномъ листкѣ А. В—ча написано: „книги и тетради мои въ акад. библіотеку для сохра-

ненія по разсмотрѣніи — по достоинству“. А въ духовномъ завѣщаніи: „Тетради и другія бумаги, мною написанныя или поступившія ко мнѣ отъ другихъ лицъ, завѣщаваю отдать въ бібліотеку Московской Духовной Академіи для сохраненія и употребленія, *какое признаетъ полезнымъ ректоръ Академіи*“. Юбил. Сб. 492 и 494.

Къ стр. 250 стр. 29 св. Пр. Алексій (Лавровъ) 1889 г. 28 окт. пишетъ пр. Саввѣ: „33 года я принималъ личное участіе въ празднованіи 1 октября въ нашей академіи, пока покойный С. К-чъ не замѣнилъ меня пр. Мисаиломъ, еще мнѣ сущу въ Москвѣ, надѣясь тѣмъ пріобрѣсти благоволеніе и обманувшись въ томъ потомъ. Приснопамятное время, приснопамятная академія! Но какъ мало уже людей нашего или близкаго къ намъ времени! Все новое и иное, ни академіи, ни даже Москвѣ неизвѣстное, для котораго и м. Филаретъ, и А. В. Горскій, и Ѳ. А. Голубинскій, и П. С. Делицынъ—пустые звуки. Печально: но такъ, вѣроятно, должно въ наученіе и наказаніе насъ, слишкомъ нашею Москвою чванившихся и на наши Московскіе столпы надѣявшихся“. VIII. 662.

Къ стр. 250 прим. 2. О старшихъ ср. Юбил. Сб. 160—161.

Къ стр. 254 стр. 7 св. Къ характеристикѣ С. К—ча какъ домохозяина см. Саввы Автоб. IV. 473.

Къ стр. 256 стр. 4 св. Жизнь С. К—ча, можно сказать, текла полной и многоводной рѣкой. Терпкое подвижничество научное растворялось семейными радостями многочисленной и благоустроенной семьи и нерѣдкими удовольствіями радушнаго хозяина среди благорасположенныхъ къ нему и веселыхъ гостей.

Къ стр. 259 стр. 5 св. Н. П. Кирѣевская 15 янв. 1868 г. писала пр. Саввѣ: „Съ С. К. Смирновымъ я имѣла удовольствіе познакомиться, но времени для бесѣды было слишкомъ мало, о чемъ жалѣю, хотя успѣла видѣть въ немъ *человѣка истинно прямого, умнаго и добраго*. Желала бы очень продолжить съ нимъ знакомство; онъ мнѣ пришелся по духу; можетъ быть ему женское общество только не будетъ по вкусу?“ Автоб. IV. 5—6. Впечатлѣніе прямоты, честности и открытости С. К—чъ производилъ на всѣхъ его знавшихъ, начиная съ академическихъ инспекторовъ, когда онъ былъ студентомъ, и кончая воспитанниками 41-го курса академіи.

Профессоръ П. С. Казанскій.

Профессоръ Московской духовной академіи Петръ Симоновичъ Казанскій.

Имя П. Симоновича Казанскаго тѣсно связано съ исторіею Московской духовной академіи того времени, которое славно именами Ѳ. А. Голубинскаго, П. С. Делицына, А. В. Горскаго, В. Д. Кудрявцева и др. П. С—чъ былъ однимъ изъ типичныхъ хранителей преданій академіи, которыми она жила въ Филаретовскую эпоху. Вліяніе колоссальной личности митрополита Филарета на всю академическую жизнь было весьма сильно и простиралось не только на внѣшній, но и на внутренній строй академіи. Можно сказать, что личность Филарета была центромъ, около котораго вращалась академическая жизнь и сосредоточивалось вниманіе членовъ академической семьи. Вліяніе Филаретовской эпохи отразилось на характерѣ и направленіи дѣятельности П. С—ча, хотя и не такъ сильно и глубоко, какъ на дѣятельности болѣе близкаго къ Филарету А. В. Горскаго. Характернымъ свидѣтельствомъ сильнаго вліянія м. Филарета на П. С—ча, всегда чуткаго къ жизненнымъ вліяніямъ, служатъ записки его о великомъ святителѣ, писанныя задолго до его кончины. Въ своихъ запискахъ П. С—ъ отмѣчаетъ поразившую его двойственность въ дѣйствіяхъ, мысляхъ и чувствахъ Филарета: деспотизмъ могучаго ума, подавлявшій свободу мысли и дѣятельности въ подчиненныхъ, крайній консерватизмъ, противодѣйствовавшій преобразовательнымъ стремленіямъ времени, и въ то же время критицизмъ, соединенный съ широкимъ полетомъ свободной мысли. Послѣ кончины м. Филарета, когда разнообразныя впечатлѣнія отъ его дѣятельности ослабѣвали, складывался цѣлый образъ его, П. С—чъ далъ самую существенную черту въ его нравственномъ характерѣ, сообщавшую цѣльность его личности. Спустя десять лѣтъ послѣ кончины митрополита П. С—чъ пишетъ такую его характеристику: „Онъ былъ по преимуществу мужъ долга: чувству долга строго под-

чинялъ онъ и свои мнѣнія и свои чувствованія. Каковы бы не были его мысли и убѣжденія о какомъ либо дѣлѣ, онъ прежде всего имѣлъ въ виду законъ, или волю власти, имѣющей право приказывать. Онъ былъ потому строгій консерваторъ; не охотно рѣшался на нововведенія. Отъ подчиненныхъ ему начальниковъ онъ требовалъ, чтобы они сохраняли установленный порядокъ и возстановляли его, если онъ былъ нарушаемъ. Именно любовь къ порядку и дѣлала его консерваторомъ: въ своихъ убѣжденіяхъ, въ своихъ взглядахъ онъ не сочувствовалъ многому изъ того, что онъ охранялъ, но онъ опасался, что нововведенія, не давъ лучшаго порядка, разрушатъ только прежній. Вообще онъ не былъ упоренъ въ проведеніи въ дѣйствіе своихъ намѣреній, ибо упорство есть признакъ ограниченнаго ума. При своемъ обширномъ умѣ, обозрѣвая предметъ со всѣхъ сторонъ, онъ на практикѣ дѣлалъ уступки и такимъ мнѣніямъ, которыхъ въ теоріи онъ не раздѣлялъ, имѣя въ виду другія соображенія. Онъ часто уважалъ несогласныя съ своими мыслями мысли и желанія подчиненныхъ начальниковъ, если они настойчиво домогались исполненія ихъ. Но это доставалось не легко, а потому и не многіе рѣшались настойчиво отстаивать свои желанія предъ Филаретомъ, державшимъ подчиненныхъ ему въ отдаленіи отъ себя. Какъ нерѣдко встрѣчается въ особенныхъ натурахъ, въ Филаретѣ совмѣщались повидимому несомѣстимыя свойства. При глубокомъ критическомъ умѣ отъ дѣтства до могилы сохранилъ дѣтскую вѣру, при строгости и малодоступности къ подчиненнымъ, при величавости въ оффиціальныхъ отношеніяхъ онъ былъ простъ въ домашней жизни и искренно смиренъ въ мнѣніи о себѣ; при сухости и холодности внѣшняго обращенія, онъ имѣлъ любящее довѣрчивое сердце, тонкій политикъ въ дѣлахъ, онъ мало зналъ практическую жизнь и жилъ въ своего рода идеальномъ мірѣ“.

Митрополитъ Филаретъ, мужъ преимущественно долга, роднилъ съ собою и оказывалъ сильное вліяніе на тѣхъ своихъ современниковъ, въ нравственномъ характерѣ которыхъ преобладала эта черта. П. С—чъ былъ Филаретовскаго духа и въ своей служебной и частной жизни являлъ себя мужемъ долга. Вся жизнь его, начиная съ юныхъ лѣтъ, была непрерывнымъ служеніемъ нравственному чувству долга. Чувство долга, побуждавшее П. С—ча къ самоотверженному служенію Богу и ближнимъ, находило для себя твердую опору въ его глубокомъ и живомъ чувствѣ вѣры, которое предохраняло его отъ формализма, обычно убивающаго живую мысль и сердечное отношеніе къ людямъ. Чувство долга, чуждое формализма, соединенное съ подвижностію мысли

и способностію къ живому и сердечному отношенію къ людямъ составляло въ характерѣ П. С—ча ту черту, которая привлекала къ нему симпатіи. Онъ всегда требовалъ отъ студентовъ строгаго исполненія обязанностей, сильно вооружался противъ всякаго проявленія юношескаго либерализма, въ личныхъ сношеніяхъ съ ними не отличался привѣтливостію, но не смотря на это молодежь, цѣня въ немъ человѣка живаго и сердечнаго, искреннихъ религіозныхъ убѣжденій, относились къ нему всегда съ уваженіемъ. Сѣмена живой и глубокой вѣры посѣяны въ П. С—чѣ съ дѣтства его матерью Матреной Лукьяновной Лосевой. Получивъ отъ матери драгоцѣнный даръ вѣры, П. С—чѣ всегда хранилъ благоговѣйное уваженіе къ ней при ея жизни, и, послѣ кончины, ея загробнымъ молитвамъ приписывалъ благопріятное для него стеченіе обстоятельствъ въ своей жизни. Время школьнаго обученія было для П. С—ча временемъ неблагопріятнымъ для развитія и укрѣпленія чувства вѣры, насажденнаго въ его душѣ примѣромъ, наставленіями и молитвами матери. Въ своихъ запискахъ о семинарской жизни и въ составленномъ имъ проектѣ реформы семинарій онъ отнесся отрицательно къ тому воспитанію, какое давала духовная школа ¹⁾. „Если сохранились въ комъ-нибудь изъ насъ залогои добра, писалъ онъ, если вышелъ изъ воспитанниковъ нашей семинаріи какой-нибудь добрый священникъ, то единственно обязанъ онъ первоначальному воспитанію, молитвамъ родителей, дѣйствию благодати и урокамъ жизни, а не попеченію начальства“.

По словамъ П. С—ча жизнь въ семинарскомъ общежитіи, гдѣ немногіе нравственно испорченные ученики вносили заразу во нравы многихъ, могла научать болѣе дурному, чѣмъ хорошему. „Я былъ въ числѣ лучшихъ учениковъ, но сколько недобраго закралось въ юное сердце. О сколькомъ худомъ узналъ я! Съ четырнадцатаго до шестнадцатаго года я дѣлался хуже и хуже по душѣ“. Къ счастью для П. С—ча грубая семинарская среда, въ которой грубыя порочныя склонности цѣнились какъ школьная добродѣтель, подѣйствовала на него, какъ она дѣйствуетъ на юношей съ нѣжною душею, горячимъ и живымъ религіознымъ чувствомъ. Она оттолкнула его отъ окружающей дѣйствительности, сосредоточила на своемъ внутреннемъ мірѣ и развила склонность къ религіозному мистицизму. „Стремленіе къ чистотѣ

¹⁾ Въ 1859 г. П. С. подалъ особую записку кн. Урусову о реформѣ духовныхъ школъ, въ которой высказалъ мысли по этому существенному вопросу; замѣчательныя по широтѣ воззрѣній, основанныхъ на глубокомъ жизненномъ опытѣ.

помысловъ, желаніе проникнуться пламенною любовію къ Богу, сладость молитвы—вотъ мечты моей юности“. Чтеніе аскетическихъ твореній болѣе увлекало П. С—ча, чѣмъ изученіе науки. „Живо написанная религіозная книга мнѣ нравилась несравненно болѣе, чѣмъ ученая; простоять въ храмѣ во время богослуженія мнѣ было въ тысячу разъ пріятнѣе, нежели просидѣть въ классѣ, слушая занимательную лекцію“. Своимъ душевнымъ настроеніемъ П. С—чъ рѣзко выдѣлялся изъ круга своихъ товарищей. По словамъ одного изъ его товарищей, жившаго съ нимъ въ одной комнатѣ, онъ велъ себя отшельникомъ и товарищи думали, что онъ пойдетъ въ монахи.

Съ поступленіемъ въ академію не измѣнилась душевная настроенность П. С—ча. Въ студенческой средѣ, гдѣ внѣшнимъ проявленіямъ религіозности не придается цѣнности, гдѣ міръ новыхъ идей и влеченій вытѣсняетъ религіозныя переживанія дѣтства, П. С—чъ по прежнему продолжалъ жить въ своемъ внутреннемъ мірѣ, чуждый окружающей среды. „Я любилъ, пишетъ онъ, быть одинъ. Тогда мнѣ казалось, что міръ духовъ виталъ около меня и въ своей душѣ я слышалъ какъ будто ихъ внушенія. Въ лунную ночь любилъ я устремлять свой взоръ къ звѣздному небу. Тамъ, мнилось мнѣ, я ощущалъ небожителей; что то таинственное влекло меня къ этому звѣздному міру, какъ возжелѣнной отчизнѣ. Страненъ я былъ для своихъ товарищей. Дики и странны были для меня ихъ рѣчи. Я затыкалъ уши, клалъ въ ротъ камень, чтобы не слышать ихъ, не говорить съ ними. Всего слаще было для меня посѣщать древній храмъ съ его мрачными сводами. Тамъ, особенно когда мало было народу, любилъ я изливаться въ слезахъ предъ Господомъ. И тихо и мирно становилось на душѣ послѣ горячей молитвы. Внѣ круга своихъ товарищей и кромѣ семейства родныхъ я не былъ знакомъ ни съ кѣмъ. Я бѣгалъ всякаго новаго лица, съ которымъ гдѣ либо встрѣчался. Не читая романовъ, я не имѣлъ о жизни въ свѣтѣ никакого понятія“.

Обстоятельства жизни вывели П. С—ча изъ идеальнаго, созданнаго его религіознымъ настроеніемъ, міра и дали направленіе его глубокой вѣрѣ въ болѣе широкомъ и жизненномъ ея проявленіи. Молодому бакалавру академіи, только что окончившему курсъ, пришлось всецѣло взять на себя попеченіе о двухъ сиротѣвшихъ семействахъ—родной сестры и родного брата, и не только отказаться отъ радостей семейной жизни, но и отъ многихъ удобствъ жизни и усиленнымъ трудомъ пріобрѣтать средства для содержанія сиротъ. П. С—чъ принялъ на себя и несъ этотъ

подвигъ съ полною покорностію волѣ Божіей. Тяжелыя испытанія жизни, выпавшія на его долю съ молодыхъ лѣтъ, опредѣлили для него вѣру, какъ подчиненіе волѣ Божіей, устрояющей жизнь во благо человѣка. Такое пониманіе вѣры поддерживало и укрѣпляло его въ борьбѣ съ испытаніями жизни, съ постоянно постигавшими его болѣзнями и сообщало ему энергію, которая изумляла всѣхъ, знавшихъ какимъ слабымъ организмомъ надѣлила его природа.

Глубокое чувство вѣры, одушевлявшее П. С—ча, не только сообщило цѣльность его личному характеру, но и отразилось на характерѣ его научной дѣятельности. Какъ въ своихъ лекціяхъ, такъ и въ многочисленныхъ литературныхъ трудахъ, посвященныхъ преимущественно церковной исторіи и вопросамъ церковной общественной жизни, П. С—чъ всегда имѣлъ въ виду цѣли религіозно-назидательныя. Его ученые труды, пріобрѣтшіе ему извѣстность въ ученomъ мѣрѣ, имѣли видъ небольшихъ экскурсій въ область науки¹⁾. П. С—чъ не былъ склоненъ заниматься наукою для науки. Отвлеченный книжный мѣр, отчуждающій отъ жизненныхъ явленій и погружающій мысль въ неподвижность, не соотвѣтствовалъ характеру П. С—ча, живому и впечатлительному къ явленіямъ окружающей дѣйствительности. Замѣчательнымъ памятникомъ чуткости П. С—ча къ разнообразнымъ впечатлѣніямъ окружающей жизни осталась переписка его съ роднымъ братомъ Преосвященнымъ Платономъ, архіепископомъ Костромскимъ²⁾. Въ этихъ письмахъ онъ обнаружилъ талантъ историка-лѣтописца, который съ особенною тщательностію отмѣчалъ всѣ замѣчательныя событія своего времени. Представляя богатый матеріалъ для исторіи времени, письма П. С—ча характеризуютъ ярко и личность профессора дореформенной академіи.

П. С—чу пришлось закончить свою служебную дѣятельность въ академіи въ переходную эпоху ея жизни—на рубежѣ двухъ академій старой и реформированной по уставу 1870 г. Съ введеніемъ новой реформы въ личной жизни П. С—ча произошли крупныя перемѣны, которыя для него явились совершенно неожиданными, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ жизни академіи обнаружались явленія, возможность которыхъ не могли предполагать члены академической корпораціи, сжившіеся съ обычнымъ теченіемъ академической жизни. Прежде всего П. С—чу пришлось оставить свою удобную квартиру въ академическомъ корпусѣ, въ которой

¹⁾ О научныхъ трудахъ П. С—ча см. въ статьѣ Е. Е. Голубинскаго. Прав. Обозр. 1878 г. Мартъ.

²⁾ Переписка эта печатается въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“.

онъ прожилъ съ поступленія на службу и сроднился и тѣлесно и душевно. Это было тяжелымъ для него испытаніемъ, но въ этомъ испытаніи, какъ и въ другихъ тяжелыхъ для него испытаніяхъ, онъ нашель для себя утѣшеніе въ покорности волѣ Божьей. „О квартирѣ какъ то нѣтъ и заботы“, писалъ онъ брату своему въ Мартѣ 1871 г. „Есть упованіе на Бога, который неожиданно устроилъ меня въ академіи тогда, когда въ ней не было мѣста; устроить и впредь ими же вѣсть судьбами. Кто изъ насъ пекийся можетъ приложить возрасту своему локоть единъ. Благо есть уповати паче на Бога, нежели на сыны человѣческія. О. намѣстникъ обѣщаль мнѣ № и 29 далъ благословеніе переселиться, 31 прихожу, чтобы переговорить съ монахомъ завѣдующимъ гостиницею и получилъ рѣшительный отказъ; вмѣсто прежнихъ №№ предложены иные много худшіе. Но я поставленъ въ такое положеніе, что долженъ переселяться непременно, ибо и здѣсь побуждаютъ очистить квартиру. Буди воля Божія!“

Въ 1872 г. П. С—чу пришлось вынести испытаніе болѣе тяжелое, чѣмъ перемѣна квартиры. Прослуживъ въ академіи 30 лѣтъ П. С—чъ долженъ былъ оставить свою трудовую службу неожиданнымъ и прискорбнымъ образомъ не для него только, но и для всѣхъ тѣхъ, которые признавали его, какъ профессора и человѣка, достойнымъ всякаго уваженія и чести. 27 Сентября 1872 г. исполнилось 30-ти лѣтіе его профессорской службы и онъ не былъ избранъ Совѣтомъ академіи на послѣднее пятилѣтіе (при выборахъ получилъ 5 избирательныхъ и 5 неизбирательныхъ голосовъ) Неожиданный и тяжелый ударъ, поразившій П. С—ча, былъ перенесенъ имъ съ такимъ высокимъ христіанскимъ чувствомъ покорности волѣ Божьей и смиреніемъ, которое возвысило его надъ недоброжелателями ¹⁾).

Такъ какъ при закрытой баллотировкѣ голоса за и противъ извѣстны только предположительно и мотивы, по которымъ половина членовъ Совѣта не избрала П. С—ча на пятилѣтіе, остаются сокрытыми, то указать причину, по которой былъ забаллотированъ

¹⁾ „Сейчасъ была баллотировка, писалъ онъ своему брату, и я экс-профессоръ, пять голосовъ за избраніе, пять отрицательныхъ. Слѣдовательно выборъ не состоялся. Послѣ объявленія результата я молча поклонился, оставилъ собраніе и зашелъ поблагодарить Преподобнаго Сергія за то, что устроилъ по волѣ Божьей, а не по моей. Признаюсь съ спокойнымъ духомъ выслушалъ я этотъ результатъ избранія. Такъ по волѣ Божьей заканчиваю я свою трудовую ученую дѣятельность. О если бы Господь не лишилъ малой хотя награды на Своемъ судѣ. Не устояли мои дѣла на судѣ человѣческомъ, устоятъ ли на судѣ Божіемъ? Или Господь призываетъ меня отъ суеты ученой обратиться къ единому на потребу. Буду внимать глаголу Божію и Его призванію“.

почтенный ученый, который въ средѣ большинства русскихъ ученыхъ былъ цѣнимъ по достоинству и пользовался неподдѣльнымъ уваженіемъ, весьма трудно. Но обстоятельства этого печальнаго въ исторіи академіи дѣла засвидѣтельствовали, что члены Совѣта, подавшіе голоса противъ П. С—ча поступили необдуманно и поставили себя въ положеніе затруднительное. Профессору, признанному неспособнымъ продолжать академическую службу, Совѣтъ единогласно поручаетъ не только чтеніе лекцій до выбора преемника, но и руководство цѣлымъ отдѣленіемъ въ должности помощника ректора на томъ основаніи, что самый срокъ, на который былъ избранъ П. С—чъ на должность помощника ректора, еще не истекъ. Пять членовъ Совѣта не усчитали того обстоятельства, что неизбраніемъ П. С—ча нанесенъ былъ тяжелый ударъ славѣ и украшенію академіи—ректору А. В. Горскому. Забаллотировка П. С—ча, произведшая раздѣленіе въ академической семьѣ и большинствомъ ея членовъ принятая съ крайнимъ прискорбіемъ, встрѣчена была съ чувствомъ негодованія многими видными свѣтскими и духовными лицами, уважавшими П. С—ча какъ профессора и человѣка, и вызвала нареканія на всю академію. Неизбраніе П. С—ча поставило неизбирателей въ крайне затруднительное положеніе и относительно его докторской диссертациі, которую онъ представилъ въ мартѣ 1872 г., чтобы имѣть возможность прослужить въ академіи еще пять лѣтъ. Послѣ забаллотировки полученіе докторской степени для П. С—ча не имѣло значенія исполненія обязанности требуемой уставомъ, но онъ пожелалъ, чтобы дѣло съ диссертацией было доведено до конца. Для лицъ забаллотировавшихъ его наступило положеніе неудобное: дать докторство забаллотированному профессору—значитъ встать въ полное противорѣчіе съ собою. Рецензентъ, которому поручено было недоброжелателями П. С—ча провалить его диссертацию призналъ ее незаслуживающею степени доктора и его отзывъ подписали трое членовъ историческаго отдѣленія, а двое не подписали. Въ академіи началась борьба ученыхъ мнѣній, обрисовавшая и степень учености и нравственный характеръ академической корпораціи ¹⁾. Борьба эта была рѣшена мнѣніями, поданными въ Совѣтъ академіи, ректора А. В. Горскаго и доцента В. О. Ключевскаго. Въ мнѣніяхъ, представленныхъ знаменитыми учеными, которые были и остаются славою не только

¹⁾ Свѣдѣнія объ этомъ можно найти въ книгѣ П. И. Горскаго: „Голосъ стараго профессора“, а также и въ изданной мною книгѣ: Профессоръ П. С. Казанскій и его переписка съ архіепископомъ Платономъ. Выпускъ 1.

академіи, но и всей Россіи, истинная наука сказала свое авторитетное мнѣніе о сочиненіи П. С—ча. Сущность обширнаго мнѣнія Александра Васильевича выражена была въ слѣдующемъ его заключеніи „Достоинство труда: обиліе собранныхъ изъ разныхъ источниковъ свѣдѣній о жизни иноковъ Египетскихъ; самостоятельна разработка предмета, тщательное изысканіе такихъ памятниковъ, въ которыхъ бы слышалось собственное слово подвижниковъ; достойное духовнаго изслѣдованія благоговѣйное отношеніе къ изумительнымъ подвигамъ пустынножителей; особенно удовлетворительная обработка исторіи общежитія Таввенскаго и Скита, также жизни и ученія пр. Макарія и ученыхъ трудовъ Исидора Пелусіота; вообще ясное и правильное распределеніе дошедшихъ до насъ сказаній по мѣстамъ жительства подвижниковъ, географическое опредѣленіе самыхъ этихъ мѣстностей, археологическія объясненія нравовъ жизни, обрядовъ первыхъ монастырей Восточныхъ и во всемъ отчетливость, дающая себя повѣрять по указаніямъ первоначальныхъ источниковъ. Ратуя за науку, какъ бы намъ самимъ не оказаться провинившимся противъ науки, я полагаю, что представленная профессоромъ Казанскимъ диссертация имѣетъ право быть допущенною къ публичному защищенію на степень докторскую, какъ трудъ капитальный, не эфемерный, добросовѣстно обработанный и обогащающій нашу церковную литературу важнымъ пріобрѣтеніемъ.

В. О. Ключевскій въ своемъ мнѣніи писалъ: „Я приглашенъ высказаться собственно о томъ, согласенъ ли я, или нѣтъ съ заключеніемъ отзыва о диссертации, представленной профессоромъ Казанскимъ. Разсмотрѣвъ внимательно диссертацию и отзывъ я пришелъ къ отрицательному отвѣту на предложенный мнѣ вопросъ. Дать такой отвѣтъ побудилъ меня главнымъ образомъ тотъ же отзывъ. По отдаленности предмета диссертации отъ круга моихъ спеціальныхъ занятій, незнакомый съ источниками, которыми пользовался авторъ диссертации, я не могъ критически провѣрить всѣ изложенныя въ ней разысканія и выводы. Могу только признаться, что многія страницы книги, особенно въ позднѣйшихъ приложеніяхъ къ ней я прочиталъ съ удовольствіемъ. *Отзывъ* служилъ для меня критическимъ авторитетомъ при оцѣнкѣ книги. Въ первой половинѣ его разсматриваются достоинства диссертации. Трудъ проф. Казанскаго названъ здѣсь „почтеннымъ памятникомъ трудолюбія, вниманія и любви автора къ предмету. Изслѣдованія автора о *Historia monachorum* и Лавзакъ по тщательности критики отзывъ причисляетъ къ лучшимъ мѣстамъ диссертации. Далѣе многое въ источникахъ, изслѣдуемыхъ въ

диссертации, по мнѣнію отзыва, получило новый свѣтъ, точнѣе опредѣлилось въ своемъ характерѣ благодаря ревности автора къ изучаемому предмету. Даже исторіи монашества, сравнительно слабой части въ составѣ диссертации, по мнѣнію отзыва, нельзя отказать въ достодожной учености. Характеристика монашества въ заключительной части сочиненія, говоритъ отзывъ, по своимъ научнымъ достоинствамъ и по богатству матеріаловъ, бывшихъ въ распоряженіи автора, можетъ удовлетворить даже притязательнымъ желаніямъ. Основнымъ качествомъ взглядовъ автора на исторію монашества въ той же части отзыва признаетъ то, что они не скользятъ по поверхности предмета, входятъ въ разсмотрѣніе дѣйствительной сущности вещей и приводятъ къ результатамъ важнымъ, серьезнымъ, исполненнымъ значенія“.

„И авторитетъ отзыва и мое собственное знакомство съ диссертацией побуждаютъ меня признать вполнѣ указанная научная качества книги. Еще менѣе имѣю основаній не довѣрять отзыву во второй его половинѣ, гдѣ онъ разбираетъ недостатки книги. Судя по нѣкоторымъ замѣчаніямъ отзыва, онъ располагаетъ судить слишкомъ строго, чѣмъ снисходительно. Такъ онъ упрекаетъ автора въ неточности заглавія книги, въ томъ, что въ ней есть статьи лишнія, которыя не могутъ заключаться подъ этимъ заглавіемъ, упрекаетъ въ слишкомъ длинныхъ разсужденіяхъ о монашествѣ вообще, упрекаетъ за то, что вмѣсто живыхъ личностей авторъ даетъ блѣдныя тѣни и т. д. Значитъ отзывъ требуетъ отъ изслѣдователя не только научныхъ, но и нѣкоторыхъ художественныхъ достоинствъ, извѣстной архитектуры въ ученомъ сочиненіи и историко-художественной изобразительности.

„Во второй своей части отзывъ, повидимому, готовъ упрекать автора за то, что заслужило нѣкотораго одобренія въ первой. Такъ на предпоследней страницѣ отзыва читаемъ: „авторъ оставивъ свое вниманіе въ трактатѣ „объ источникахъ“, на причинахъ ослабленія силы монашества, находитъ причину явленія въ слѣдующемъ... Слѣдуетъ выписка, но, очевидно, по случайному недосмотру,—не изъ трактата объ источникахъ, а изъ общаго очерка жизни иноковъ Египетскихъ (стр. 98). Разсмотрѣвъ объясненіе предложенное авторомъ, отзывъ нашелъ его не историческимъ, а фантастическимъ. Однакоже въ первой части разсматривая этотъ же общій очеркъ, въ числѣ изложенныхъ здѣсь взглядовъ, не скользящихъ по поверхности предмета и приводящихъ къ результатамъ важнымъ, серьезнымъ, исполненнымъ значенія, отзывъ помѣстилъ и взглядъ на причину упадка монашества Египетскаго“.

„Все это заставляет меня вполне полагаться на отзыв во второй его части и думать, что если указаны такіе недостатки книги, то не опущенъ ни одинъ изъ болѣе важнѣйшихъ. Важнѣйшіе недостатки, указываемые отзывомъ, заключаются въ нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ между старыми частями книги и позднѣе изданными изслѣдованіями, входящими въ ея составъ: въ послѣднихъ авторъ отвергаетъ или подвергаетъ сомнѣнію, къ чему онъ относился съ довѣріемъ въ первыхъ. Таковы его разсужденія о Руфинѣ, о Палладіи, о Кассіанѣ, о происхожденіи монашества и т. п. Многія мѣста изъ общаго очерка, указываемыя отзывомъ собственно и не противорѣчатъ прежде изданной исторіи монашества, а повторяютъ, дополняютъ, или развиваютъ то, что было въ ней сказано“.

„Можно возбудить вопросъ о удобствѣ соединенія въ одной диссертациі разновременныхъ и во многомъ несогласныхъ между собою изслѣдованій автора. Можно спросить почему послѣдній не передѣлалъ своего прежняго труда, согласно съ новыми своими изслѣдованіями и предпочелъ представить его на судъ Академіи рядомъ съ послѣдними въ нетронутомъ видѣ. Но эти вопросы, повидимому, не входятъ въ ближайшую, чисто научную задачу отзыва. Если книга принята въ такомъ составѣ и если выводы позднѣйшихъ частей ея основательны, то указанные противорѣчія не лишаютъ ея всякой научной цѣны; иначе надобно было бы отнять у ученаго не только возможность ошибаться, но и право потомъ исправлять свои ошибки“.

„Точно также я согласенъ съ указаніями отзыва и на другіе недостатки диссертациі, особенно на тѣ односторонности и неточности, какія выставлены въ концѣ его, если только они не преувеличены. Но между ними я не нашелъ такихъ, которыми уничтожались бы достоинства столь высоко оцѣненныя отзывомъ въ первой его части. Вотъ почему, если въ диссертациі, не будутъ указаны специалистами другіе, болѣе тяжкіе недостатки, я не могу согласиться съ окончательнымъ приговоромъ отзыва, что сочиненіе профессора Казанскаго со стороны достоинства есть трудъ почтенный, могущій занять не послѣднее мѣсто въ ученой церковно-исторической литературѣ, со стороны недостатковъ не можетъ быть признано соответствующимъ той цѣли, для которой оно представлено въ совѣтъ Академіи, потому что недостатки эти несовмѣстимы съ понятіемъ о докторской диссертациі. Всякій „почтенный“ трудъ, характеризованный чертами, какими отзывъ опредѣлилъ выше цѣну труда Казанскаго соответствуетъ понятію о докторской диссертациі и не вполне ясно, какъ одна и та же

книга по достоинствамъ можетъ соотвѣтствовать этому понятію а по недостаткамъ не можетъ. Говоря проще вопросъ очевидно въ сравнительной степени достоинствъ и недостатковъ и отзывъ убѣдилъ меня, что въ книгѣ Казанскаго первые не уничтожаются послѣдними“.

Приобрѣтшее печальную извѣстность дѣло о докторствѣ П. С-ча закончилось диспутомъ 2 Октября 1873 года. Диспутантъ съ честію выдержалъ испытаніе и академическая молодежь привѣтствовала его шумными оваціями. Молодежь разошлась съ профессорами въ оцѣнкѣ служебной дѣятельности П. С—ча. Въ профессорѣ молодежь цѣнитъ не столько его книжную ученость, сколько человѣка. Знаменитаго ученаго ректора академіи А. В. Горскаго молодежь цѣнила какъ папашу. Въ П. С—чѣ молодежь глубоко уважала его нравственный характеръ. „Припоминая нѣкоторыя отличительныя черты твоего нравственнаго характера, говорилъ при гробѣ П. С—ча¹⁾ одинъ изъ его многочисленныхъ учениковъ доцентъ академіи В. А. Соколовъ, я вижу въ тебѣ, почившій, человѣка, не безъ права носившаго въ себѣ святое имя христіанина. Кто изъ людей, близко знавшихъ тебя не скажетъ, что любовь къ правдѣ всегда была одною изъ выдающихся чертъ твоей нравственной личности? При всѣхъ жизненныхъ столкновеніяхъ ты всегда поставлялъ себѣ задачею стоять за правду. Ради нея не щадилъ ты своихъ личныхъ выгодъ, готовъ былъ отказаться и отъ своихъ сердечныхъ симпатій. Ради этой то именно правды твой нравственный характеръ получилъ нѣкоторый отпечатокъ суровости, потому что правда всегда сурова при столкновеніи съ тѣми явленіями, которыя ей не соотвѣтствуютъ. Конечно какъ человѣкъ, ты могъ иногда и ошибиться, но при этихъ невольныхъ ошибкахъ только правда была всегда твоею цѣлію“.

Молодежь, всегда придающая очень малое и условное значеніе всѣмъ внѣшнимъ проявленіямъ благочестія, съ уваженіемъ относилась къ благочестію П. С—ча потому, что оно было у него всегда искреннее и соединялось съ широкимъ пониманіемъ духа и сущности христіанства²⁾. Молодежь цѣнила въ П. С—чѣ независимость его убѣжденій, которыя у него соединялись съ полною покорностію волѣ Божіей и христіанскимъ чувствомъ смиренія, желающаго имѣть миръ со всѣми. При внѣшней суровости и

¹⁾ Скончался 14 Февраля 1878 г.

²⁾ Въ одномъ изъ писемъ къ своему брату П. С—чѣ признавалъ *искаженіемъ* христіанства находить въ немъ указанія на тѣ или другія формы жизни. Оттого христіанство и преобразовало міръ, что не стѣсняло оно, подобно корану, внѣшней дѣятельности человѣка.

болѣзненной раздражительности П. С—ча эта черта его характера не всѣми замѣчалась, но она была одною изъ отличительныхъ чертъ его характера. Въ одномъ изъ писемъ къ своему искреннему другу А. Н. Бахметевой П. С—чъ писалъ: „Тяжело мнѣ было оставлять свои комнаты въ академіи. Но теперь усматриваю въ семъ особую милость Божію. Изгнаніе изъ стѣнъ лавры заставило меня подумать о своемъ углѣ. Имѣя одну тысячу рублей я приступилъ къ покупкѣ дома и поневолѣ долженъ былъ сжимать себя, чтобы болѣе сберечь средствъ для дома. Живя въ академіи по обычаю я не берегъ бы деньги. И что было бы со мною теперь, когда долженъ оставить службу при академіи? А теперь имѣю хорошее помѣщеніе. Благодареніе за все Господу. Много теперь доходитъ до меня выраженій удивленія и негодованія за то, что такъ поступили со мною нѣкоторые изъ товарищей. Но вѣрю милости Божіей, что и сіе послужитъ къ моему благу. Одна мнѣ грустная мысль, что въ недоброжелателяхъ моихъ обнаруживается какая то упорная ненависть ко мнѣ. Чѣмъ я возбудилъ ее, не знаю. Многимъ изъ нихъ я оказалъ значительную услугу и никому не дѣлалъ и не желалъ зла. Правда, я былъ независимъ въ своихъ мысляхъ, прямо высказывалъ, что признавалъ справедливымъ, не льстилъ и не угождалъ никому въ ущербъ своихъ убѣжденій. Но Отче Небесный! остави намъ долги наши, какъ мы оставляемъ должникомъ нашимъ“. Въ этомъ письмѣ правдивый профессоръ далъ правдивую и яркую свою характеристику.

А. А. Бѣляевъ.

Профессоръ Е. Е. Голубинскій.

Евгеній Евсигнѣевичъ Голубинскій.

„Предоставляя желающимъ и произволяющимъ быть сторонниками исторіи тупой или лгущей, я съ своей стороны есмь горячій почитатель исторіи настоящей“.

Голубинскій.

Е. Е. Голубинскій родился 28-го февраля 1834 г. въ селѣ Матвѣевѣ Кологривскаго уѣзда Костромской губерніи въ семьѣ священника Евсигнѣя Ѳедоровича Пескова. Фамилію „Голубинскій“ онъ получилъ отъ отца при опредѣленіи въ училище въ честь земляка своего Ѳ. А. Голубинскаго, а можетъ быть, брата его Евгенія, школьнаго товарища о. Евсигнѣя. Дѣтство Голубинскаго не было счастливо: 8-ми лѣтъ онъ лишился матери и остался на попеченіи кухарки „бабушки Аксины“ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ и сестрой. Отецъ мало заботился о воспитаніи дѣтей, и Голубинскій былъ почти предоставленъ самому себѣ. Смерть матери сильно повліяла на мальчика: изъ рѣзваго онъ сдѣлался замкнутымъ и нелюдимымъ, началъ чуждаться сверстниковъ и игръ; сталъ глядѣть изъ-подлобья, за что въ училищѣ ему дали прозвище „медвѣдь“. Нелюдимость и замкнутость сдѣлались чертою его характера: Голубинскій всегда долго привыкалъ къ людямъ и тяготился новыми людьми. Кологривскій уѣздъ до послѣдняго времени былъ медвѣжьимъ угломъ, и дѣтство будущаго историка протекло въ некультурной средѣ, на лонѣ природы. А матвѣевское духовенство не было культурнѣе, чѣмъ народъ. Голубинскій живо вспоминалъ и передавалъ съ большимъ юморомъ о безмѣрномъ пьянствѣ, о томъ, какъ куралесили священники, о баталіяхъ, происходившихъ между членами матвѣевскаго причта, среди котораго о. Евсигнѣй не являлся исключеніемъ. Но духовенство с. Матвѣева жило безбѣдно, даже зажиточно и не было особенно принижено: повытчика духовнаго правленія, взяточника и ханжу, однажды оно подвергло дружному осмѣянію и издѣвательству.

При такихъ условіяхъ въ связи, конечно, съ соотвѣтствующими природными задатками, воспитался крѣпкій характеръ Голубинскаго: простота и прямота его, свобода отъ свѣтскихъ условностей, которыя дѣлаютъ людей такъ похожими другъ на друга, наконецъ, независимость. Онъ познакомился въ дѣтствѣ съ отрицательными сторонами духовнаго быта и на всю жизнь вынесъ отвращеніе къ пьянству.

Девяти лѣтъ (великимъ постомъ 1843 г.) Голубинскаго отвезли въ духовное училище. Съ тяжелымъ чувствомъ вспоминалъ онъ Солигаличскую бурсу, ужасы и дикость ея педагогій. Особенной жестокостью отличался смотритель, къ тому же страшный взяточникъ. Онъ положительно истязалъ учениковъ,—давалъ по 100, по 200 лозъ. Нѣсколько снисходительнѣе были учителя. „Сѣченіе было такъ обычно и часто, что мы не чувствовали нисколько его унизительности, вспоминаетъ Голубинскій. Единственно, съ чѣмъ мы считались, это боль. Сѣченія боялись, и мы спали спокойно только одну ночь въ недѣлю—ночь подъ воскресенье“. Голубинскій учился очень хорошо и не шалилъ; одинъ учитель предсказалъ, что онъ будетъ „большой человѣкъ“. Но будущаго большого человѣка все-таки высѣкли четыре раза... Учебныхъ пособій почти не существовало, и на классъ географіи вмѣсто глобуса приносилась картошка.

Костромская семинарія, въ которую перешелъ изъ училища Голубинскій, была сравнительно въ лучшемъ состояніи: старая бурса отходила въ область преданія; сѣченія уже не было; семинарію переодѣли изъ тулуповъ въ шинели.

Въ 1854 г. изъ семинаріи на казенный счетъ послали его въ Московскую духовную академію. Здѣсь Голубинскій обнаружилъ прежде всего необычайное трудолюбіе и настойчивость. Изъ семинаріи онъ пріѣхалъ съ нѣкоторымъ знаніемъ французскаго языка и совершенно не зная по-нѣмецки. Но увидавъ, что безъ языковъ нельзя учиться въ академіи, а нѣмецкій языкъ прямо необходимъ, онъ засѣлъ за изученіе обоихъ языковъ и къ святкамъ перваго же года своимъ „невставаннымъ сидѣніемъ“ достигъ того, что довольно свободно началъ читать и по-нѣмецки и по-французски. Отъ постановки академическаго преподаванія Голубинскій не былъ въ восторгѣ. „Изученіе наукъ въ академіи, говоритъ онъ, было чрезвычайно поверхностное или ничтожное“. Лекцій почти не слушали, на экзаменахъ отвѣчали по подмѣченнымъ билетамъ. Очень усердно занимались только писаніемъ сочиненій. И по этимъ академическимъ сочиненіямъ опредѣлились впервые основныя дарованія Голубинскаго. Философія ему не давалась.

Сочиненія по этой наукѣ, по отзывамъ трехъ преподавателей, были не блестящи. И самъ Е. Е. вспоминаетъ, что онъ „представлялъ изъ себя философа, у котораго умъ заходитъ за разумъ и темнота въ головѣ“. Гораздо удачнѣе оказались его работы по словесности, расколу, исторіи. Преподаватели отмѣчали въ студентѣ Голубинскомъ „замѣчательную способность мыслить и писать“, „свѣжесть мысли, зрѣлость сужденій и сжатость языка“, „языкъ живой“, даже „излишнюю живость изложенія“.

Въ годъ поступленія Е. Е. Голубинскаго въ академію померъ философъ Ѳ. А. Голубинскій, этотъ представитель старой умозрительной академіи, и первое мѣсто среди академической братіи по своему научному и моральному вліянію занялъ знаменитый историкъ церкви А. В. Горскій. Онъ былъ землякъ Голубинскаго—костромичъ, и это сближало ихъ. Уѣзжая въ Кострому къ родителямъ на Рождество и вакаціи, Горскій оставлялъ земляка домовничать въ своей квартирѣ. Въ эти домовниченья Голубинскій обычно выкуривалъ весь табакъ Горскаго „до волоти“, рылся въ его библіотекѣ и читалъ книги, которыя не выдавались тогда студентамъ, между прочимъ во французскихъ переводахъ *Гиббона* Исторію упадка и разрушенія Византійской имперіи и *Проконія Кессарійскаго* Тайную исторію Юстиніана и Θεодоры. Курсовое сочиненіе Голубинскій пишетъ А. В. Горскому. Тема „Объ образѣ дѣйствованія православныхъ государей греко-римскихъ въ IV, V и VI вв. въ пользу церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ“ дана была изъ Синода,—тогда интересовались вопросами о мѣрахъ противъ раскола. Горскій далъ эту тему Голубинскому, и хотя она была ему „противна по самому содержанию своему“, однако пришлось писать, потому что отказываться отъ задаваемыхъ темъ въ то время не полагалось. Лучшія сочиненія представлялись тогда митрополиту Филарету въ видѣ исправленномъ, а нерѣдко заново передѣланномъ профессоромъ. И Горскому самому пришлось много исправить работу Голубинскаго по вкусу Филарета, „и вездѣ, гдѣ встрѣчается полицейское краснорѣчіе о благодѣтельности мѣръ противъ еретиковъ и раскольниковъ, оно принадлежитъ Горскому“. Краснорѣчивое вступленіе принадлежитъ, напримѣръ, его перу. Въ 1859 г. Голубинскій получилъ за это сочиненіе степень магистра богословія, и по требованію изъ Синода, къ неудовольствію автора, оно было напечатано въ *Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ* 1859 г. (кн. 18).

Послѣ недолгой службы въ Виѳанской семинаріи (преподавателемъ реторики и нѣмецкаго языка) 12-го января 1861 г. Голубинскій былъ назначенъ бакалавромъ Московской академіи по

каѳедрѣ исторіи русской церкви, гдѣ прослужилъ почти 35 лѣтъ (до 26-го іюля 1895 г.). Этому назначенію содѣйствовалъ, вѣроятно, А. В. Горскій.

Здѣсь слѣдуетъ сказать о вліяніи Горскаго на своего ученика. Голубинскій очень высоко цѣнилъ своего учителя: ему по справедливости отводилъ онъ первое мѣсто въ академіи, соревновалъ ему въ научномъ трудѣ. „Утомишься бывало, говоритъ Голубинскій, надъ составленіемъ лекцій, выйдешь въ садъ прогуляться; смотришь иногда: въ бакалаврскомъ корпусѣ всѣ огни потушены, только у А. В. Горскаго свѣтится огонекъ, такъ что огонекъ этотъ одушевлялъ бывало“. Но Голубинскій энергично отрицалъ вліяніе на себя со стороны своего учителя: указывалъ на то, что плохо слушалъ лекціи знаменитаго профессора, что въ разработкѣ своего предмета пошелъ дальше, чѣмъ хотѣлось это Горскому, даже пугалъ его „слишкомъ рѣзкими отзывами и рѣшительными выводами“. „Мы съ А. В.—чемъ, говоритъ Голубинскій, были два человѣка разныхъ направленій: онъ былъ консерваторъ, девизомъ которому служилъ девизъ митрополита Филарета: „благоразуміе и осторожность“. Я, напротивъ, былъ либераломъ, который все подвергалъ строгой критикѣ—принималъ только то, что выдерживало критику, и отвергалъ то, что ея не выдерживало, безъ всякихъ разсужденій о томъ, благоразумно это или нѣтъ“. Поэтому Голубинскій избѣгалъ ученыхъ бесѣдъ съ своимъ наставникомъ, таилъ отъ него свои воззрѣнія и тѣмъ огорчалъ чувствительнаго А. В.—ча. Но интересно, что другіе со стороны считали Голубинскаго естественнымъ продолжителемъ научнаго направленія Горскаго. Вотъ характерный случай. Первый томъ своей Исторіи Голубинскій хотѣлъ посвятить Горскому, такъ какъ „его самоотверженная преданность наукѣ и его безъ всякой реторики, а по самой истинѣ неусыпное трудолюбіе воодушевляли... и вызывали... на подражаніе и соревнованіе“. Но далѣе историкъ оговаривается, что, будучи ученикомъ А. В. Горскаго, онъ не былъ „продолжателемъ его идей, взглядовъ и мнѣній и вообще направленія“. Однако это посвященіе очень не понравилось Викторову, также ученику Горскаго: онъ сильно обидѣлся за Горскаго, отъ котораго Голубинскій будто бы отрекался, осыпалъ его жестокой бранью, и посвященіе это не увидало свѣта. И мнѣ кажется, Голубинскій не совсѣмъ правъ, отрицая вліяніе Горскаго. Горскій создалъ въ академіи извѣстную научную атмосферу: на первое мѣсто въ ряду богословскихъ наукъ онъ поставилъ исторію церкви, въ изученіе которой подъ вліяніемъ нѣмецкихъ ученыхъ ввелъ критическій методъ. Эта атмосфера, несомнѣнно,

вліяла безсознательно даже на людей, стоявших дальше отъ А. В. Горскаго, чѣмъ Голубинскій, писавшій ему курсовое сочиненіе. Голубинскій пошелъ дальше въ своихъ выводахъ и сужденіяхъ,—это вѣрно. Но дальше пошелъ онъ именно по той дорогѣ, на которую вывела его прямо или косвенно рука Горскаго, ведшаго за собой всю академію. Было нѣкоторое отличіе въ направленіяхъ того и другого, но не настолько рѣзкое, и обусловленное тѣмъ, что они являлись людьми разныхъ поколѣній: Голубинскій принадлежалъ къ болѣе молодому поколѣнію, менѣе испытанному тяжелой руку митрополита Филарета. Онъ тайлъ свои взгляды, не сообщалъ Горскому о своихъ работахъ. Но замѣчательно: когда онъ издалъ свой Краткій очеркъ исторіи славянскихъ церквей, то его безъ всякихъ оговорокъ привѣтствовалъ А. В. Горскій—лучшее доказательство въ пользу того, что Голубинскій былъ продолжателемъ дѣла своего учителя. Голубинскій говаривалъ: „Если бы послать Филарету на тотъ свѣтъ мою „Исторію русской церкви“, то онъ пришелъ бы въ истинную ярость, а А. В. Горскій непременно бы расплакался“. Но кто знаетъ? Можетъ быть, Горскій, если бы только дожилъ, отнесся бы къ Исторіи Голубинскаго съ тѣмъ же одобреніемъ, какъ и къ Краткому очерку.

Исторія русской церкви не принадлежитъ къ числу разработанныхъ наукъ, особенно если взять 60-е годы, въ которые началъ свою академическую службу Голубинскій. Самое содержаніе науки не было выяснено, не удовлетворяло его. Поэтому съ самаго начала онъ сталъ обрабатывать Исторію русской церкви по своему, свободно-критически, не взирая на то, что условія, въ которыхъ жила тогда академія, не благопріятствовали такому направленію въ разработкѣ церковной исторіи. Самостоятельная переработка науки, мало развитой, требовала отъ Голубинскаго большого напряженія силъ, въ полномъ смыслѣ подвига, затвора въ учебномъ кабинетѣ и неисходнаго жительствова. Довольно сказать, что въ продолженіе академической службы онъ былъ всего три раза въ званныхъ гостяхъ и еще два раза на благословеніи и на свадьбѣ племянника. Особенно было трудно сначала. „Я работалъ, вспоминаетъ Голубинскій, надъ составленіемъ недѣльной лекціи напролетъ всю недѣлю, не переводя духа и не покладая рукъ и, можно сказать, денно-нощно, такъ какъ въ значительной степени не досыпалъ ночей. Вообще это срочное изготовленіе лекцій для чтенія въ продолженіе двухъ лѣтъ было для меня трудомъ чрезвычайно тяжелымъ и утомило и истомило меня до крайности“. И несмотря на то, что Голубинскій былъ всегда оригина-

лень и самобытенъ, что его лекціи представляли новое слово, онъ никогда не былъ популярнымъ профессоромъ: его аудиторію не переполняли и даже не наполняли студенты. Голубинскій не владѣлъ талантомъ оратора, не говорилъ лекціи, а читалъ по тетрадкѣ, и читалъ не очень искусно. А сверхъ того, и это по моему главное, онъ не отличалъ въ своемъ лицѣ ученаго отъ профессора и аудиторіи отъ читающей его изслѣдованія публики. Онъ читалъ ей ту же критику матеріаловъ, предъ ея глазами производилъ тѣ же разрушительныя операціи надъ свидѣтельствами нашей древности и надъ установившимися въ наукѣ взглядами. Онъ не давалъ въ собственномъ смыслѣ курса, не дѣлалъ широкихъ обобщеній, которыя увлекаютъ молодые умы. Можетъ быть, профессоръ переоцѣнивалъ свою аудиторію, желая приобщить ее къ своей спеціальной научной работѣ, можетъ быть, просто не хотѣлъ или не умѣлъ учитывать впечатлѣнія. Дешевой популярности онъ не искалъ никогда и, по его выраженію, „считалъ недостойнымъ порядочнаго ученаго и порядочнаго профессора зазывать на лекціи балаганнымъ способомъ“. Но аудиторія, надо сознаться въ этомъ, его не цѣнила: желающихъ его слушать было почти такъ же мало, какъ мало желающихъ серьезно изучать его науку.

Голубинскій славенъ не какъ профессоръ, а какъ ученый.

Въ дни юности своей онъ далъ обѣтъ написать и напечатать не позднѣе, какъ черезъ 35 лѣтъ службы, Исторію русской церкви до учрежденія Синода. Но ранѣе этого, въ качествѣ введенія въ русскую церковную исторію, онъ рѣшилъ написать два сочиненія изъ исторіи славянскихъ церквей. Въ 1867 г. окончено было изслѣдованіе „Константинъ и Меѳодій, апостолы славянскіе“, которое послѣ лестнаго отзыва Срезневскаго было удостоено (въ 1869 г.) полной Уваровской преміи. Этотъ трудъ „не могъ быть напечатанъ по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ“ и до сихъ поръ остается въ рукописи. Въ 1871 г. Голубинскій издалъ „Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей — болгарской, сербской и румынской“, который донинѣ не потерялъ своего значенія, не замѣненъ никакимъ другимъ трудомъ. Но книжное изученіе исторіи церквей Востока не удовлетворяло изслѣдователя, и онъ сталъ проситься въ научную командировку. Эта командировка, первая изъ Московской академіи, была дана Голубинскому, и въ іюнь 1872 г. онъ отправился въ Грецію и славянскія земли „для ближайшаго ознакомленія съ внутреннимъ бытомъ современной и памятниками исторической жизни православныхъ церквей греческой и славянской“. Въ своемъ полуторагодовомъ

ученомъ путешествіи Голубинскій посѣтилъ, кромѣ южныхъ и западныхъ славянскихъ земель, Грецію, Іерусалимъ и Италію и возвратился обогащенный личными наблюденіями надъ современной церковной жизнью и бытомъ православнаго Востока, непосредственнымъ знакомствомъ съ памятниками христіанскаго искусства и книгами греческихъ и славянскихъ авторовъ.

По возвращеніи изъ путешествія онъ усиленно работалъ надъ первымъ томомъ своей Исторіи русской церкви. Въ 1880 г. было издано начало его Исторіи—1-я половина I тома (христіанство до Владимира, крещеніе Руси, управленіе, просвѣщеніе). 16-го декабря 1880 г. Голубинскій защищалъ ее на степень доктора богословія ¹⁾. Встрѣчена была Исторія съ большимъ сочувствіемъ въ ученомъ мірѣ и въ читающей публикѣ: увѣнчана Академіей Наукъ полной Уваровской преміей ²⁾ и быстро раскуплена. Успѣхъ ея понятенъ: это была первая критически-свободно написанная исторія нашей церкви (если не считать старую Исторію митр. Платона, потерпѣвшую, какъ извѣстно, сокращенія при второмъ изданіи), совершенно оригинальная и по методу и по выводамъ. Били въ глаза разрушенныя критикой Голубинскаго—сказаніе о путешествіи апостола Андрея, лѣтописная повѣсть о крещеніи Владимира, карамзинская теорія о просвѣщенности домонгольской Руси, подлинность княжескихъ уставовъ; подкупали читателя прямыя и смѣлыя сужденія о современномъ состояніи нашей церкви. Но Исторія, естественно, не понравилась въ церковныхъ сферахъ. Членъ учебнаго комитета протоіерей Парвовъ, которому было поручено рассмотреть книги, трудолюбиво выбралъ и выписалъ изъ нея все мѣста публицистически-либеральнаго свойства и представилъ ихъ въ Синодъ. И только благодаря настойчивымъ представленіямъ митрополита Макарія Голубинскій былъ утвержденъ Св. Синодомъ (5-го Іюня 1881 г.) въ степени доктора богословія. Въ синодальномъ указѣ по этому поводу ставилось на видъ совѣту академіи, что общее направленіе Исторіи Голубинскаго не вполне соответствовало духу ученія и достоинству православной церкви. Затѣмъ въ концѣ 1880 г. вышла 2-я половина

¹⁾ Диспутъ Е. Е.—ча описанъ трижды: В. О. Ключевскимъ (вмѣстѣ съ В. С. Соловьевымъ) въ *Правосл. Обозр.* 1881 г., I, Н. Н. Корсунскимъ въ *Чт. Общ. Люб. Дух. Просв.* 1880 г., дек., и Е. В. Барсовымъ въ *Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.* (текущ. года).

²⁾ Обстоятельный отзывъ объ Исторіи Голубинскаго (о 1 и 2 половинахъ I тома) сдѣланъ *Малышевскимъ*, рецензировавшимъ ее по порученію И. Академіи Наукъ. *Записки И. Академіи Наукъ*, т. 41, С.-Пб. 1882 г.

I тома главнымъ образомъ церковно-археологическаго содержанія (о храмахъ, богослуженіи, монашествѣ, религіозномъ состояніи народа кievскаго періода).

I томъ Исторіи Голубинскаго своимъ появленіемъ въ свѣтъ до нѣкоторой степени обязанъ просвѣщенному покровительству митрополита Макарія. Объ этомъ всего лучше передать словами самого Голубинскаго изъ ненапечатаннаго посвященія II тома Исторіи.

...„Настоящій второй томъ Исторіи считаю своимъ долгомъ посвятить памяти высокопреосвященнаго Макарія.

„Высокопреосвященный Макарій есть одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ духовныхъ ученыхъ и одинъ изъ самыхъ славныхъ нашихъ меценатовъ или благотворителей и поощрителей науки и духовной и свѣтской. Но его отношенія ко мнѣ, которыя заставляютъ меня посвятить его памяти настоящій томъ Исторіи, свидѣтельствуютъ о томъ, что вмѣстѣ съ другими качествами и достоинствами онъ отличался истинно высокимъ благородствомъ души. Горацій сказалъ о писателяхъ, что они представляютъ собою *genus irritabile*, нашъ Пушкинъ назвалъ ихъ сословіе цехомъ щекотливымъ, а безъ Горація и безъ Пушкина всѣмъ извѣстно, что они суть люди по преимуществу самолюбивые. Но среди рода раздражительнаго, въ цехѣ щекотливомъ и между людьми по преимуществу самолюбивыми высокопреосвященный Макарій составлялъ рѣдкое и достойнѣйшее исключеніе, бывъ способенъ не только не воспылатъ гнѣвомъ противъ человѣка, дерзавшаго выступить до нѣкоторой степени соперникомъ ему, но и быть къ этому человѣку крайне благосклоннымъ и прямо помогать и покровительствовать ему.

„Приготовивъ къ печати первый томъ Исторіи, я сталъ передъ вопросомъ: гдѣ взять денегъ на печатаніе, которыхъ я вовсе не имѣлъ. Единственное лицо, къ которому я могъ обратиться съ просьбой о ссудѣ денегъ, не прибѣгая къ унижительнымъ просьбамъ и поклонамъ (и сознавая нѣкоторое нравственное право просить ихъ), былъ митрополитъ московскій съ его перервинскими суммами, каковымъ митрополитомъ въ данное время былъ именно высокопреосвященный Макарій (ставшій митрополитомъ московскимъ съ 8-го апрѣля 1879 г.). Когда я сообщилъ о своемъ намѣреніи обратиться къ преосв. Макарію съ просьбой о ссудѣ денегъ кое кому изъ своихъ академическихъ: то мнѣ выразили крайнее удивленіе и говорили со смѣхомъ: „поди-ка сунься, онъ тебѣ задастъ“. Было и ближайшее основаніе говорить это: въ видѣ нѣкоторой пробы и въ видѣ нѣ котораго, такъ сказать, заявленія о

себѣ ученому міру, въ 1876 году я напечаталъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* главу изъ Исторіи: о христіанствѣ въ Россіи до св. Владимира, и ходили слухи, что преосв. Макарій отзывался о моей пробѣ очень неблагоклонно.

Но такъ какъ кромѣ митрополита обращаться за деньгами мнѣ было совершенно не къ кому: то несмотря ни на какія худыя пророчества и предзнаменованія, я рѣшилъ обратиться... Пріѣхавъ въ Москву я остановился на сей разъ у преосв. Алексія (бывшаго профессора А. Θ. Лаврова)... Узнавъ о причинѣ пріѣзда, т. е. что я пріѣхалъ просить у митрополита денегъ въ заемъ на печатаніе Исторіи, преосв. Алексій разсмѣялся и съ словами: „ну, гусь“, сомнительно покачалъ головой и сдѣлалъ гримасу, которая говорила то же, что говорили мнѣ въ академіи, т. е., „поди, сунься, онъ тебѣ покажетъ деньги“. На сомнѣнія преосв. Алексія я отвѣтилъ, что кромѣ митрополита мнѣ не у кого болѣе просить денегъ, и что если онъ не дастъ, тогда и дѣлу конецъ, — попросилъ его ссудить меня лошадыю. Понятно, что я ѣхалъ къ преосв. Макарію не съ совершенно полною надеждою и не съ особенно спокойными чувствами. Пріѣзжаю въ Черкизово и введенный въ пріемную комнату митрополита жду съ трепетомъ, что будетъ..., и было то, что выходитъ преосв. Макарій, принимаетъ меня необыкновенно любезно и съ величайшей готовностью изъявляетъ согласіе удовлетворить моей просьбѣ, при чемъ, поручая мнѣ написать формальную бумагу на его имя, предоставляетъ мнѣ назначить условія займа, какія я самъ найду для себя удобными, и говоритъ, что онъ положитъ резолюцію на бумагѣ, не читавъ ея. Я вышелъ или, лучше сказать, выскочилъ отъ владыки и летѣлъ къ преосв. Алексію на Саввинское подворье не помня себя. Когда на вопросъ преосвященнаго: „ну, что“ я рассказалъ ему, какъ принялъ меня владыка и какъ отнесся къ моей просьбѣ, онъ, можно сказать, превратился въ удивленіе и изумленіе...

„Иные могутъ думать и говорить, что не Богъ-де знаетъ какая важность, что преосв. Макарій далъ тебѣ денегъ въ заемъ на печатаніе Исторіи. Но должны они понять, что дѣйствительная большая важность, если никто изъ людей, составлявшихъ по отношенію къ преосвященному Макарію кругъ людей, такъ сказать, свѣдущихъ, не вѣрилъ и не ожидалъ, чтобы онъ встрѣтилъ мою просьбу такъ, какъ онъ ее встрѣтилъ. По отношенію къ другому митрополиту было бы не особенно важно, что онъ далъ профессору академіи денегъ въ займы... Но совсѣмъ другое дѣло по отношенію къ преосв. Макарію, ссудившему деньгами именно меня и именно на извѣстную потребность. Я написалъ и собрался печат-

тать свою Исторію русской церкви въ то время, какъ онъ печаталъ свою Исторію русской церкви. Само собою предполагается, что при этомъ я имѣлъ въ виду до той или до другой степени исправлять и дополнять его, ибо иначе зачѣмъ бы и для какого смысла я сталъ бы и печатать свою Исторію, и во всякомъ случаѣ я выступалъ съ своей Исторіей какъ бы его соперникомъ. Такъ вотъ, я... обратился къ нему съ просьбой о ссуженіи меня деньгами для напечатанія этой, до нѣкоторой степени противъ него написанной, книги. Отъ человѣка обыкновенныхъ качествъ души надлежало ожидать, какъ всѣ и ожидали отъ преосв. Макарія, что онъ встрѣтитъ явившагося соперника себѣ если не съ открытымъ, то съ скрытымъ гнѣвомъ и откажетъ ему въ средствахъ печататься если не грубо, то какъ-нибудь благовидно. Но преосв. Макарій не поступилъ такъ, какъ ожидали, а напротивъ поступилъ такъ, какъ вовсе не ожидали: и сіе несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуешь, что онъ былъ качествъ души далеко не совсѣмъ обыкновенныхъ. Онъ былъ способенъ и имѣлъ готовность жертвовать своимъ личнымъ самолюбіемъ пользѣ науки: не отрицая возможности того, что я до нѣкоторой степени дополняю его Исторію, онъ встрѣтилъ меня не какъ дерзкаго человѣка, выступающаго соперникомъ ему, а какъ желаемаго себѣ сотрудника. Не знаю, можетъ ли высокопреосвященный Макарій быть ставимъ на одной степени съ митр. Платономъ: но его поведеніе по отношенію ко мнѣ истинно напоминаетъ сего послѣдняго...

„Не ограничиваясь тѣмъ, что ссудилъ меня средствами напечатать мою Исторію (т. е. первый ея томъ), что для меня было весьма важно и въ томъ отношеніи, что цензоръ книги (ректоръ академіи С. К. Смирновъ), видя благосклонность ко мнѣ митрополита, и самъ сталъ благосклоннымъ, высокопреосвященный Макарій явился моимъ защитникомъ, когда угрожала мнѣ непріятность не получить за мою Исторію доктора богословія и слѣдовательно—не получить въ академіи званія ординарнаго профессора. (А когда я явился къ нему, чтобы благодарить его, онъ наговорилъ мнѣ столько комплиментовъ, что привелъ меня въ совершенное смущеніе).

„Вообще, отношенія ко мнѣ высокопреосвященнаго Макарія по поводу моей Исторіи русской церкви таковы, что только отъ всей души и отъ всего сердца я могу восклицать: да будетъ благословенна его память“!

Неутомимо работая, Голубинскій скоро приготовилъ къ печати и первую половину II тома, содержащую біографіи и обзоръ дѣятельности русскихъ митрополитовъ съ нашествія мон-

головъ, кончая митр. Макаріемъ, современникомъ Грознаго. Но просвѣщеннаго защитника труда Голубинскаго въ то время не было въ живыхъ. Поэтому II томъ появляется въ печати спустя 19 лѣтъ послѣ перваго: „промежутокъ годовъ такой, говоритъ Голубинскій, что, бывъ во время печатанія перваго тома человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ, печатаю второй томъ сѣдымъ старикомъ“. Эти годы въ жизни нашего покойнаго историка были наиболѣе тяжелыми. Еще по поводу первыхъ очерковъ изъ Исторіи, появившихся, какъ извѣстно, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1876 г., свѣдущіе люди говорили Голубинскому: „Пожалуй васъ попросятъ выдти изъ академіи“. Голубинскій отвѣтилъ: „Если попросятъ, то я, конечно, ее оставлю“. Но, къ счастью, это предсказаніе не сбылось. Голубинскаго обвиняли въ томъ, будто, критикуя лѣтописную повѣсть о крещеніи Владимира, онъ снимаетъ съ св. Владимира вѣнецъ славы, которымъ онъ украшается, низводитъ его съ того высокаго пьедестала, на которомъ онъ стоитъ, и будто отнимаетъ у него титуло равноапостола. Побѣдоносцеву не нравилась особенно критика лѣтописнаго сказанія о путешествіи ап. Андрея, и Голубинскій сталъ опальнымъ профессоромъ. Въ августѣ 1883 г. исполнялось 25-лѣтіе его ученой дѣятельности. Задумали въ академіи отпраздновать этотъ юбилей, составили адресъ, но адресъ не подписали два профессора: Субботинъ и Касицынъ. Узнаетъ объ этомъ какими-то путями Побѣдоносцевъ и письмомъ изъ Москвы на имя ректора академіи запрещаетъ „демонстрацію съ адресами профессору Голубинскому“, „тенденціозное торжество съ опубликованіемъ подробностей онаго и адресовъ въ газетахъ“.

Цензура, даже академическая, была строга къ Голубинскому. Съ 1893 г. онъ началъ было печатать въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* очерками II томъ Исторіи, но печатаніе споткнулось на митрополитѣ Алексіѣ. Ректоръ Антоній разрѣшилъ статью, но сказалъ, что она можетъ повлечь закрытіе журнала, и Голубинскій не захотѣлъ подвергать риску академическое изданіе. Нѣсколько исправивъ наиболѣе сомнительное мѣсто въ повѣствованіи о митрополитѣ Алексіѣ ¹⁾, Голубинскій дѣлаетъ новую попытку печатать очеркъ черезъ нѣсколько лѣтъ и при другомъ ректорѣ, но опять неудачно.

Духовная цензура внѣакадемическая была еще строже къ Голубинскому. Московская духовная цензура не пропустила для *Православнаго Обозрѣнія* его трудъ „Къ нашей полемикѣ съ ста-

¹⁾ Это мѣсто Исторіи см. II т. I пол., 200—202 стр.

рообрядцами“. Его удалось напечатать въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* 1892 г. Дополнивъ работу, Голубинскій дѣлаетъ попытку получить разрѣшеніе петербургской духовной цензуры на переизданіе книги. Но петербургская цензура, несмотря на хлопоты знакомыхъ автора, не рѣшилась пропустить книгу, такъ какъ на нее часто ссылались старообрядцы въ своихъ бесѣдахъ съ миссіонерами ¹⁾. Только въ 1900 г., благодаря содѣйствію Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, а главнымъ образомъ ученика Е. Е-ча С. А. Бѣлокурова, II томъ Исторіи (1 половина) появляется въ печати въ *Чтеніяхъ Общества* (1 книга). У Голубинскаго нашелся опять петербургскій доброжелатель, который уже добровольно подсунулъ вышедшую книгу Исторіи Побѣдоносцеву, уѣзжавшему на лѣто за границу. Но результаты вышли неожиданные. Ознакомившись съ книгой, Побѣдоносцевъ вдругъ сдѣлался защитникомъ Исторіи Голубинскаго. Онъ прислалъ сочувственное письмо въ Общество Исторіи на имя Е. В. Барсова, совѣтуя продолжать печатаніе въ *Чтеніяхъ* капитальнаго труда нашего историка. Этого было достаточно, чтобы санкціонировать достоинство труда и навсегда снять съ него опалу. Синодскія Церковныя Вѣдомости ранѣе не соглашались напечатать даже объявленія о выходѣ новой книги Голубинскаго и не принимали рецензій на нее. Теперь, послѣ сочувственнаго отзыва всесильнаго оберъ-прокурора, о трудахъ Голубинскаго въ офиціальномъ синодальномъ органѣ печатаются и объявленія и хвалебныя отзывы ²⁾.

¹⁾ I томъ Исторіи русской церкви увидѣлъ свѣтъ благодаря лишь тому, что въ качествѣ докторской диссертациі онъ прошелъ чрезъ академическую цензуру. Голубинскій рассказывалъ, что нѣкоторые друзья совѣтовали ему подать на доктора „Краткій очеркъ“; однако Голубинскій воздержался отъ этого: „Если бы я представилъ „Краткій очеркъ“ на степень доктора и получилъ степень, то I тома Исторіи русской церкви я не могъ бы представить въ академическую цензуру, а долженъ былъ бы представить въ обыкновенную цензуру. Обыкновенная же духовная цензура ни за что и ни подъ какимъ видомъ не одобрила бы его къ печати... А между тѣмъ, если бы случилось такъ, что написалъ бы I томъ Исторіи русской церкви и оказался бы въ невозможности его напечатать, то я создалъ бы себѣ положеніе истиннаго мученика“.

²⁾ Лѣтомъ 1903 г. произошла окончательная реабилитація Голубинскаго въ церковныхъ сферахъ. Въ то время шло дѣло о канонизаціи Серафима Саровскаго. Комиссія, освидѣтельствовавшая его мощи, нашла вмѣсто цѣлаго тѣла одинъ кость. Произошли смущеніе и растерянность. И Св. Синодъ опирается въ этомъ случаѣ на книгу Голубинскаго „Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ“, гдѣ доказывается, что въ святые канонизируются не за нетлѣныя мощи, котораго иногда и нѣтъ, а за чудеса, совершающіяся при гробѣ. На книгу Голубинскаго прямо ссылался митр. Антоній въ своемъ открытомъ письмѣ по поводу канонизаціи преп. Серафима (*Новое Время*, июнь).

Не видя препятствій, Голубинскій энергично принялся за переизданіе почти распроданныхъ двухъ первыхъ полутомовъ своей Исторіи и выпустилъ ихъ въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* 1901 г. (кн. 3) и 1904 г. (книги 2 и 3) въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Продолжить печатаніе 2 половины II тома Е. Е-чу не удалось: она была не совсѣмъ готова къ печати (переписана только на половину), большая глава о монашествѣ осталась въ черновомъ видѣ, а послѣдній отдѣлъ— о вѣрѣ, нравственности и религіозности народа въ Московскій періодъ и не написанъ; а не совсѣмъ была готова потому, что строгость цензуры и косые взгляды сверху парализовали энергію ученаго, вселили ему мысль, что пиши не пиши, все равно не дадутъ напечатать. Переиздавъ начальныя книги Исторіи, Голубинскій взялся было доканчивать обработкой дальнѣйшей (четвертой) полутомъ, но почувствовалъ, что силы его уже ослабѣли— ему исполнилось 70 лѣтъ, послѣ которыхъ, какъ извѣстно, начинаются трудъ и болѣзнь¹⁾. Такъ Голубинскій и не выполнилъ своего обѣта—написать Исторію русской церкви до учрежденія Синода. Но онъ ли виноватъ въ этомъ?!

Сидя у моря и ожидая погоды, то есть дожидаясь возможности печатать продолженіе своей Исторіи, Голубинскій выпустилъ рядъ другихъ работъ: „Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ“ двумя изданіями (въ *Богослов. Вѣстн.* іюнь—сент. 1894 г. и *Чт. Общ. И. и Др.* 1903 г. кн. 1); „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“ также двумя изданіями (*Богослов. Вѣстн.* 1892 г. и *Чт. Общ. И. и Др.* 1905 г. кн. 3); „Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая лавра“. (Книга написана къ 500-лѣтнему юбилею со дня смерти преп. Сергія (1892 г.); въ 1909 г. подъ наблюденіемъ С. А. Бѣлокурова издана второй разъ въ *Чт. Общ. Ист. и Древностей*, книги 2 и 3). Въ 1906 г. Е. Е. издалъ трудъ (опять въ *Чтеніяхъ Общества Ист. и Др.*, кн. 2), о которомъ давно мечталъ—большой церковно-археологическій атласъ, служащій приложеніемъ къ Исторіи—второй половиной I-го тома, археологической по содержанию²⁾.

¹⁾ 2 пол. II тома печатается въ настоящее время въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*. Она предваряется трогательной припиской автора: „Въ маѣ 1904-го года, по пріѣздѣ домой изъ Петербурга, я принялся было за приготовленіе къ печати 2-ой половины II тома И. Р. Ц... Но вскорѣ увидѣлъ свое старческое безсиліе сдѣлать дѣло, и оставилъ его. Да проститъ меня Богъ и да простятъ меня люди, которыхъ интересуетъ дѣло! Е. Голубинскій. 29-го мая 1904“.

²⁾ Полный перечень всего напечатаннаго Е. Е.—чемъ см. въ Спискѣ трудовъ

Научныя заслуги Голубинскаго давно были оцѣнены въ ученѣмъ мірѣ,—онъ избирался членомъ цѣлаго ряда ученыхъ обществъ и учрежденій¹⁾. 30-го ноября 1902 г. онъ единогласно избранъ былъ ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ—это первый и пока единственный выборъ въ академики изъ профессоровъ духовныхъ академій.

Избраніе въ ординарные академики подняло духъ Голубинскаго: это была совершенно заслуженная награда его трудамъ, его учености и его мужеству. Теперь онъ могъ безпрепятственно писать и печатать. И въ дальнѣйшіе годы, какъ мы видѣли, Голубинскій переиздаетъ въ дополненномъ видѣ рядъ своихъ книгъ и выпускаетъ новую — церковно-археологическій атласъ. Онъ работалъ съ такой энергіей, какъ въ молодости. Но вскорѣ ученаго постигло великое несчастье: въ 1906 г. онъ потерялъ зрѣніе и вынужденъ былъ прекратить навсегда научныя занятія. Въ 1907—1908 гг. онъ продиктовалъ свои Воспоминанія пишущему эти строки. Не переставалъ Голубинскій до самой смерти интересоваться жизнью церкви и академіи. Въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ тихо и одиноко угасалъ онъ. Слабѣла память: онъ забывалъ то, что написалъ самъ; жаловался, что, вспомнивъ какое-нибудь историческое имя, не могъ вызвать въ своей памяти никакихъ о немъ представленій. Слепота страшно угнетала старца, онъ желалъ себѣ смерти и говорилъ о ней совершенно спокойно. Это желаніе онъ выражалъ иногда въ стихахъ: „Живу во мракѣ вѣчной ночи, и жить недостаетъ мнѣ мочи; молю небеснаго Отца о дарованьи мнѣ конца“... Конецъ насталъ около полуночи 7-го января 1912 г. Голубинскаго похоронили на кладбищѣ академіи, рядомъ съ его учителемъ А. В. Горскимъ.

Изъ ученыхъ трудовъ Е. Е. Голубинскаго я остановлюсь на одномъ его главномъ трудѣ—Исторіи русской церкви—доставив-

---

академика Е. Е. Голубинскаго—„Отчетъ о дѣятельности Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н. за 1912 г.“ Сверхъ того въ его бумагахъ нашлось нѣсколько неизданныхъ, а частью и неоконченныхъ работъ, которыя, вѣроятно, будутъ отчасти напечатаны.

¹⁾ Общества древне-русскаго искусства при Моск. публ. музеѣ (дѣйств. чл. съ 1870 г.), Общ. Исторіи и Др. Россійскихъ (дѣйств. чл. съ 1878 г.), Кіев. Общ. Нестора Лѣтоп. (съ 1880 дѣйств., съ 1883 почетный), въ 1882 г. 23 дек. избранъ въ члены-корреспонденты И. Академіи Наукъ по разряду историко-политическихъ наукъ; въ 1884 г. почетнымъ членомъ Болгарскаго книжнаго Дружества въ Софіи; въ 1887 г. почетнымъ членомъ Ростовскаго музея церковныхъ древностей; въ 1894 г. почетнымъ членомъ Харьковскаго университета; въ 1898 г. почетнымъ членомъ Московской духовной академіи.

шемъ автору широкую и, несомнѣнно, продолжительную извѣстность.

Небольшая по объему первая по времени Краткая церковная російская исторія митр. Платона, похожая болѣе на лѣтопись, но правдивая и либеральная, какъ извѣстно, сокращена была митрополитомъ Филаретомъ при второмъ изданіи. Болѣе обширная и систематическая исторія русской церкви Филарета Черниговскаго также вытерпѣла тяжесть цензурнаго гнета. Счастливей была въ этомъ отношеніи Исторія Макарія, потому что историкъ занималъ высокое положеніе и отличался большой осторожностью. Какъ историкъ русской церкви, Голубинскій является естественнымъ преемникомъ и продолжателемъ преосв. митр. Макарія. 12-томная Исторія покойнаго іерарха представляетъ прекрасный сборникъ церковно-историческаго матеріала, систематически подобраннаго и живо изложеннаго: по полнотѣ и новости использованныхъ матеріаловъ, въ значительной степени и открытыхъ преосв. Макаріемъ, это прочный памятникъ нашего ученѣйшаго іерарха. Но его трудъ несвободенъ отъ нѣкоторыхъ крупныхъ недостатковъ, особенно присущихъ „Введенію въ Исторію русской церкви“ и первымъ томамъ самой Исторіи, т. е. тѣмъ отдѣламъ, которые обработывалъ и Голубинскій. Ученому автору не доставало свободной критики въ пользованіи источниками и въ отношеніи къ установившимся историческимъ теоріямъ и, такъ сказать, историческимъ повѣрьямъ, а главное къ источникамъ. Последнее сознавалъ онъ и самъ, когда писалъ: „критики, побольше критики—вотъ чего надобно желать намъ въ исторіи нашей“ (древней духовной) литературы“ (Исторія, V т., 408). Замѣчалъ, вѣроятно, Макарій и то, что являлся онъ вмѣсто повѣствователя апологетомъ и полемистомъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, напр., защищая теорію путешествія по нашей странѣ ап. Андрея, дѣлая не всегда безпристрастныя замѣчанія противъ раскола въ церковно-археологическихъ трактатахъ. Вѣроятно, замѣчая это, въ послѣднихъ томахъ Исторіи онъ освободился отъ такого крупнаго для историка недостатка. Исторія Макарія не описываетъ народной жизни, вѣрующей массы, останавливаясь почти исключительно на церковномъ правительствѣ. Онъ дѣлитъ исторію на періоды, а періоды на отдѣлы, соображаясь только съ судьбою высшаго церковнаго управленія на Руси. Главнымъ принципомъ дѣленія служитъ у него идея отношеній русской церкви къ восточной, еще уже—идея ея внѣшнихъ отношеній къ Константинопольскому патріарху. Этою идеею, по его выраженію, „проникаются и связуются въ одно стройное цѣлое“ всѣ отдѣльные моменты русской

церковной исторіи. Руководясь главнымъ образомъ этимъ довольно внѣшнимъ принципомъ, Макаріи искусственно дробитъ рассказъ по рубрикамъ, придавая своему изложенію маложизненный характеръ. Въ жестокой рецензій на Исторію Макарія Гиляровъ-Платоновъ замѣчалъ, что трудъ ученаго іерарха имѣетъ всю видимость исторической книги, но онъ вовсе не Исторія.

На ученомъ преемникѣ митр. Макарія лежало дать безпристрастную, критическую исторію русской церкви и при томъ исторію не только официально-церковную, но и народно-религіозную. И Голубинскій выполнилъ блестяще, по крайней мѣрѣ, первую задачу и подготовилъ исполненіе второй. Послѣ Исторіи Голубинскаго трудъ Макарія въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ является уже устарѣвшимъ — простымъ систематическимъ собраніемъ матеріала, а не настоящей исторіей, уступая первенство труду Голубинскаго.

Спеціалисты, погружившіеся въ свою работу, изъ понятнаго стремленія оправдать свою жизнь, придать ей полный смыслъ и возможно большее значеніе, склонны обычно преувеличивать достоинства своей спеціальности, превозносить ее выше всего другого. Голубинскій избѣжалъ этой ошибки. Свою науку онъ далеко не превозноситъ. Имѣя въ виду самый высокій идеаль исторіи, онъ отлично видѣлъ, что исторія русской церкви не можетъ быть совершенной, что ее невозможно написать такъ, чтобы церковная жизнь нашего прошлаго „возстала предъ нами какъ настоящая во всей своей жизненной живости и во всей своей цѣлостной полнотѣ“. Русская церковная исторія бѣдна источниками и количественно и качественно. И это сильно затрудняетъ изслѣдователя. По сравненію Голубинскаго, онъ долженъ превратиться въ тряпичника и усердно перебирать и очищать каждый лоскутокъ, чтобы онъ могъ годиться и пойти на пользу. Русскій церковный историкъ, по его мнѣнію, долженъ быть прежде всего критикомъ. Такимъ и былъ Голубинскій. Онъ владѣлъ свойствами, нужными для историка-критика: свободой мысли и независимостью сужденій. Голубинскій едва ли знаетъ, что значитъ быть зависимымъ въ своихъ сужденіяхъ. Назначенный на кафедру мало разработанной науки, онъ, по собственному признанію, началъ изученіе предмета съ матеріаловъ — „обложившись лѣтописями“, это затѣмъ, чтобы не подпасть вліянію научной литературы. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не захотѣлъ вліянія и живыхъ людей науки. Избиравшій его А. В. Горскій вовсе не ожидалъ, что онъ пойдетъ такъ далеко въ своихъ сужденіяхъ и сначала не сочувствовалъ своему ученику. Стремленіе составить обо всемъ свое собственное независимое

сужденіе побудило Голубинскаго отправиться въ заграничное путешествіе. Все это помогло ему стать дѣйствительно независимымъ и оригинальнымъ ученымъ.

Основная черта его ученаго таланта—сила анализа, господствующаго надъ синтезомъ, сила почти неотразимой критики. Оппонентъ нашего историка на докторскомъ диспутѣ Н. И. Субботинъ такъ описывалъ процессъ его ученой работы. Вотъ онъ подходитъ къ зданію отечественной церковной исторіи, вооруженный однимъ орудіемъ разрушенія—съ тяжелымъ молотомъ критики. Остукивая каждый камень этого зданія, онъ многіе изъ нихъ, даже неподвижно лежащіе въ основаніи, разбилъ своимъ молотомъ; иные осыпались и раздробились на мелкіе камушки, другіе совершенно измѣнили свой видъ. Послѣ того онъ бралъ камни, выдерживавшіе пробу, прибавлялъ къ нимъ свои и слагалъ ихъ такъ, чтобы вышло зданіе. Но зданія не выросло. Подъ неподвижно лежащими краугольными камнями русской церковной исторіи здѣсь разумѣлись—лѣтописное преданіе о путешествіи ап. Андрея съ проповѣдью по Днѣпру и Волхову, лѣтописная повѣсть объ обращеніи и крещеніи св. Владимира, уставы первыхъ христіанскихъ князей. Это говорилось о I полутомѣ исторіи. Но то же самое можно сказать и о дальнѣйшихъ книгахъ. Правда, подобныхъ боевыхъ вопросовъ не встрѣчается въ слѣдующихъ полутомахъ Исторіи. Но это обусловливается, можетъ быть, сущностью самыхъ вопросовъ, менѣе крупныхъ и важныхъ въ зданіи отечественной церковной исторіи, а быть можетъ, и сравнительно лучшимъ рѣшеніемъ ихъ въ ученой литературѣ. Авторъ не перемѣнилъ своего орудія и остался вѣренъ научному методу, разъ принятому въ работѣ. Какъ раньше, такъ и теперь ученый занятъ критикой фактовъ, очисткой и шлифовкой тѣхъ мелкихъ камешковъ, изъ которыхъ приходится слагать это зданіе. Какъ тряпичникъ, онъ тщательно собираетъ лоскуточки извѣстій по источникамъ, многіе выбрасываетъ за негодностью, другіе вычищаетъ отъ пристрастной окраски самыхъ древнихъ повѣствователей, которые также были люди и, значить, не всегда смотрѣли вѣрнымъ взглядомъ и писали безпристрастной рукой, которые не досказывали или говорили напраслину. Многія извѣстія изъ далекаго прошлаго ходятъ въ нашей исторической литературѣ съ готовымъ комментариемъ какого-нибудь историка,—не всегда правильнымъ, но прочно приросшимъ къ этому извѣстію. Многія событія освѣщены одно-сторонне или затемнены не совсѣмъ удачными домыслами изслѣдователей. Здѣсь вина уже не древнихъ лѣтописцевъ и повѣствователей, а недавнихъ или современныхъ изслѣдователей;

виновата въ этомъ и бѣдность спеціальной литературы по данному предмету: вслѣдствіе рѣдкаго появленія самостоятельныхъ работъ старые сужденія и взгляды получаютъ широкое распространеніе; изъ спеціальной литературы они переходятъ въ учебную и популярную, и къ нимъ такъ привыкаетъ мысль даже спеціально занимающагося изслѣдователя, что перестаетъ различать границу, гдѣ кончается документальное извѣстіе и гдѣ начинается его научное толкованіе. Нашъ историкъ идетъ путемъ свободнаго изслѣдованія первоисточниковъ, и эти приставшіе къ извѣстіямъ комментаріи, къ событіямъ освѣщеніе, послѣ его критическаго анализа, можно сказать, спадаютъ ветхой чешуей. Только въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ прежнее рѣшеніе вопроса нашему автору представляется правильнымъ, онъ охотно присоединяется къ существующему мнѣнію, оставаясь впрочемъ самостоятельнымъ въ его частной обработкѣ и аргументаціи.

Однако нельзя такъ представлять, будто Голубинскій только и дѣлаетъ, что разрушаетъ—обезцѣниваетъ показанія источниковъ, выбрасываетъ за негодностью сужденія изслѣдователей и ничего не создаетъ взамѣнъ. Напротивъ: проиведенная имъ критическая обработка источниковъ содѣйствуетъ выясненію исторической истины. То правда, послѣ его работы показаній стало какъ будто меньше, но въ очищенномъ видѣ они сдѣлались теперь прочнѣе, болѣе надежными опорами для построеній. При томъ же извѣстія, признанныя надежными, подвергнуты въ изслѣдованіи Голубинскаго всестороннему анализу, который положительно содѣйствуетъ накопленію мелкихъ фактовъ, конечно, болѣе цѣнныхъ, чѣмъ оставленные за негодностью. И вотъ путемъ этихъ двухъ методологическихъ приѣмовъ—очищенія поля зрѣнія отъ загоразживающихъ истину невѣрныхъ показаній и накопленія новыхъ фактовъ путемъ анализа—и создается возможность по отрывкамъ воспроизводить до нѣкоторой степени наше церковное прошлое. И было бы большою несправедливостью сказать, будто ученый не только не построилъ, но и не строилъ зданія своей науки, оставивъ эту творческую работу въ наслѣдство своимъ преемникамъ. Напротивъ, онъ даетъ образцы превосходныхъ построеній по вопросамъ крупной важности. Но наши источники бѣдны. Задавая много вопросовъ своими отрывками-локутками такому тонкому аналитику и внимательному изслѣдователю, каковъ Голубинскій, они не даютъ часто надежныхъ отвѣтовъ. Вопросы должны остаться безъ рѣшенія, и историкъ иногда пользуется правомъ ученаго строить гипотезы: ведетъ, по его выраженію, гадательныя рѣчи, приподнимаетъ покровъ недосказовъ

и умолчанія. При превосходномъ знаніи своей науки и вспомогательныхъ, при осторожности сужденій, эти гадательныя рѣчи его большей частью очень убѣдительны. Но случается, что ужь никакія средства не помогаютъ приподнять завѣсу надъ тѣмъ или инымъ событіемъ; вопросы остаются открытыми. Однако надо благодарить изслѣдователя и за то, что онъ поставилъ ихъ. Последующіе работники будутъ теперь считаться съ этими вопросами и, можетъ быть, найдутъ отвѣты.

При написаніи Исторіи своей Голубинскій употребилъ еще одинъ методологическій пріемъ, значительно обогатившій науку,—именно методъ сравнительнаго изученія исторіи древней русской церкви съ исторіей византійской церкви. Это требовало огромной подготовки, но у Голубинскаго она, несомненно, была. Мы уже видѣли, что онъ началъ свои занятія церковной исторіей съ исторіи древней восточной церкви, отсюда перешелъ на церкви славянскія и уже наконецъ обратился къ русской церковной исторіи. Въ этомъ онъ руководился отчасти примѣромъ А. В. Горскаго, принявшаго сравнительный методъ. Обращаясь къ изученію Византіи, прежде всего, какъ человѣкъ справедливый, Голубинскій оправдываетъ ее отъ тяжкихъ обвиненій, которыя сыпались на нее въ то время въ такомъ же изобиліи, какъ теперь похвалы. Обвиненія эти онъ формулируетъ въ слѣдующемъ видѣ. „Греки служатъ для насъ въ нашей исторіи козломъ отпущенія... Народъ нашъ слишкомъ внѣшне понимаетъ вѣру, полагая ее главнымъ образомъ въ томъ, чтобы какъ можно крѣпче класть кресты на груди и какъ можно сильнѣе бить лбомъ объ полъ: византійщина. Священникъ у насъ съ трепетомъ входитъ въ прихожую къ своему архіерею и растягивается ему въ ноги: византійщина. Дьяконы наши съ своими знаменитыми басами вмѣсто раздѣльной и разумной человѣческой рѣчи даютъ намъ наслаждаться бессмысленнымъ ораньемъ и гудѣньемъ: византійщина. Въ живописи нашей безобразный типъ: византійщина. Однимъ словомъ, все у насъ, надъ чѣмъ всякій русскій порядочный человѣкъ долженъ пожимать плечами, есть византійщина“ (Т. I, 1, 319). Но все это, по мысли Голубинскаго, оказывается невѣрнымъ. Оказывается, что недостатки русской церкви были чужды Византіи и, наоборотъ, ея собственные недостатки, которыхъ было не мало, были чужды Руси. Максимъ Грекъ, явившійся къ намъ въ эпоху высшаго развитія византизма, оказался у насъ на Москвѣ выходцемъ другого міра. Но несомнѣнно, Византія многосторонне вліяла на Русь, и этимъ можно воспользоваться въ интересахъ науки. Голубинскій и воспользовался. Отправляясь отъ мысли,

что русская церковь кievскаго періода была только митрополіей константинопольскаго патріархата, онъ предполагаетъ, что многое въ русскомъ церковномъ строѣ можно объяснить, сравнивая съ Византіей, что значительные пробѣлы въ отдѣлѣ о церковномъ управленіи и въ исторіи монашества можно оттуда пополнить. Онъ превосходно изучаетъ византійскую исторію по первоисточникамъ и, — не преувеличу, если скажу, — создаетъ исторію церковнаго управленія въ кievскій періодъ, которую наши лѣтописи передаютъ въ такомъ скудномъ отрывочномъ видѣ, и раскрываетъ много темныхъ доселѣ сторонъ въ исторіи русскаго монашества. Пользуясь актами константинопольской патріархіи, онъ беретъ изъ нихъ много любопытныхъ данныхъ, дополняющихъ біографіи и обзоръ внѣшней дѣятельности нашихъ митрополитовъ монгольскаго періода. Съ этимъ новымъ свѣточемъ въ рукахъ — съ знаніемъ Византіи и церковной жизни славянъ нашъ ученый терпѣливо исходилъ всѣ темные и полутемные углы и закоулки нашей начальной церковной исторіи, перерылъ весь хламъ матеріаловъ. И на свѣтъ Божій родилось множество мелкихъ фактовъ, въ установкѣ которыхъ Голубинскій неподражаемъ, выдвинулось много вопросовъ, которые ожидаютъ своего разрѣшенія, и создалось множество гипотезъ, ждущихъ себѣ подтвержденія или опроверженія. Многія неясныя мѣста памятниковъ получили наиболѣе вѣроятное толкованіе и являются новыми данными въ области матеріаловъ. Эти мелкія открытія попадаютъ рѣшительно на каждой страницѣ его Исторіи, они щедро разсыпаны въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ. И все это дорогіе матеріалы для будущаго зданія русской церковной исторіи.

Голубинскій обращается порой къ западной церкви или къ позднѣйшей исторіи нашей церкви и не мало строитъ предположеній и объясняетъ явленій ретроспективнымъ путемъ, отъ позднѣйшаго къ раннѣйшему. По этому самому историку приходится затрогивать и настоящее. „Говоря о недостаткахъ прошедшаго времени, иногда невозможно бываетъ не захватить до нѣкоторой степени настоящаго, по той очень простой причинѣ, что иногда прошедшее еще продолжаетъ балѣе или менѣе оставаться настоящимъ. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ историкъ волей-неволей становится отчасти публицистомъ“. Нѣкоторые желали бы, отдавъ въ распоряженіе историка прошедшее, запретить ему трогать настоящее, хотя бы съ ущербомъ для полноты и правильности историческаго освѣщенія. „Обязанъ ли историкъ подчиняться этому требованію? Если бы онъ подчинился требованію, то, допуская умолчанія, онъ былъ бы вынужденъ кривить

своею совѣстію: а какъ скоро онъ дозволить себѣ это, то исторія— уже не исторія. Я съ своей стороны держался того мнѣнія, что лучше подвергнуться упрекамъ людей, предъявляющихъ къ наукѣ ненаучныя и внѣнаучныя требованія, чѣмъ отказаться отъ обязанности быть историкомъ по искренней совѣсти“ (I т., 2 пол., стр. VIII, ad fin.).

Голубинскій обсуждаетъ историческія явленія при свѣтѣ общаго принципіальнаго взгляда на вопросъ—какъ должно бы быть. У нашего историка есть опредѣленный идеаль церковной жизни, церковнаго строя, добытый путемъ глубокаго изученія древней исторіи¹⁾. Съ нимъ онъ и сравниваетъ минувшую и отчасти настоящую жизнь русской церкви, имъ и освѣщаетъ онъ ее. Послѣ этого мы не только видимъ историческіе факты, мы ихъ понимаемъ и оцѣниваемъ²⁾. Разумѣется, съ точки зрѣнія церковнаго идеала въ прошедшемъ и настоящемъ нашей церкви много недостатковъ, которые по искренней совѣсти раскрываетъ историкъ. Говоря, напри- мѣръ, объ епархіальномъ управленіи въ древней Руси, онъ выясняетъ исторически превращеніе русскихъ епископовъ изъ пастырей въ администраторовъ и тутъ же описываетъ нашихъ современ- ныхъ архіереевъ, какъ нѣчто такое, что засажено въ губернскомъ городѣ за 12-ью стеклами и что существуетъ единственно на страхъ и грозу попамъ... Онъ бичуетъ все фальшивое, все казовое. Въ іерархіи отмѣчаетъ властолюбіе, самодурство, деспотизмъ, роскошь; о бѣломъ духовенствѣ говоритъ, что въ значительной мѣрѣ это „не пастыри, а пьяные и полупьяные наемники“; монашество наше „до послѣдней степени плохо“. Въ русскомъ благочестіи бросаются въ глаза бездушная обрядность, ханжество, пустосвятство всякаго рода³⁾. Осуждая безпорядки или недоста-

1) О немъ можно судить по брошюрѣ Голубинскаго, изданной на правахъ рукописи, „Къ вопросу о церковной реформѣ“. М. 1906. Брошюра эта переиздана въ книгѣ Е. Е—ча „О реформѣ въ бытѣ православной церкви“. *Чт. Общ. Ист. и Др.* 1913 г.

2) Публицистика въ историкѣ роняетъ свою цѣну тогда, когда выступаетъ какъ предвзятое поученіе, разсуждаетъ Малышевскій, рецензентъ Голубинскаго. Но „совершенно другого рода публицистика нашего историка. Коренясь исходными мотивами въ высшихъ идеалахъ жизни, предносившихся мысли историка, она твердо опирается на научно опредѣляемомъ отношеніи изображаемой прошлой жизни къ ея идеаламъ и современной дѣйствительности, составляющей наслѣдіе прошлаго. Такъ поставленная публицистика составляетъ несомнѣнное достоинство въ историкѣ. Искренность, прямота, смѣлость, какъ черты любви къ правдѣ, къ истинѣ, возвышаетъ это достоинство въ немъ“. *Записки И. Академіи Наукъ*, т. 41, стр. 184—185.

3) Исторія, I, 1, 363—365, 368—369; I, 2, 658—668. Ср. Къ вопросу о церковной реформѣ, 11—12, 21.

тки въ церковной жизни, нашъ историкъ говоритъ съ явною горечью и болью, точно это его личное несчастье. Но онъ не скрываетъ своей радости, положительно отдыхаетъ на моментахъ и на лицахъ отрадныхъ и славныхъ. И онъ ужъ умѣетъ похвалить. Припомнимъ его описаніе личности преп. Сергія, Стефана Пермскаго или митр. Макарія, современника Грознаго.

Вообще Голубинскій не былъ холоднымъ и безстрастнымъ судьей-историкомъ. Онъ проникнутъ горячимъ чувствомъ любви къ прошлому Руси. Его интересуютъ тамъ не официально только важныя лица и громкія событія, а вся подлинная церковная жизнь. Въ отдѣлѣ, напримѣръ, объ управленіи онъ съ равной полнотою и добросовѣстностью описываетъ положеніе кievскаго митрополита и сельской просвирни. Его чувство превращается въ глубокую материнскую нѣжность, когда дѣло касается судьбы историческихъ памятниковъ. Ему „жалко и даже до слезъ жалко“, что не сохранились дѣянія одного собора конца XIII в. при митрополитѣ Максимѣ. Любя наше прошлое, Голубинскій болѣлъ о немъ. Его не только занималъ, онъ рассказываетъ, но и положительно мучилъ вопросъ о томъ, почему мы русскіе до Петра оставались народомъ не просвѣщеннымъ, а лишь грамотнымъ. Недостатокъ же просвѣщенія онъ справедливо признавалъ причиною многихъ церковныхъ нестроений въ древней Руси ¹⁾. У этого чувства Голубинскаго есть специфическая и весьма рѣдкая особенность. Онъ любитъ родное прошлое... но странною любовью, любовью научнаго, объективнаго безпристрастія. Какъ человекъ искренній и правдивый, онъ представляетъ только одну форму отношенія къ наукѣ, форму безусловной правдивости и полной откровенности. Въ немъ слишкомъ развита была научная совѣсть, и интересы науки для него святыня; высказанныя имъ научныя положенія—его дорогія и глубокія убѣжденія. Нашего историка возмущаютъ незаслуженныя похвалы прошлому, это невѣжественное самодовольство, покоящееся на принятыхъ на вѣру основаніяхъ. Намѣренная же ложь, завѣдомое укрывательство горькой правды его приводитъ въ негодованіе. Тогда онъ становится рѣзокъ. Голубинскій издалъ въ 1892 г. книгу о преподобномъ Сергіи, и на эту книгу въ журналѣ „Странникъ“ появилась анонимная рецензія, крайне оскорбительная для покойнаго ученаго. Когда этотъ ано-

¹⁾ Голубинскій пишетъ: „У насъ... еще и до сихъ поръ не вошло въ общее и живое сознаніе всѣхъ, что намъ настоятельно необходимо просвѣщеніе, что какъ въ государствѣ, такъ и въ церкви оно составляетъ ту первооснову, на которой зиждется все“.

нимный врагъ спрашивалъ Голубинскаго: какой наукѣ онъ служить, нашъ историкъ отвѣчалъ ему. „Исторія бываетъ трехъ родовъ: *тупая*, принимающая все, что оставило намъ прошлое время съ именемъ историческаго матеріала, за чистую монету и поэтому рассказывающая бабьи басни; *лгущая*, которая не обманывается сама, но обманываетъ другихъ, которая изъ разныхъ практическихъ побужденій представляетъ бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ, хулить достойное похвалы и хвалитъ достойное порицанія и т. д., и *настоящая*, которая стремится къ тому, чтобы по возможности вѣрно и по возможности обстоятельно узнавать прошлое и потомъ стараться такъ же вѣрно и обстоятельно воспроизводить его. Предоставляя желающимъ и произволяющимъ быть сторонниками исторіи тупой или лгущей, я съ своей стороны есмь горячій почитатель исторіи настоящей“. И это правда. Исторія Голубинскаго не только учитъ, она воспитываетъ читателя, создавая въ немъ доброе, правдивое настроеніе. Въ этомъ отношеніи она самый лучшій трудъ въ нашей литературѣ; и въ настоящій моментъ, когда русская церковная жизнь задаетъ столько мучительныхъ вопросовъ, удобнѣе всего взять за руководство трудъ нашего историка.

Отдавая должное достоинствамъ капитальнаго труда покойнаго учителя, я оскорбилъ бы его память, если бы умолчалъ о недостаткахъ его Исторіи, которые отмѣчались не враждебными ему людьми, предъявлявшими ненаучныя и внѣнаучныя требованія, — считаться съ ними, конечно, не слѣдуетъ, — а учеными авторитетами, у которыхъ не имѣлось основаній быть пристрастными. Строгимъ критикомъ Исторіи Голубинскаго былъ покойный В. О. Ключевскій, офиціальнй рецензентъ этого труда. Указывая рядъ достоинствъ труда, дѣлающихъ его „замѣчательнымъ явленіемъ нашей исторической литературы“ и искупающихъ его недостатки, отмѣтивъ, что оригинальные выводы Голубинскаго, безъ сомнѣнія, не пройдутъ безслѣдно въ русской исторической наукѣ и нѣкоторые изъ нихъ помогутъ болѣе правильному пониманію того, какъ возникла и шла въ первое время христіанская жизнь Руси, Ключевскій замѣчаетъ. „Но между этими выводами найдутся и такіе, которые едва ли будутъ приняты исторической критикой. Это — выводы, составившіеся подъ исключительнымъ вліяніемъ двухъ особенностей, которыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отличается изслѣдованіе автора: это, во-первыхъ, его склонность, такъ сказать, уединять церковно-историческія явленія отъ ихъ обстановки, разсматривать ихъ внѣ связи съ исторической средой, въ которой они возникали, и во-вторыхъ — его историко-критическій скеп-

тицизмъ, излишняя иногда подозрительность, съ которой онъ относится къ источникамъ нашей исторіи“. Въ послѣднихъ словахъ своихъ Ключевскій разумѣлъ, вѣроятно, уставы князей, полнота которыхъ и историческую цѣнность отвергалъ Голубинскій, что потомъ оспаривалъ Ключевскій на его диспутѣ.—Покойный византинистъ Васильевскій называетъ Исторію Голубинскаго „капитальнымъ трудомъ, задуманнымъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и поражающимъ читателя громадностью начитанности и эрудиціи, но иногда также и нѣкоторою своеобычностью приѣмовъ изслѣдованія, представляющихъ странное смѣшеніе методической критики съ какимъ-то воинственнымъ резонерствомъ“¹⁾.—Встрѣчаются въ Исторіи крупныя ошибки, значительно понижающія цѣнность цѣлыхъ ея отдѣловъ. Такова отмѣченная покойнымъ канонистомъ Павловымъ ошибка Голубинскаго относительно такъ называемаго Устава митрополита Георгія (на самомъ дѣлѣ ему не принадлежащаго), на основаніи котораго покойный историкъ характеризовалъ во 2 пол. I тома Исторіи церковно-богослужебные и каноническіе порядки кievскаго періода.—Къ этому надо прибавить, что Исторія Голубинскаго уже до нѣкоторой степени устарѣла: можно отмѣтить рядъ новыхъ открытій въ области древней письменности, неизвѣстныхъ Голубинскому; появился рядъ работъ, исправляющихъ тѣ или другія части его труда.

Но для насъ несомнѣнно слѣдующее. И строгіе судьи Голубинскаго не отрицаютъ выдающихся достоинствъ труда его, которыя съ излишкомъ искупаютъ всѣ недостатки. Трудъ Голубинскаго старѣетъ, но несомнѣнно, что работы въ области древнерусской исторіи и письменности въ значительной степени теперь опираются на него же,—значитъ, онъ сдѣлалъ свое дѣло: послужилъ прогрессу науки; а случается и такъ, что современные изслѣдователи новымъ путемъ и при помощи новыхъ матеріаловъ приходятъ въ общемъ къ тѣмъ же выводамъ, что и Голубинскій съ его „своеобычностью приѣмовъ изслѣдованія“. А это показываетъ, какой огромный талантъ, какую историческую прозорливость имѣлъ покойный ученый. И мы думаемъ, что еще долго Исторія русской церкви Голубинскаго останется самымъ лучшимъ трудомъ по этой наукѣ: могутъ появиться историки ученые и трудолюбивые какъ Голубинскій, но едва ли кто превзойдетъ его силою критическаго таланта, и сравняется съ нимъ въ самоотверженности и мужествѣ, прямотѣ и правдивости—въ величій научнаго подвига.

С. Смирновъ.

¹⁾ Русско-Византійскія изслѣдованія, II. стр. CLX.

Профессоръ Н. И. Субботинъ.

Николай Ивановичъ Субботинъ

(13 Ноября 1827 г.—30 мая 1905).

Николай Ивановичъ Субботинъ—сынъ протоіерея стараго Покровскаго собора г. Шуи Владимирской губерніи. Низшее образованіе получилъ въ Шуйскомъ духовномъ училищѣ, среднее—въ Владимирской духовной семинаріи, въ которой обучался съ 1842 г. по 1848 г. Въ „свидѣтельствѣ“, выданномъ Владимирскимъ семинарскимъ правленіемъ 16 Августа 1848 г. Н. И., отмѣченъ способностей „отлично хорошихъ“, прилежанія „весьма ревностнаго“ и поведенія „примѣрнаго“. Успѣхи же его аттестованы такимъ образомъ; св. писаніе, богословіе, церковная археологія, логика и психологія, словесность, всеобщая исторія, російская гражданская исторія, математика, физика—„отлично хорошо“; церковно-библейская исторія, исторія російской церкви, патристика, каноническое право, медицина, сельское хозяйство, естественная исторія, греческій и латинскій языки—„весьма хорошо“, нѣмецкій и французскій языкъ—„очень хорошо“¹⁾.

Какъ одного изъ лучшихъ учениковъ, семинарское правленіе рекомендовало Н. И.—ча для поступленія въ Московскую духовную академію²⁾. Рекомендованные ученики, въ томъ числѣ и Субботинъ, были отправлены въ академію „въ собственной ихъ одеждѣ, съ выдачей имъ по три пары бѣлья, по одной косынкѣ, по парѣ полусапожекъ и подтяжекъ, а на устроеніе каждому изъ нихъ сюртука, брюкъ, жилета, и шинелей „правленіе препровождало въ академію по 34 р. 28 ¹/₂ коп. на каждыаго, всего 137 р. 14 коп.“³⁾.

1) Подлинное „свидѣтельство“ въ дѣлахъ внутр. правленія М. д. акад. 1848 г.

2) Всего назначено было 4 воспитанника соотвѣтственно вызову академіи: высшаго I-го отдѣленія Николай Субботинъ и Владимиръ Цвѣтковъ, высшаго 2-го отдѣленія Павелъ Калліопинъ и высшаго 3-го отдѣленія Василій Соловьевъ.

3) Отношеніе правленія Владимир. семинаріи отъ 16 авг. 1848 г. № 523, въ дѣлахъ внутр. правл. М. д. академіи 1848 г.

На 60 вакансій XVIII курса къ экзамену явилось всего 59 воспитанниковъ семинаріи. Изъ нихъ 45 было присланныхъ семинарскими правленіями, а 14 волонтеровъ. Экзамены производились съ 17 авг. по 2-е сентября по наукамъ богословскимъ, философскимъ, церковной исторіи, языкамъ: еврейскому, латинскому, греческому, нѣмецкому и французскому. Кромѣ того, поступавшіе писали три сочиненія—одно на латинскомъ языкѣ и два на русскомъ. Составъ курса послѣ экзаменовъ опредѣлился въ 53 студента. Шести воспитанникамъ, признаннымъ на испытаніяхъ „слабыми“, было отказано въ приѣмъ. Въ общемъ списокѣ сформировавшагося новаго курса студентовъ Н. И—чъ занялъ 4-ое мѣсто ¹⁾. Изъ своихъ же владимирскихъ товарищей Н. И. сдалъ экзамены наиболѣе удачно ²⁾.

Свѣдѣнія о студенческихъ годахъ Н. И—ча у насъ незначительныя. Изъ донесенія инспектора академіи іеромонаха Сергія и помощника его Дм. Левитскаго, отъ 2 октября 1848 г., мы знаемъ только, что Субботинъ вскорѣ по поступленіи въ академію въ числѣ 3-хъ студентовъ своего отдѣленія заслужилъ „особенно добрый отзывъ“ начальства „мягкостью и общительностью нрава“ ³⁾.

Въ 1852 г., въ послѣдній годъ студенчества Субботина, Н. И—чъ рекомендуется инспекціей правленію академіи со стороны „примѣрнаго благонравія“ (вмѣстѣ съ В. Кудрявцевымъ и М. Шавровымъ), а также со стороны „полезнаго прохожденія должности старшихъ“ ⁴⁾.

При окончаніи курса академіи Н. И—чъ почти у всѣхъ преподавателей въ частныхъ ихъ спискахъ значился въ 1-мъ разрядѣ, занимая по богословскимъ наукамъ, по церковной словес-

¹⁾ Первымъ поступилъ Викторъ Кудрявцевъ, 2-мъ Иванъ Поспѣловъ, 3-мъ Михаилъ Середонинъ.

²⁾ В. Цвѣтковъ поступилъ 18-мъ, В. Соловьевъ 51-мъ, А. Калліопинъ попалъ въ число „слабо“ сдавшихъ экзамены и былъ признанъ академическимъ правленіемъ „неблагонадежнымъ къ прохожденію академическаго ученія“. На его мѣсто правленіе академіи приняло Николая Колоколова, волонтера тоже Владимирской семинаріи, выдержавшаго экзамень 23-мъ.—Представленіе правленія М. д. академіи отъ 3 сент. 1848 г. № 281 м. Филарету, въ дѣлахъ внутр. правл. академіи 1848 г.

³⁾ Изъ двухъ другихъ—Иванъ Поспѣловъ признавался заслуживающимъ похвалы за „кротость и примѣрное послушаніе“, Сергій Миролюбовъ—за „скромность и вниманіе къ своему долгу“.—Донес. отъ 2 окт. 1848 г., въ дѣлахъ внутр. правл. акад. 1848 г.

⁴⁾ Донесеніе инспектора акад. арх. Сергія отъ 5 марта и отъ 10 мая 1852 г., въ дѣлахъ вн. правл. акад. 1852 г.

ности, по гражданской исторіи, греческому языку *второе мѣсто*, по св. писанію, церковной исторіи *третье мѣсто*, по философскимъ наукамъ, всеобщей словесности, по физико-математическимъ наукамъ *четвертое мѣсто*, по нѣмецкому языку *двадцатое мѣсто*, и только по еврейскому языку второе мѣсто во 2-мъ разрядѣ, отъ начала же—17-е. Изъ 6 семестровыхъ сочиненій Н. И—ча четыре поставлены въ рубрикѣ „очень хорошихъ“, одно значитя „хорошимъ“ и одно „довольно хорошимъ“. Изъ 3-хъ проповѣдей двѣ отмѣчены „очень хорошими“, одна „хорошею“; экзаменическія сочиненія всѣ три—богословскаго, историческаго и богословскаго содержанія на латинскомъ языкѣ—оцѣнены первымъ балломъ, высшимъ (1). По общей суммѣ успѣховъ и поведенію Н. И—чъ занялъ въ списокѣ *третье мѣсто* ¹⁾.

Изъ 45 студентовъ, окончившихъ академію въ 1852 г., сочиненія ²⁾ 22-хъ студентовъ 1-го разряда были признаны „дойстойными степени магистра“ (богословскихъ наукъ), въ томъ числѣ и сочиненіе Н. И. Субботина на тему „О заслугахъ духовенства въ отношеніи къ верховной власти въ Россіи“ ³⁾. Утвержденіе же въ степени магистра Н. И-ча, какъ и другихъ его товарищей, послѣдовало въ Св. Синодѣ лишь 12 ноября 1854 г. послѣ прочтенія сочиненій архіереями и представленія отзывовъ о нихъ ⁴⁾.

По окончаніи академическаго курса Субботинъ поступилъ на службу (1852 г. 21 октября) въ Виѣанскую семинарію учителемъ церковной исторіи и церковнаго законовѣдѣнія въ высшемъ отдѣленіи и церковно-библейской исторіи въ среднемъ отдѣленіи семинаріи. Въ слѣдующемъ году ему пришлось соединить съ преподавательствомъ обязанности помощника инспектора семинаріи. Но 2 ноября 1855 г. оставилъ уже семинарію, получивъ мѣсто бакалавра въ Московской духовной академіи по библейской герменевтикѣ и ученію о вѣроисповѣданіяхъ, ересьяхъ и расколахъ. Здѣсь

1) Первое—В. Кудрявцевъ, второе—М. Шавровъ, поступившій въ академію 20-мъ.—Списки студ. XVIII курс., въ дѣлахъ внутр. правл. академіи 1852 г.

2) „Опись“ ихъ находится въ дѣлахъ внутр. правл. М. д. акад. 1852 г.

3) Съ такимъ заглавіемъ значитя магистер. сочиненіе въ „Описи“ сочиненій студентовъ XVIII курса, признанныхъ достойными степени магистра. Въ списокѣ сочиненій Субботина, помѣщенномъ въ „Богослов. Вѣст.“ (1902 г. № 12 стр. 510) магистерскою диссертацией Субботина названо сочиненіе его „Объ отношеніяхъ духовенства русскаго къ князьямъ съ XI в. до половины XV в.“ Сочиненіе это, нужно полагать, то же, которое значитя и въ „Описи“; измѣнено только заглавіе. Съ послѣднимъ, измѣненнымъ заглавіемъ Н. И—чъ напечаталъ его въ Прибавл. къ Твор. св. от., 1858 г., т. XVII.

4) Дѣло конференціи М. д. академіи 1854 г. № 9.

такъ же, какъ и въ семинаріи, Н. И—чъ вскорѣ (въ 1857 г.) сдѣлался помощникомъ инспектора, оставаясь бакалавромъ ¹⁾.

24 февраля 1859 г. Н. И—чъ удостоенъ былъ званія экстраординарнаго профессора академіи. Года полтора спустя послѣ сего, именно въ половинѣ сентября 1860 г. состоялось перемѣщеніе Субботина съ должности помощника инспектора на должность помощника бібліотекаря, а помощника бібліотекаря архимандрита Михаила на вакансію помощника инспектора. Со стороны содержанія, повидимому, выгоднѣе было занимать должность помощника инспектора: жалованье помощника инспектора равнялось 143-мъ рубл., а жалованье помощника бібліотекаря 128 руб. Конечно, обязанности неодинаковыя и предпочтеніе однѣхъ другимъ зависитъ отъ личнаго расположенія. Но въ дѣлахъ мы не встрѣчаемъ слѣдовъ добровольной перемѣны Н. И—чемъ одной должности на другую. Напротивъ, представленіе академическаго правленія скорѣе наводитъ на мысль, что перемѣщеніе совершилось по усмотрѣнію самого правленія, признавшаго „полезнымъ“ такое перемѣщеніе ²⁾. 14 ноября 1862 г. послѣдовало назначеніе Субботина бібліотекаремъ академіи. Въ этой должности Субботинъ оставался до 17 мая 1864 г., когда онъ былъ опредѣленъ секретаремъ комитета для цензуры духовныхъ книгъ. 16 января 1866 г. Субботинъ просилъ однако конференцію академіи ходатайствовать объ увольненіи его отъ секретарской должности цензурнаго комитета „по разстройству здоровья“, вслѣдствіе чего онъ считалъ затруднительнымъ для себя совмѣщеніе профессуры съ посторонними занятіями. М. Филаретъ выразилъ свое согласіе на представленіе конференціи (24 янв. 1866 г.) ³⁾.

30 мая 1869 г. состоялось высочайшее утвержденіе новаго устава духовныхъ академій. По этому уставу изъ ученія о вѣроисповѣданіяхъ, преподававшася Субботинымъ, выдѣлялась самостоятельная кафедра „исторіи и обличенія русскаго раскола“. Субботинъ перешелъ теперь на расколъ. Фактически это совершилось въ 1870 г., къ которому Св. Синодъ приурочилъ введеніе новаго устава въ Московской академіи. Тогда же Субботинъ былъ избранъ членомъ совѣта академіи отъ церковно-историческаго отдѣленія ⁴⁾.

1874 годъ является весьма замѣтнымъ въ жизни Субботина. Въ это время Н. И—чъ оканчиваетъ обширное произведеніе

¹⁾ Дѣло внутр. правл. М. д. академіи 1857 г. № 37.

²⁾ Дѣло внутр. правл. М. д. академіи 1860 г. № 44.

³⁾ Дѣло конференціи М. д. академіи 1866 г. № 4.

⁴⁾ Журналь М. д. академіи 1870 г. стр. 4—8.

„Исторія Бѣлокриницкой іерархіи“ (т. I, М. 1874 г., стр. I—XVI+I—516+I—144). Одновременно тотъ же матеріаль онъ печатаетъ безъ приложеній и съ нѣкоторыми измѣненіями въ текстъ подъ другимъ заглавіемъ: „Происхожденіе, такъ называемой, Австрійской или Бѣлокриницкой іерархіи. Историческое изслѣдованіе“ (М. 1874 г., стр. I—XXXII+I—512). Последнее изданіе предпринято было авторомъ, по собственному его объясненію, съ цѣлью дать цѣльное и законченное рѣшеніе одного опредѣленнаго вопроса, въ виду важности его, и чтобы представить означенное сочиненіе на соисканіе ученой степени ¹⁾).

Дѣйствительно, 22 января 1874 г. Н. И. подалъ означенный свой трудъ на степень доктора богословія. Оффиціальными рецензентами были назначены ректоръ академіи протоіерей А. В. Горскій и экстраординарный профессоръ Е. Е. Голубинскій. Отзывы рецензентовъ остались ненапечатанными, но въ дѣлахъ академіи они сохранились ²⁾).

Протоіерей Горскій разбираетъ въ своемъ отзывѣ сочиненіе Субботина съ полемической точки зрѣнія и приходитъ къ признанію справедливости выводовъ автора, что учрежденіе Бѣлокриницкой іерархіи „противорѣчитъ основнымъ понятіямъ объ истинной богоучрежденной іерархіи въ церкви Христовой“ и что сочиненіе Субботина „дѣйствительно можетъ служить яснымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ неправильности и незаконности Бѣлокриницкой іерархіи“.

Болѣе любопытный отзывъ далъ знаменитый историкъ русской церкви. Отзывъ его сохраняетъ полное значеніе и до настоящаго времени. А такъ какъ этотъ отзывъ по объему не великъ и такъ какъ касается онъ болѣе капитальнаго произведенія Субботина, въ которомъ притомъ съ особенной яркостью отпечатлѣлись свойства церковно-историческихъ работъ уважаемаго профессора, то мы считаемъ не излишнимъ привести его въ полномъ видѣ.

„Сочиненіе г. Субботина, пишетъ Евгеній Евсигнеевичъ, едва ли можетъ быть признано ученымъ историческимъ изслѣдованіемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Ничего не изслѣдуя, да и по самой сущности предмета и не имѣя что изслѣдовать, авторъ представляетъ въ своей „Исторіи“ болѣе простую литературную обработку находящихся въ его распоряженіи документовъ и бумагъ, какъ и самъ онъ въ этомъ сознается въ изданіи книги, назначенномъ для публики (Предисл. стр. XIII и XIV). Въ изда-

¹⁾ Происхожденіе Бѣлокрин. іерархіи, предисл. стр. 1.

²⁾ Дѣло Совѣта М. д. академіи 1874 г., № 9.

ніи, назначенномъ для соисканія степени доктора, правда, говорится объ ученой обработкѣ, историческомъ изученіи, историческомъ изысканіи: но то и другое и третье указать въ книгѣ не особенно легко.

Нисколько не оспаривая того, что документы и бумаги находящіеся въ распоряженіи автора, представляютъ собой весьма важный матеріаль для исторіи происхожденія Бѣлокриницкой іерархіи, мы не можемъ однако согласиться, чтобы историческій рассказъ, составленный на основаніи ихъ однихъ, имѣлъ право претендовать, какъ этого хочетъ авторъ, на совершенную достовѣрность. Документы идутъ всѣ съ одной стороны, именно со стороны раскольничьей. То, что въ нихъ есть оффиціального, конечно, совершенно надежно относительно внѣшней исторіи фактовъ и ихъ хронологіи. Но важнѣе оффиціальныхъ бумагъ, которыя по самому существу своему, даютъ сравнительно немногое и относятся не къ главному, частныя записки раскольниковъ, а объ этихъ то послѣднихъ и нельзя сказать, чтобы правдивость ихъ не подлежала сомнѣніямъ. Что многое или по крайней мѣрѣ иное, не бывъ скрыто, представлено вовсе не такъ, какъ было въ дѣйствительности, все это весьма возможно. А между тѣмъ авторъ не имѣлъ возможности всего этого повѣрить, и очень можетъ быть, что въ иныхъ случаяхъ введенъ былъ своими источниками въ заблужденіе.

Странно, что авторъ, поставивъ себѣ задачею написать возможно полную и возможно достовѣрную исторію происхожденія Бѣлокриницкой іерархіи, не вспомнилъ о другихъ источникахъ, которые, нѣтъ сомнѣнія, оказали бы ему весьма большую услугу. Мы разумѣемъ оффиціальныя бумаги нашего правительства, относяціяся къ этому предмету и находяціяся въ архивѣ Министерства Внутреннихъ или Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Такъ какъ онъ ничего не говоритъ о нихъ, то предполагаемъ, что и не дѣлалъ попытки получить къ нимъ доступъ.

Какъ бы то ни было, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что книга г. Субботина имѣетъ весьма важное историко-полемическое значеніе.

Учрежденіе Бѣлокриницкой іерархіи, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ въ исторіи бѣглопоповства событіе величайшей важности. Чтобы вести о ней сколько-нибудь основательныя пренія съ раскольниками, для этого, очевидно, между прочимъ нужно знать обстоятельнымъ образомъ исторію ея основанія. Но этого то знанія до сихъ поръ и не доставало. Доселѣ мы знали исторію учрежденія помянутой іерархіи не только весьма мало, но въ

иномъ даже невѣрно и совершенно превратно. Пользуясь невѣрными свѣдѣніями, которыя съ умысломъ или безъ умысла были распространены прежними повѣствователями, мы противъ своего вѣдома опирались въ полемикѣ о ней съ раскольниками на такія основанія, которыя въ дѣйствительности не существуютъ, чѣмъ достигали только того, что подавали раскольникамъ поводъ укорять насъ въ клеветѣ и намѣренной лжи. Съ другой стороны, имѣя свѣдѣнія слишкомъ недостаточныя, мы не могли пользоваться всѣми тѣми возраженіями, которыя представляетъ дѣйствительность. Книга г. Субботина съ одной стороны представляетъ намъ исторію Бѣлокриницкой іерархіи тщательно очищенною отъ всего того, что привнесено въ нее невѣрнаго не со стороны раскольниковъ, а съ другой стороны сообщаетъ и излагаетъ ее настолько полно, что теперь, можно сказать, мы имѣемъ всѣ пособія, которыя исторія можетъ доставить полемикѣ.

Можно спорить съ авторомъ, дѣйствительно ли была нужна та чрезмѣрная полнота, съ которою онъ излагаетъ исторію происхожденія Бѣлокриницкой іерархіи, но во всякомъ случаѣ она приноситъ величайшую честь его трудолюбію и усердію. Не всегда и не вездѣ водится онъ дѣйствительной потребностью и соблюдаетъ надлежащую мѣру, но во всякомъ случаѣ онъ сообщаетъ самыя подробныя біографическія свѣдѣнія о всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ лицахъ, принимавшихъ участіе въ учрежденіи помянутой іерархіи, самыя подробныя историческія свѣдѣнія о всѣхъ частныхъ, и даже частнѣйшихъ событіяхъ, изъ которыхъ слагается цѣлая исторія. Мы еще болѣе будемъ цѣнить труды автора, когда вспомнимъ, что матеріалы его были не печатныя, а рукописныя, и что многіе изъ нихъ были на иностранномъ языкѣ. Вообще, благодаря г. Субботину, мы имѣемъ въ его книгѣ дѣйствительно возможно-полную исторію происхожденія Бѣлокриницкой іерархіи, хотя быть можетъ, еще и не совершенно достовѣрную.

Не свободная отъ нѣкоторыхъ указанныхъ нами недостатковъ, книга г. Субботина имѣетъ не оспоримыя достоинства. Вполнѣ цѣня ихъ, а равнымъ образомъ цѣня и то, что авторъ при своемъ трудѣ имѣлъ самыя благія цѣли, я нахожу, что онъ долженъ быть удостоенъ степени доктора богословія“.

Согласно отзывамъ рецензентовъ Совѣтъ академіи „единогласно“ опредѣлилъ допустить сочиненіе Субботина до публичной защиты. На диспутѣ, кромѣ оффиціальныхъ оппонентовъ-помянутыхъ рецензентовъ, возражателями выступали и другія лица: авторъ „Очерковъ поповщины“ П. И. Мельниковъ, состоявшій тогда до-

центомъ академіи В. О. Ключевскій, московскій протоіерей В. П. Нечаевъ и авторъ изслѣдованія „О Θεодоритовомъ словѣ“ священникъ І. Г. Виноградовъ. Совѣтъ единогласно призналъ защиту „удовлетворительной“, и Н. И. былъ удостоенъ степени доктора богословія ¹⁾.

Вслѣдъ затѣмъ Субботинъ былъ избранъ членомъ Совѣта академіи на новое четырехлѣтіе, съ 15 авг. 1874 г. ²⁾. А 6 сентября 1874 г. ректоръ протоіерей Горскій внесъ въ общее собраніе Совѣта предложеніе относительно избранія Субботина ординарнымъ профессоромъ академіи, въ виду двухъ свободныхъ ординатуръ и въ виду того, что Субботинъ „многолѣтнимъ постоянно усерднымъ служеніемъ при академіи, весьма важными успѣхами въ разрабатываніи исторіи русскаго раскола и многочисленными учеными трудами своими по этому предмету, изданными въ свѣтъ и заслужившими общее уваженіе въ церковно-исторической литературѣ нашей, давно пріобрѣлъ себѣ право на званіе ординарнаго профессора академіи“ ³⁾. 8 сентября состоялась баллотировка, давшая Субботину 10 избирательныхъ голосовъ противъ 2-хъ неизбирательныхъ. 1 ноября того же года получился синодальный указъ объ утвержденіи Субботина въ званіи ординарнаго профессора академіи ⁴⁾.

22 ноября Совѣтъ академіи избралъ Субботина помощникомъ ректора академіи по церковно-историческому отдѣленію ⁵⁾. Здѣсь возникло недоразумѣніе. Помощники ректора избирались на 4 года. Но, по уставу, профессора по истеченіи 25 лѣтъ ихъ преподавательской службы могли оставаться въ академіи на слѣдующее пятилѣтіе „не иначе, какъ послѣ новаго избранія ихъ въ Совѣтъ“. Являлся вопросъ, считать ли для выслуги 25 лѣтъ одну академическую службу или и предшествующую вообще преподавательскую. Если считать только одну академическую, то двадцатипятилѣтіе служебной карьеры Субботина исполнялось 2 ноября 1880 г., и тогда избраніе его помощникомъ ректора сохраняло бы полную свою силу на все четырехлѣтіе. Если же въ двадцати-пятилѣтній срокъ включать и преподавательскую службу въ семинаріи, то двадцатипятилѣтіе службы Субботина оканчивалось 21 октября 1877 г. Тогда и срокъ прохожденія имъ должности помощника ректора дол-

¹⁾ Журналы Совѣта М. д. академіи 1874 г., стр. 38—40, 51—52, 112—113.

²⁾ Журн. Совѣта М. д. академіи 1874 г., стр. 81.

³⁾ Журн. Совѣта М. д. акад. 1874 г., стр. 134—135.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 161, 205.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 220—221.

женъ былъ сокращаться (до 21 октября 1877 г.). Совѣтъ запросилъ разъясненій у „высшаго начальства“¹⁾. По

§ 59 академическаго устава баллотировку профессоровъ и прочихъ преподавателей надлежало производить „по истеченіи двадцати пяти лѣтъ ихъ преподавательской службы“, — сказано вообще „преподавательской службы“, а не службы только въ академіи. На этомъ основаніи Учебный Комитетъ высказалъ мнѣніе, что въ срокъ преподавательской службы Субботина слѣдуетъ включать и службу его въ Виѳанской семинаріи и поэтому срокъ службы его въ должности помощника ректора долженъ оканчиваться 21 октября 1877 г. Св. Синодъ, утвердивъ Субботина помощникомъ ректора, принялъ въ отношеніи срока заключеніе Учебнаго Комитета²⁾.

По окончаніи докторской диссертациі Н. И. съ конца 1874 г. начинается изданіе ряда чрезвычайно цѣнныхъ документовъ, составившихъ впоследствии девять томовъ „Матеріаловъ для исторіи раскола за первое время его существованія.“

Съ 1875 г. Н. И-чъ выступаетъ въ качествѣ редактора журнала „Братское Слово“, обогатившаго потомъ науку о расколѣ многими весьма важными произведеніями. Въ 1877 г., по выслугѣ двадцатипятилѣтія преподавательской службы Субботинъ былъ избранъ Совѣтомъ академіи еще на пять лѣтъ профессоромъ и на четыре года помощникомъ ректора³⁾. Съ 20 января 1879 г. Субботинъ, по выбору Совѣта, сдѣлался однимъ изъ редакторовъ академическаго журнала „Творенія св. отцевъ съ прибавленіями“⁴⁾.

2 ноября 1880 г. исполнилось 25 лѣтъ службы Н. И-ча при академіи, и онъ получилъ званіе „заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи“⁵⁾. А ректоръ протоіерей Смирновъ, по случаю юбилея Субботина, представилъ его къ чину IV класса. Вотъ какъ читается самое представленіе.

„Ординарный профессоръ Николай Субботинъ, состоящій на духовно-училищной службѣ 28 лѣтъ, а на службѣ при академіи 25 лѣтъ, съ примѣрнымъ усердіемъ и любовью трудится надъ разработкой своей науки и обладаетъ совершеннымъ знаніемъ какъ исторіи раскола, такъ и искусствомъ въ обличеніи заблужденій мнимыхъ ревнителѣй старой вѣры. Не довольствуясь теоретическимъ изученіемъ своего предмета по первоисточ-

1) Тамъ же, стр. 220—221.

2) Журн. Совѣта М. д. акад. 1875 г., стр. 23—26.

3) Журн. Совѣта М. д. ак. 1877, стр. 166—167, 202—203.

4) Журн. Совѣта М. д. ак. 1879 г., стр. 6.

5) Журн. Совѣта М. д. ак. 1880 г., стр. 211—218.

никамъ и изложеніемъ его предъ академическими слушателями, онъ вошелъ въ ближайшее сношеніе съ возсоединенными съ православною церковью бывшими расколоучителями, чтобы познакомиться съ предметомъ его занятій въ настоящемъ его состояніи и перейти изъ научной области на поприще практическаго дѣйствованія, что сопровождается несомнѣнною пользою какъ для преподаваемой имъ науки, такъ и для изучающихъ оную. Его записки о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ, напечатанныя въ повременныхъ изданіяхъ и отдѣльно, изданіе матеріаловъ для исторіи раскола съ научными примѣчаніями и другія изслѣдованія по исторіи раскола оказали несомнѣнную услугу для духовной науки и Церкви Православной. Въ должности помощника ректора Субботинъ отличается неослабнымъ усердіемъ въ исполненіи своихъ обязанностей.“ Митрополитъ Макарій выразилъ согласіе на представленіе ¹⁾, и Субботинъ ко дню Св. Пасхи (1881 г.) былъ высочайше пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника ²⁾.

Въ ноябрѣ 1881 г. окончился четырехлѣтній срокъ исполненія Субботинымъ должности помощника ректора. При баллотировкѣ на новый срокъ оказывалось теперь на церковно-историческомъ отдѣленіи еще два кандидата, помимо Субботина: Е. Е. Голубинскій и А. П. Лебедевъ. На баллотировкѣ въ отдѣленіи Лебедевъ получилъ 2 избирательныхъ и одинъ неизбирательный. Субботинъ и Голубинскій оба получили всѣ избирательные голоса. Надлежало по указу Синода отъ 3 сентября 1869 г. подвергнуть обоимъ кандидатовъ баллотированію въ Совѣтъ академіи. Но Голубинскій заявилъ, что онъ не желаетъ принимать на себя обязанности помощника ректора и отказывается отъ баллотировки. Остался такимъ образомъ избраннымъ опять Субботинъ. Тридцатилѣтній срокъ службы Субботина истекалъ 21 октября 1882 г., для оставленія на слѣдующее пятилѣтіе требовалось по уставу новое переизбраніе. Въ виду сего Совѣтъ ходатайствовалъ объ утвержденіи Субботина въ должности помощника ректора до 21 октября 1882 г. съ предоставленіемъ права ходатайствовать въ свое время объ утвержденіи Субботина въ должности помощника ректора, безъ повторенія баллотировки, въ случаѣ избранія его послѣ 21 октября 1882 г. на слѣдующее пятилѣтіе ³⁾. Синодъ однако утвердилъ Субботина помощникомъ ректора только до 21 октября

¹⁾ Дѣло Совѣта М. д. академіи 1880 г. № 24.

²⁾ Журн. Совѣта М. д. академіи 1881 г., стр. 47.

³⁾ Журн. Совѣта М. д. акад. 1881 г., стр. 215—218.

1882 г., отвергнувъ ходатайство Совѣта относительно дальнѣйшаго срока ¹⁾).

За нѣсколько дней до истеченія тридцатилѣтія службъ Субботина, именно 15 октября 1882 г., Совѣтъ академіи снова избралъ Субботина на слѣдующее пятилѣтіе въ качествѣ профессора и на четырехлѣтіе помощникомъ ректора. При этомъ произошло то же, что въ предшествующій разъ. Избраны были всѣми избирателями Субботинъ и Голубинскій. Но Голубинскій отказался отъ занятія должности помощника ректора. А третій кандидатъ Лебедевъ А. П. получилъ одинъ голосъ неизбирательный. Субботинъ и былъ утвержденъ въ должности помощника ректора Св. Синодомъ ²⁾).

Въ этой должности онъ оставался до 1883 г. Въ сентябрѣ 1883 г. Субботинъ подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности помощника ректора и редактора („члена редакціоннаго комитета“) журнала „Творенія св. отцевъ“. Та и другая просьба была удовлетворена,—первая Св. Синодомъ, вторая самимъ академическимъ Совѣтомъ ³⁾).

Отказавшись отъ должности помощника ректора, Субботинъ однако баллотировался вмѣстѣ съ другими кандидатами въ члены частныхъ собраній Совѣта отъ церковно-историческаго отдѣленія на четыре года и получилъ избирательныхъ голосовъ больше другихъ кандидатовъ: 3 избирательныхъ и одинъ неизбирательный ⁴⁾. Когда вскорѣ затѣмъ Св. Синодъ упразднилъ должности помощниковъ ректора и участіе въ правленіи лицъ, занимавшихъ эти должности, замѣнилъ 3-мя членами изъ ординарныхъ профессоровъ, избираемыхъ безсрочно, Субботинъ баллотировался (14 іюня 1884 г.) въ члены академическаго правленія и былъ избранъ вмѣстѣ съ Кудрявцевымъ и Голубинскимъ ⁵⁾.

Въ 1884 г. Субботину пожалованъ былъ орденъ Станислава 1-й степени ⁶⁾).

1894 г. былъ послѣднимъ годомъ академической службы Н. И—ча. Въ іюль этого года св. Синодъ утвердилъ представленіе московскаго митрополита „объ учрежденіи при Московской Академіи стипендіи имени настоятеля Никольскаго единоуврче-

1) Журн. Совѣта М. д. академіи 1882 г., стр. 15—16.

2) Журн. Совѣта М. д. акад. 1882, стр. 187—189; 1883, стр. 3—4.

3) Журналъ Совѣта М. д. ак. 1883 г., стр. 113—114, стр. 168—169.

4) Ключевскій, Касицынъ и Каптеревъ получили по 3 неизбирательныхъ и 1 избирательному.—Журн. Совѣта М. д. акад. 1884, стр. 25—26.

5) Тамъ же, стр. 103.

6) Тамъ же, стр. 56.

скаго монастыря Архимандрита Павла и профессора Московской Духовной Академіи Николая Субботина на проценты съ поступившаго отъ Братства Святителя Петра Митрополита съ капитала, заключающагося въ 4⁰/₁₀₀ Государственной рентѣ на сумму 5800 руб.“ Стипендія, по утвержденному св. Синодомъ положенію, должна выдаваться въ теченіе четырехъ лѣтъ одному изъ студентовъ, „который будетъ изучать расколъ и писать кандидатское сочиненіе по исторіи русскаго раскола“ ¹⁾. А 30 августа того же года Субботинъ подалъ прошеніе объ отставкѣ по разстроенному здоровію ²⁾. По поводу выхода изъ академіи Н. И—ча ректоръ архимандритъ Антоній возбудилъ экстраординарное ходатайство о награжденіи Субботина, „въ правилъ“, чиномъ тайнаго совѣтника. Приэтомъ заслугамъ Субботина была дана такая характеристика.—„Профессоръ Субботинъ, отлично усердно исполнявшій свои преподавательскія обязанности въ теченіе 42-хъ лѣтъ, настолько выдѣлялся способностью одушевлять своихъ слушателей къ спеціальному изученію русскаго раскола, что ни по одному предмету въ Московской Академіи не писалось такого количества курсовыхъ диссертаций, какъ по этому; многіе изъ учениковъ профессора Субботина и дальнѣйшую свою жизнь посвятили на борьбу съ расколомъ въ качествѣ миссіонеровъ. Совмѣщая преподавательскія обязанности со званіемъ члена академическаго правленія, профессоръ Субботинъ всѣ свои досуги посвящалъ изданію миссіонерскаго журнала „Братское Слово“, коего редакторомъ и составителемъ едва ли не большинства статей былъ онъ самъ въ теченіе 19 лѣтъ. Кромѣ этого церковно-общественнаго изданія, проф. Субботинъ является издателемъ многочисленныхъ древнихъ актовъ Стоглаваго собора, соборовъ 1666-67 г.г., суда надъ Святѣйшимъ Патріархомъ Никономъ, матеріаловъ для исторіи раскола за первое время его существованія, а также и авторомъ ученыхъ къ нимъ примѣчаній и ученыхъ статей, на нихъ основанныхъ. Всякій, изучающій русскій расколъ, исторію его происхожденія и руководство къ обличенію его, не обойдется безъ содѣйственной помощи трудовъ Субботина, ни въ какомъ даже частномъ вопросѣ“ ³⁾.

Ходатайство о награжденіи Субботина имѣло благопріятный исходъ: Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ въ 6-й день ноября 1894 г. пожаловать Субботину чинъ тайнаго

¹⁾ Журн. Совѣта М. Д. ак. 1894 г. стр. 256—258.

²⁾ Тамъ же. стр. 261.

³⁾ Дѣло Совѣта М. д. акад. 1894 г. № 13.

совѣтника „за долговременную, отлично-усердную и полезную службу его, Субботина, по духовно-учебному вѣдомству“¹⁾.

Увольненіе же Субботина въ отставку послѣдовало нѣсколько раньше, именно 19 октября того же 1894 г.²⁾.

Оставивъ службу въ академіи, Н. И—чъ продолжалъ еще нѣкоторое время работать въ качествѣ редактора журнала „Братское Слово“, просуществовавшего до второй половины 1899 г. Продолжалъ также состоять членомъ Братства св. Петра и секретаремъ его. Секретарскія обязанности онъ сложилъ съ себя только въ 1901 г., когда сдѣлался товарищемъ предсѣдателя Братства.

Въ 1902 г. 21 октября Братство, благодарное Субботину за его дѣятельное къ нему вниманіе, праздновало пятидесятилѣтній юбилей научной и общественной дѣятельности его. Въ поднесенномъ Н. И-чу адресѣ оно лестно охарактеризовало его труды на пользу церковнаго просвѣщенія и миссіи. Въ то же время на страницахъ „Богословскаго Вѣстника“ былъ напечатанъ подробный „списокъ сочиненій и изданій профессора Н. И. Субботина, также редактированныхъ имъ, снабженныхъ его предисловіями и примѣчаніями сочиненій другихъ лицъ“³⁾.

Скончался Н. И-чъ 30 мая 1905 г. Предъ кончиной онъ выразилъ желаніе быть погребеннымъ въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, тамъ же, гдѣ находилась могила архимандрита Павла. Отпѣваніе совершалъ высокопреосвященный митрополитъ Владимиръ по единовѣрческому чину. Некрологъ о немъ написалъ преемникъ Н. И-ча по кафедрѣ И. М. Громогласовъ, отбывшій вмѣстѣ съ положительными качествами учено-общественной дѣятельности Н. И-ча и нѣкоторыя отрицательныя черты работъ и характера его⁴⁾.

Любопытныя свѣдѣнія о Н. И-чѣ содержатся въ его письмахъ К. П. Побѣдоносцеву и письмахъ послѣдняго къ нему. Письма эти завѣщаны Братству св. Петра и пока еще не всѣмъ доступны для пользованія. Несомнѣнно, впослѣдствіи, когда указанные письма и, можетъ быть, другіе документы сдѣлаются общимъ достояніемъ когда, наконецъ, само уходящее время дастъ возможность съ полнымъ спокойствіемъ смотрѣть на научную и общественную дѣятельность Н. И-ча, образъ профессора Субботина предстанетъ

1) Тамъ же, стр. 303.

2) Тамъ же.

3) Богосл. Вѣстн. 1902 г. т. III, стр. 552—575. Здѣсь описано и юбилейное торжество Субботина, стр. 509—551.

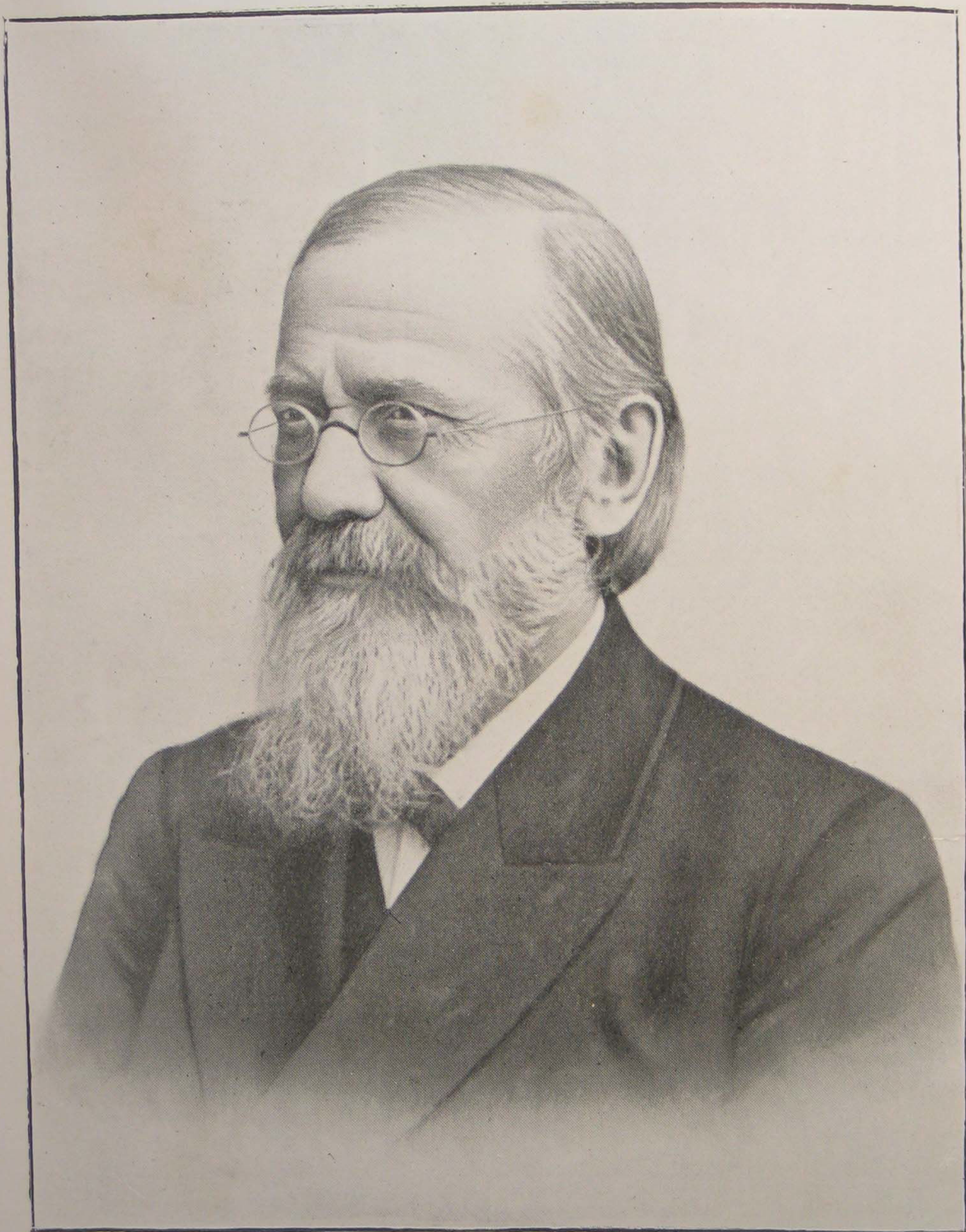
4) Богословскій Вѣстникъ 1905 г., июль-авг., стр. 678—681.

предъ читающей публикой съ большей яркостью, во всю его естественную величину. Однако, думаемъ, дополненія и поправки будутъ касаться второстепенныхъ сторонъ. Общее же выдающееся значеніе Н. И-ча для науки, изданіемъ источниковъ и собственными оригинальными произведеніями, можно сказать, создавшаго науку о расколѣ, уже и теперь ясно, и неоспоримо останется за нимъ навсегда.

Н. Лысогорскій.

Профессоръ В. О. Ключевскій.

ПРОФЕССОРЪ

Василій Осиповичъ Ключевскій.

(16 января 1841 г.—12 мая 1911 г.).

Генеалогію Василя Осиповича Ключевскаго удалось прослѣдить со второй половины XVIII в. Его пра-прадѣдъ былъ сельскимъ священникомъ, пра-прадѣдъ и дѣдъ были причетниками въ селѣ Ключахъ Чембарскаго уѣзда Пензенской губерніи, отсюда и фамилія „Ключевскіе“. Отецъ его Іосифъ Васильевичъ былъ священникомъ сначала въ селѣ Воскресенскомъ, а затѣмъ въ селѣ Можаровкѣ Пензенскаго уѣзда ¹⁾. Въ селѣ Воскресенскомъ 16 января 1841 г. родился Василій Осиповичъ. Первые, неизгладимыя на всю жизнь впечатлѣнія дѣтства были получены имъ подъ сѣнью сельской церкви, и можетъ быть отъ родного сельскаго храма В. О. унесъ теплое чувство къ церкви, которое въ немъ впослѣдствіи было замѣтно. Отецъ В. О—ча скончался 28 авг. 1850 г., оставивъ мальчика девятилѣтнимъ сиротою. Положеніе осиротѣлой семьи рѣзко измѣнилось. Мать В. О—ча Анна Ѳедоровна перебралась съ сыномъ и двумя дочерьми въ городъ Пензу, гдѣ у нея были родственники: она была дочерью пензенскаго протоіерея Ѳедора Мошкова. Средства Ключевскихъ были очень ограничены. Анна Ѳедоровна пріобрѣла въ Пензѣ небольшой домикъ, половину котораго она сдавала жильцамъ за три рубля въ мѣсяць, а въ другой половинѣ ютилась сама съ семьею. Въ сентябрѣ 1851 г. В. О. десяти лѣтъ отъ роду былъ отданъ во 2-й классъ Пензенскаго приходскаго училища. При поступленіи въ училище, онъ, какъ значилось въ отмѣткѣ о пріемѣ обнаружилъ слѣдующіе успѣхи: „обученъ читать правильно и быстро, писать порядочно, по нотамъ учиться началъ, знаетъ твердо краткую священную исторію и катихизисъ“ ²⁾.

¹⁾ Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1914, I, Матеріалы для біографіи В. О. Ключевскаго, 1—16.

²⁾ Ibid. 17.

Въ приходскомъ духовномъ училищѣ В. О. пробылъ годъ и въ сентябрѣ 1852 г. былъ переведенъ въ Пензенское уѣздное духовное училище, гдѣ обучался до іюля 1856 г. И въ приходскомъ, и первый годъ въ уѣздномъ духовномъ училищѣ В. О. отмѣчался по успѣхамъ какъ средній ученикъ. Успѣхамъ его мѣшала природный недостатокъ: заиканіе. Но затѣмъ ему удалось справиться съ этимъ недостаткомъ, хотя слабые слѣды его остались у В. О. на всю жизнь. За послѣдніе три года обученія въ уѣздномъ училищѣ В. О. занимаетъ по спискамъ по большей части первое мѣсто. Въ училищѣ онъ получалъ казенное такъ называемое „бурсачное“ содержаніе. Въ іюлѣ 1856 г. онъ окончилъ курсъ со свидѣтельствомъ, въ которомъ значилось, что онъ училищнымъ начальствомъ признается способнымъ и достойнымъ къ поступленію въ семинарію. На приѣмныхъ экзаменахъ въ семинарію В. О. по воспоминаніямъ его товарища по семинаріи протоіерея Маловскаго „произвелъ изумительное впечатлѣніе“ на экзаменаціонную комиссію. Въ Пензенской семинаріи В. О. пробылъ 4¹/₂ учебныхъ года (сент. 1856—дек. 1860 г.). Въ семинаріяхъ того времени кромѣ спеціально богословскихъ предметовъ преподавались предметы общеобразовательные: логика и психологія, словесность, всеобщая и русская гражданская исторія, математика, физика, химія и ботаника, а также древніе и новые языки. Проходились еще предметы, считавшіеся полезными для будущей дѣятельности сельскаго священника: медицина и сельское хозяйство. Особенно большое вниманіе духовная школа того времени обращала на развитіе самостоятельнаго мышленія, и поэтому писаніе сочиненій было самымъ главнымъ педагогическимъ упражненіемъ. О сочиненіяхъ учениковъ семинаріи подавала епархіальному начальству особые отчеты, изъ которыхъ видно, что ежегодно предлагалось не менѣе 18 сочиненій. Сочиненія начинались съ изложеній прозаическихъ отрывковъ и переложеній стиховъ въ прозу. Затѣмъ давались упражненія въ составленіи періодовъ и въ хріяхъ. В. О. въ первомъ же учебномъ году въ семинаріи составлялъ „хрію порядочную“ на тему: „Должно любить враговъ“. Втеченіе второго учебнаго года семинаристы писали повѣствованія на темы изъ Священнаго писанія, а также изъ гражданской исторіи. Такъ классу, въ которомъ шелъ В. О., была предложена для повѣствованія наряду съ темами: „О принесеніи Исаака въ жертву“, „О единоборствѣ Давида съ Голиаѳомъ“, „О смерти Саула“, также и тема: „О завоеваніи Іерусалима крестоносцами въ 1099 г., причѣмъ будущій славный историкъ получилъ за это повѣствованіе отмѣтку „очень хорошо“. Въ слѣдующіе

годы писались разсужденія на отвлеченныя темы напр. „Скромность есть лучшее украшеніе юноши“, „Доброе слово и худыхъ дѣлаетъ добрыми“, „Опредѣлить челоуѣкоугодіе“ и т. д. По сочиненіямъ Ключевскій шелъ впереди другихъ; на этомъ поприщѣ рано стали проявляться его блестящія дарованія, и иногда его работы приводили въ восторгъ преподавателей. „Однажды“, разсказывалъ одинъ изъ товарищей В. О.—ча по семинаріи, „Степанъ Васильевичъ Масловскій (преподаватель), всегда ровный, тихій и спокойный пришелъ въ классъ на урокъ съ замѣтною ажитаціей и одушевленіемъ и, положивъ на столъ связку прочитанныхъ имъ наканунѣ сочиненій учениковъ на тему по психологіи довольно замысловатую и содержательную, ничего не говоря, подошелъ къ Ключевскому и, положивъ ему руку на плечо, сказалъ вслухъ всего класса: „ну, г. Ключевскій, вы свое сочиненіе написали во всѣхъ отношеніяхъ такъ прекрасно, что я такъ не написалъ бы“¹⁾. Выдающіеся успѣхи проявилъ еще В. О. въ семинаріи по латинскому языку. Преподаваніе латинскаго языка было тогда хорошо поставлено въ семинаріяхъ; онъ проходилса гораздо основательнѣе греческаго. Въ отчеты о сочиненіяхъ вносились также и отмѣтки по письменнымъ латинскимъ работамъ, тогда какъ по греческому языку отчетныхъ письменныхъ работъ не полагалось. Въ первомъ же учебномъ году семинаристамъ предлагался переводъ на латинскій языкъ русской статьи духовнаго содержанія. На третій годъ обученія въ семинаріи ученики писали разсужденія на латинскомъ языкѣ на темы въ родѣ слѣдующихъ: „Quaeque passio hominem coecat“ или „Quomodo imaginatio est coercenda“. Уже въ первое полугодіе за письменную работу по латинскому языку В. О. получилъ отмѣтку учителя: „Bene; gratias ago propter intelligentiam nec non sensum“. И въ послѣдующіе годы его латинскія работы оцѣнивались высшими отмѣтками optime bene. Среди товарищей В. О. считался знатокомъ латинскаго языка, и нѣкоторые у него списывали работы: „Apud Cluczewskij descripsisti“ отмѣтилъ учитель переводъ одного изъ этихъ товарищей; „De codice Cluczewskij descriptum idque sine intellectu“ было поставлено на работѣ другого.

И въ духовномъ училищѣ, и во время семинарскаго курса В. О. усердно расширялъ и углублялъ свое образованіе чтеніемъ. Дома онъ былъ всегда за книгой. За чтеніемъ проходили долгія ночи. „Ахъ, какъ я боюсь“, говорила разъ мать В. О., „за своего Васеньку: каждый вечеръ онъ лежа далеко за полночь все чита-

¹⁾ Чт. О. И. Др. 1914, I, Матеріалы, 419.

еть книги при ночникѣ, ставимомъ имъ на кровати у самой головы; заснетъ вдругъ и можетъ сгорѣть отъ опрокинувшагося ночника. Вотъ и жду, когда онъ уснетъ, чтобы погасить огонь“¹⁾. „Брата“, вспоминаетъ его сестра Е. О. Виргинская, „очень рѣдко можно было видѣть безъ книги въ рукахъ; обѣдалъ и чай пилъ— онъ всегда были у него. Онъ никогда не ложился въ одни часы съ семьею спать, всегда сидѣлъ, а когда не на что было купить свѣчку, онъ сидѣлъ съ ночникомъ, или яснѣе сказать: въ маленькій стаканчикъ вливалось конопляное масло и опускался фитиль. Или, когда въ зимнее время холодно въ комнатѣ, онъ бралъ подушку и забирался на печку съ этимъ же ночникомъ и читалъ“²⁾.

Среди книгъ прочитанныхъ и усвоенныхъ В. О. въ семинарскіе годы были труды Татищева и Карамзина. Горизонтъ мысли расширялся чтеніемъ.

Вернувшись въ семинарію съ каникулъ въ сентябрѣ 1860 г., товарищи Ключевского стали замѣчать происшедшую съ нимъ перемѣну. „Ключевскій, хотя исправно посѣщалъ семинарію“, читаемъ мы въ воспоминаніяхъ о немъ свящ. А. Рождественскаго, „готовилъ уроки, но какъ то нехотя. Въ лицѣ замѣтна была маленькая задумчивость. Вообще много измѣнился. Прошла длинная треть. Въ наше время былъ экзамень передъ Рождествомъ. Начался экзамень. Ключевскій хотя и отвѣчалъ, но отвѣчалъ какъ то вяловато, нехотя“³⁾. Когда экзамены окончились, тревожная дума, печать которой замѣтна была для товарищей, получила разгадку. Это была мысль объ университетѣ. 17 декабря 1860 г. В. О. подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ семинаріи, рѣшивъ поступить въ университетъ. Прошеніе это однако встрѣтило рѣзкій отказъ. Начальство семинаріи было обижено уходомъ лучшаго ученика. Къ увольненію В. О. оказалось препятствіе. Дѣло въ томъ, что, состоя въ семинаріи, онъ пользовался казеннымъ пособіемъ. „Разсуждено“, читаемъ мы въ журналѣ семинарскаго правленія 19 дек. 1860 г.— „такъ какъ положеніемъ св. Синода 1829 г. поставлено, чтобы каждый, совершившій курсъ въ духовныхъ училищахъ на содержаніи сихъ училищъ обязанъ былъ, если потребуеть начальство, въ благодарность за свое воспитаніе служить по духовному вѣдомству не менѣе 4-хъ лѣтъ и такъ какъ ученикъ Ключевскій постоянно пользовался значи-

1) Чт. О. И. Др. 1914, I, Матеріалы, 420.

2) Ibid. 415.

3) Чт. О. И. Др. 1914, I, Матеріалы, 429.

тельнымъ казеннымъ пособіемъ, то въ прошеніи объ увольненіи его изъ семинаріи отказать“. Это постановленіе не было однако утверждено высшимъ начальникомъ семинаріи пензенскимъ епископомъ Варлаамомъ. „Ключевскій“, писалъ въ своей резолюціи преосвященный, „не совершилъ еще курса ученія, и слѣдовательно, если онъ не желаетъ быть въ духовномъ званіи, то его и можно уволить безпрепятственно“. Эта благосклонная резолюція дана была однако не безъ треній. Преосвященный Варлаамъ, по воспоминаніямъ знавшаго его священника Рождественскаго, „былъ нрава суроваго, стариннаго закала, гордъ. Умнѣ себя никого не считалъ“. Онъ также былъ обиженъ намѣреніемъ В. О. уклониться отъ духовнаго званія. По разсказу самого В. О., слышанному тѣмъ же о. Рождественскимъ, Варлаамъ позвалъ Ключевскаго къ себѣ и, сколько могъ, наругалъ его, что оставляетъ духовно-учебное заведеніе, упрекалъ въ неблагодарности, грозилъ взыскать съ него всю сумму пособій, начиная съ училища. Ключевскій упорно стоялъ на своемъ, изъявивъ готовность вернуть казнѣ всю сумму полученнаго пособія, когда будутъ средства. Преосвященный грозилъ, что не дастъ прихода за его сестрой. Эта угроза, казалось, смутила В. О. „Что же мнѣ дѣлать?“, говорилъ онъ своему дядѣ пензенскому священнику Европейцеву. „Если я уйду въ университетъ, сестра останется несчастной!“ Дядя поддержалъ его въ принятомъ рѣшеніи: „Что же вамъ, В. О.“, говорилъ онъ ему, „жертвовать своимъ счастіемъ для сестры, если у васъ нѣтъ желанія идти въ академію“. В. О. остался твердъ. Но тѣмъ болѣе онъ считалъ себя обязаннымъ помогать сестрѣ, которую и поддерживалъ до конца своихъ дней ¹⁾.

Какъ видимъ, не въ добрыхъ отношеніяхъ разставался Ключевскій съ духовной школой. Школа была обижена уходомъ блестящаго ученика, котораго готовили въ академію. Но и В. О. покидалъ ее съ горькимъ осадкомъ на душѣ. Въ предпоследнемъ учебномъ году у него произошло столкновение съ однимъ изъ преподавателей, нѣкимъ Аврааміемъ Смирновымъ, мелкимъ и ограниченнымъ человѣкомъ, любившимъ издѣваться надъ учениками. Насмѣшка, которую онъ разъ позволилъ себѣ надъ Ключевскимъ, вызвала со стороны послѣдняго полный достоинства отпоръ. Посрамленный передъ классомъ учитель не могъ этого забыть и въ отместку понизилъ В. О.—ча въ своемъ разрядномъ

¹⁾ Чт. О. И. Др. 1914, I, Матеріалы, 416.

спискѣ. Вся семинарія была поражена. По воспоминаніямъ о. Рождественскаго ректоръ архимандритъ Евпсихій, увидя списокъ, пришелъ въ волненіе: „какъ это! какъ это! развѣ можно Ключевскаго такъ унижить!“... Уломали Авраамія Смирнова согласиться оставить Ключевскаго въ первомъ разрядѣ¹⁾. Незаслуженное оскорбленіе, можетъ быть, усилило рѣшимость В. О.—ча покинуть семинарію; но, разумѣется, не въ этомъ случайномъ эпизодѣ надо искать причинъ этой рѣшимости. Все же, несмотря на недобрыя чувства, съ которыми В. О. покидалъ духовную школу, вѣроятно, въ послѣдствіи онъ долженъ былъ безпристрастно признать, что онъ многимъ ей обязанъ. Духовная школа середины XIX в. обладала однимъ драгоценнымъ свойствомъ. Всѣ свои усилія она устремляла на развитіе мышленія учащихся, давая ему закалъ и выправку. Къ этой цѣли были направлены всѣ эти постоянныя упражненія въ писаніи разсужденій. Быть можетъ, именно этой школѣ Ключевскій былъ обязанъ логической выправкой мысли и необыкновенной точностью своего языка. Просматривая отмѣтки, которыя дѣлались преподавателями на ученическихъ сочиненіяхъ, напр. „Видна способность мыслить здраво“, „Есть хорошія мысли, но не совсѣмъ ясно выражены“, „Слогъ хорошъ и мысли есть дѣльныя; но нужно больше точности въ сужденіяхъ“ и т. п., просматривая эти отмѣтки²⁾, видишь, какъ тщательно заботилась семинарія о развитіи мысли, о точности ея выраженія. Точность языка, выработанная въ духовной школѣ, была цѣннымъ приобрѣтеніемъ В. О. для его занятій исторіей, которая, хотя и давно уже признана наукой, но все же не отошла еще и отъ изящной словесности и не имѣетъ своего спеціальнаго языка, подобно напр., математическому языку или даже языку юридическихъ дисциплинъ. Первое, что поражало въ лекціяхъ и научныхъ трудахъ Ключевскаго была точность его выраженій. Каждому явленію, которое онъ изслѣдовалъ, онъ умѣлъ дать ясное и точное опредѣленіе; каждое отношеніе, которое онъ устанавливалъ, онъ выражалъ въ сжатой и отчетливой формулѣ, запоминавшейся потомъ его учениками со студенческой скамьи на всю жизнь. Эта математическая точность опредѣленій и формулъ вмѣстѣ съ художественной красотой и мѣткостью сравненій и эпитетовъ составляетъ то оригинальное и особенное, чѣмъ отличается стиль Ключевскаго.

¹⁾ Чт. О. И. Др. 1914, I, Матеріалы, 428.

²⁾ Чт. О. И. Др. 1914, I, Матеріалы, 140—141 и *passim*.

II.

27 февраля 1861 г. Ключевскій получилъ увольнительное свидѣтельство изъ семинаріи. Предстояла трудная задача — перебраться изъ Пензы въ Москву. Тогда это путешествіе совершалось на лошадахъ и обходилось очень дорого. В. О. будучи въ послѣднихъ классахъ семинаріи давалъ уроки, но весь свой заработокъ отдавалъ на домашнія нужды. „Денегъ на дорогу въ Москву“, вспоминаетъ его сестра Е. О. Виргинская, „у него своихъ было очень мало, и я ему все надоѣдала, говоря: что ты не спросишь у дяди?“. В. О. стѣснялся просить и откладывалъ со-дня на день. Дядя самъ догадался, въ чемъ дѣло и выручилъ его изъ тягостнаго затрудненія. „Какъ же, вы В. О.“, обратился онъ къ нему, „ѣдете безъ денегъ въ Москву?“— „Братъ задумался немного“, продолжаетъ Е. О. Виргинская, потомъ сказалъ: „я ѣду съ вѣрой въ Бога и съ надеждой на васъ“. Добрый священникъ не вытерпѣлъ, заплакалъ, обнялъ племянника и сказалъ: „я уже давно приготовилъ вамъ, В. О.“ Разставаясь съ матерью В. О. утѣшалъ ее обѣщаніемъ пріѣхать домой на ближайшее Рождество. Но исполнить этого обѣщанія онъ не могъ, не имѣя средствъ. Первое время въ Москвѣ ему пришлось терпѣть большую нужду. „Великимъ трудомъ“, заключаетъ рассказъ объ этихъ черныхъ дняхъ его сестра, „досталось ему сдѣлать безсмертнымъ свое имя“¹⁾.

25 іюля 1861 г. В. О. подалъ прошеніе ректору Московскаго университета о принятіи его въ число студентовъ по историко-филологическому факультету по сдачѣ установленныхъ пріемныхъ экзаменовъ. Эти экзамены онъ держалъ осенью. Сестра вспоминаетъ его письмо съ рассказомъ о впечатлѣніяхъ, испытанныхъ имъ на пріемномъ экзаменѣ. „Когда взшелъ я въ такой большой залъ, меня сразу охватила робость. Смотрю, нѣкоторыя личности очень хорошо одѣты, въ пенснэ съ блестящей оправой, при часахъ и при клычкахъ (такъ онъ называлъ воротнички крахмальныхъ сорочекъ). Смотрю и думаю: не профессора ли это? А потомъ, когда начался экзаменъ, смотрю, что эти господа явились сюда за тѣмъ же, какъ и я. Тутъ немного я ободрился“. Подробное письмо съ описаніемъ пріемнаго экзамена въ университетъ прислалъ В. О. товарищамъ и въ семинарію, и оно было прочтено въ классѣ съ кафедры. За сочиненіе и за отвѣтъ по катихизису В. О. получилъ по 5X. Успѣшно были сданы и остальные экзамены²⁾.

¹⁾ Чт. О. И. Др. 1914, I, Матеріалы, 417.

²⁾ Чт. О. И. Др. 1914, I, Матеріалы, 417, 430—31.

Тотъ курсъ историко-филологическаго факультета, въ составъ котораго вступилъ В. О., былъ невеликъ по числу. На немъ было всего 15 студентовъ. Этотъ выпускъ, кромѣ Ключевскаго, далъ еще нѣсколько знаменитыхъ именъ. Однокурсниками В. О. были нынѣ здравствующій профессоръ историкъ искусства Н. П. Кондаковъ и покойные профессоръ русскаго языка и литературы А. И. Кирпичниковъ, профессоръ Харьковскаго университета болгаринъ М. Дриновъ, съ которымъ В. О. былъ очень друженъ и извѣстный преподаватель русскаго языка Ѡ. Гиляровъ. Вспоминая въ многократныхъ бесѣдахъ годы своего студенчества, В. О. рассказывалъ, какихъ профессоровъ онъ особенно усердно слушалъ. Онъ называлъ въ этихъ бесѣдахъ Ѡ. И. Буслаева, у котораго онъ слушалъ исторію русской литературы, далѣе П. М. Леонтьева и Г. А. Иванова, подъ руководствомъ которыхъ онъ занимался римскою филологіей. Латинистомъ В. О. былъ еще въ семинаріи. Въ университетѣ эта подготовка ему очень пригодилась. Пишущему эти строки В. О. говорилъ однажды, что П. М. Леонтьевъ первый возбудилъ вопросъ объ оставленіи его при университетѣ по своей кафедрѣ. Очень возможно, что именно въ занятіяхъ интерпретаціей классическихъ авторовъ надо искать начало того мастерства, которое впослѣдствіи Ключевскій проявлялъ въ толкованіи текстовъ лѣтописей, Русской Правды и другихъ памятниковъ, въ объясненіи запутаннѣйшихъ и труднѣйшихъ мѣстъ въ этихъ текстахъ, въ предложеніи поражающихъ проницательностью конъектуръ, равно какъ и въ исчерпывающей критикѣ, которой онъ подвергъ многочисленныя тексты житій святыхъ. Изученіе древнихъ авторовъ представляло хорошую школу для воспитанія критическаго таланта. Не разъ говорилъ В. О. о большомъ вліяніи на него лекцій тогда еще молодыхъ профессоровъ юридическаго факультета К. П. Побѣдоносцева—одного изъ лучшихъ русскихъ цивилистовъ и въ особенности Б. Н. Чичерина, будущаго первокласснаго публициста. Слушалъ В. О. также и лекціи знаменитаго Никиты Ивановича Крылова по римскому праву. Можетъ быть лекціи этихъ выдающихся юристовъ содѣйствовали зарожденію и развитію въ Ключевскомъ вкуса къ вопросамъ права. Вліяніе Чичерина на Ключевскаго въ особенности замѣтно. Подъ этимъ вліяніемъ мысль Ключевскаго направилась на исторію учреждений и на исторію общественныхъ классовъ преимущественно съ юридической стороны. Работы Ключевскаго по исторіи холопства можно считать непосредственнымъ продолженіемъ статей Чичерина о несвободныхъ состояніяхъ. „Боярская Дума древней Руси“—произведеніе изъ того же круга вопросовъ, къ которому относятся

и чичеринскія „Областныя учрежденія XVII в.“. Одну изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ работъ—статью о составѣ представительства на земскихъ соборахъ В. О. посвятилъ Чичерину, также занимавшемуся вопросомъ о русскихъ земскихъ соборахъ. В. О. передавалъ намъ, что на него производилъ сильное впечатлѣніе и самый языкъ Чичерина, кристально-ясный, сжатый и точный, необыкновенно приспособленный для выраженія юридическихъ понятій и отношеній.

Но болѣе всего Ключевскій цѣнилъ въ себѣ, какъ въ ученомъ, вліяніе С. М. Соловьева. О Соловьевѣ онъ отзывался съ самымъ глубокимъ уваженіемъ и себя, кажется, до послѣднихъ дней все считалъ ученикомъ Соловьева. „Въ движеніи русской исторіографіи“, пишетъ онъ въ одной изъ своихъ статей о Соловьевѣ—„это время можно смѣло обозначить именемъ Соловьева... Вооружившись приемами и задачами, выработанными историческою наукой первой половины нашего вѣка, онъ первый пересмотрѣлъ всю массу историческаго матеріала, оставшагося отъ жизни русскаго народа съ половины IX до послѣдней четверти XVIII в., связалъ одною мыслью разорванные лоскуты историческихъ памятниковъ и вынесъ на свѣтъ всю наличность уцѣлѣвшихъ фактовъ нашей исторіи. Есть и будутъ десятки трудолюбивыхъ изслѣдователей русскаго прошедшаго, которые останавливаются и будутъ останавливаться на томъ или другомъ фактѣ дольше Соловьева, изучаютъ и будутъ изучать то или другое явленіе подробнѣе, чѣмъ изучилъ онъ; но каждый изъ нихъ, чтобы идти прямо и твердо въ своей работѣ, долженъ начинать съ того, чѣмъ кончилъ Соловьевъ свою рѣчь о томъ же, и онъ, какъ маякъ, еще долго будетъ служить указателемъ пути даже для тѣхъ, кто далеко разоидется съ нимъ въ своихъ послѣднихъ выводахъ“. Справедливо говоритъ проф. Любавскій, что „вліяніемъ Соловьева и сдѣланнаго имъ научнаго дѣла опредѣлился какъ преимущественный интересъ, такъ и кругъ самостоятельныхъ разысканій Василя Осиповича. Василій Осиповичъ удѣлялъ свое вниманіе, посвящалъ свои труды многообразнымъ вопросамъ и всѣмъ эпохамъ русской исторіи. Но преимущественно его изученіе сосредоточивалось на тѣхъ вѣкахъ, на тѣхъ вопросахъ, которые уже обняты были „Исторіею Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, и онъ все время какъ бы углублялъ, исправлялъ и дополнялъ труды своего учителя“¹⁾.

¹⁾ Чт. О. И. Др. 1914 кв. I, 44—45.

III.

Такъ обильны и многообразны были университетскія вліянія на Ключевского. По окончаніи университетскаго курса въ 1865 г. онъ былъ оставленъ С. М. Соловьевымъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ русской исторіи. Находясь на послѣднемъ курсѣ историко-филологическаго факультета Ключевскій обратилъ на себя вниманіе своей кандидатской работой „Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ“. Этотъ выдающійся по обширности использованнаго матеріала и по изяществу изложенія трудъ факультетъ рѣшилъ напечатать въ Университетскихъ Извѣстіяхъ¹⁾. Въ виду доступности этого сочиненія для широкой публики, оно было въ томъ же году переиздано „Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ“.

Къ магистерскимъ экзаменамъ В. О. приступилъ 15 ноября 1867 г. Въ этотъ день въ засѣданіи историко-филологическаго факультета имъ былъ сданъ экзаменъ по главному предмету—русской исторіи въ присутствіи профессоровъ С. М. Соловьева, О. М. Бодянскаго, П. М. Леонтьева и доцента Н. А. Попова. В. О. отвѣчалъ на два вопроса: а) изъ древней русской исторіи: исторія Московскаго княжества до Іоанна III; б) изъ новой русской исторіи: внѣшняя политика Екатерины II касательно польско-турецкихъ дѣлъ. 1 февраля 1868 г. онъ держалъ экзаменъ по политической экономіи. Вопросъ, какъ значитса въ протоколѣ этого испытанія, былъ данъ профессоромъ Соловьевымъ: „О рентѣ и ея отношеніи къ цѣнности“. Отвѣтъ былъ полученъ удовлетворительный. Наконецъ, 22 марта В. О. сдалъ экзаменъ по всеобщей исторіи, отвѣтивъ на три вопроса: о внѣшней политикѣ Людовика XIV, объ отношеніяхъ вассаловъ къ сюзеренамъ и о политическомъ устройствѣ Аѳинъ до начала Персидскихъ войнъ. Въ производствѣ этого экзамена принималъ участіе молодой преподаватель всеобщей исторіи В. И. Герье.

Одновременно съ подготовкой къ магистерскимъ экзаменамъ В. О. велъ предварительныя изысканія для будущей магистерской диссертациі „Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“. Лѣтомъ 1867 г. онъ занимался въ Казани рукописями Соловецкой бібліотеки, хранящимися въ бібліотекѣ Казанской духовной академіи. Однимъ изъ плодовъ этихъ занятій надъ соловецкими рукописями была статья В. О.—ча „Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ

¹⁾ 1866 г. №№ 7—9.

краѣ“, появившаяся въ Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ 1867 г. № 7, и заключающая въ себѣ превосходное изслѣдованіе по вопросу о монастырскомъ хозяйствѣ. Тогда этотъ вопросъ только начиналъ интересовать русскую исторіографію. Предварительныя изысканія для магистерской диссертациі потребовали отъ В. О—ча нѣсколькихъ лѣтъ громаднаго напряженнаго труда. Ему пришлось обслѣдовать рукописи въ библіотекахъ Синодальной, Соловецкой, гр. Румянцева, Ундольскаго, Троицкой Лавры, Московской Духовной Академіи, Московской Епархіальной, Императорской Публичной и въ частныхъ собраніяхъ гр. А. С. Уварова, Н. С. Тихонравова и Е. В. Барсова. Онъ критически разобралъ до 160 житій слишкомъ въ 250 редакціяхъ и перечиталъ для этой цѣли до 5000 списковъ житій. Это была тяжелая работа не только потому, что она требовала огромной затраты чисто физическаго труда, но и въ особенности потому, что она не давала В. О. того нравственнаго удовлетворенія, которымъ облегчается самый напряженный физическій трудъ. „Съ тяжелымъ чувствомъ вспоминалъ онъ впослѣдствіи годы, проведенныя за изученіемъ житій сѣверно-русскихъ святыхъ, говаривалъ даже подчасъ, что результаты не были соразмѣрны потраченнымъ на нихъ усиліямъ“¹⁾. И въ окружающихъ онъ не всегда находилъ поддержку. Одинъ изъ ближайшихъ его друзей Шаховъ говорилъ постоянно В. О—чу, что работа надъ житіями недостойна его таланта: ему надо было заниматься прагматической разработкой исторіи, а онъ тратитъ время и силы на черное, рудокопное дѣло²⁾. Эта работа В. О—ча была настоящимъ подвигомъ. Подвигъ былъ предпринятъ и съ замѣчательнымъ мужествомъ и настойчивостью совершенъ и не остался безплоднымъ какъ для русской науки, такъ и для самого В. О—ча. „Едва ли я преувеличу“, пишетъ проф. Смирновъ, „если скажу что книгой В. О—ча создана была у насъ новая наука—агіологія... Разработка сырого матеріала втеченіе 40 лѣтъ со времени выхода этого труда, конечно, двинула впередъ науку агіологіи. По новому рѣшаются теперь нѣкоторые вопросы, поднятые или рѣшенные въ книгѣ В. О—ча, иную оцѣнку въ ту или другую сторону получили нѣсколько разобранныхъ имъ памятниковъ. Но исторія литературной формы житія, установленная В. О., его оцѣнка житій, какъ историческаго источника, въ общемъ остаются непоколебленными“³⁾. Значеніе

1) Проф. Любавскій, В. О. Ключевскій, Чт. О. И. Др. 1914 г. кн. I, 9.

2) Проф. Смирновъ, Изслѣдованіе В. О. Ключевскаго „Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“, Чт. О. И. Др. 1914 г. кн. I, 57.

3) Проф. Смирновъ, *op. cit.* 61.

работы надъ житіями святыхъ для самого В. О. вѣрно оцѣниваетъ проф. Любавскій, когда пишетъ: „Василій Осиповичъ одержалъ побѣду надъ самимъ собою и явилъ примѣръ такого самоотверженнаго исполненія научнаго долга, который всегда будетъ нравственно поддерживать молодыхъ ученыхъ, изнемогающихъ въ работѣ надъ сырымъ матеріаломъ. Художникъ по натурѣ, одаренный живымъ воображеніемъ и темпераментомъ, онъ кропотливо и терпѣливо перебралъ колоссальный по размѣрамъ, но небогатый по содержанію матеріалъ, который представляютъ изъ себя житія древне-русскихъ святыхъ, разсортировалъ его по рубрикамъ, далъ ему мѣткую и блестящую оцѣнку и выбралъ изъ него тѣ крупныя исторической дѣйствительности, которыя въ немъ содержались. Изученіе житій святыхъ было для него тою суровой школою, въ которой закалился его изслѣдовательскій духъ. Изъ этой школы Василій Осиповичъ вынесъ привычку необыкновенно тщательно, до самыхъ тончайшихъ мелочей, изучать и разбирать источники, исчерпывать до конца все, что они даютъ. Эта привычка пріобрѣтена была имъ именно въ работѣ надъ источниками, которые не много, а мало давали. Работа надъ древне-русскими житіями сдѣлала художника-творца, какимъ былъ по натурѣ Василій Осиповичъ, тонкимъ критикомъ—аналитикомъ“¹⁾.

Книга „Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“ въ изданіи Солдатенкова вышла въ концѣ 1871 г. и была представлена въ историко-филологическій факультетъ. Въ засѣданіи 13 января 1872 г. Соловьевымъ былъ прочитанъ отзывъ о книгѣ, къ сожалѣнію въ университетскомъ архивѣ не сохранившійся. 26 января 1872 г. состоялся магистерскій диспутъ В. О.—ча. Очевидецъ и участникъ этого ученаго событія Е. В. Барсовъ такъ описывалъ диспутъ въ № 27 „Современныхъ Извѣстій за 1872 г.: „Въ среду въ актовомъ залѣ Московскаго университета происходилъ публичный ученый диспутъ. Г. Ключевскій защищалъ свою диссертацию подъ заглавіемъ „Житія русскихъ святыхъ, какъ историческій источникъ“, представленную имъ въ филологическій факультетъ на степень магистра русской исторіи. Несмотря на спеціальность предмета, диспутъ привлекъ въ залу многочисленную публику. ...Самый диспутъ былъ веденъ съ такимъ серьезнымъ тономъ и такимъ живымъ увлеченіемъ, что онъ представлялъ рѣдкое исключеніе изъ ряда подобныхъ диспутовъ, отзывающихся, обыкновенно официальной мертвенностью. Давно уже

¹⁾ Проф. Любавскій, В. О. Ключевскій, Чт. О. И. Др. 1914, I, 10.

московская публика не слыхала въ стѣнахъ университета подобнаго ученаго спора“. Изложивъ далѣе вступительную рѣчь диспутанта и возраженія двухъ официальныхъ оппонентовъ: С. М. Соловьева и Н. А. Попова и трехъ неофициальныхъ: Ѳ. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова и свои собственные, Е. В. Барсовъ заканчивалъ описаніе такъ: „Настоящее описаніе диспута показываетъ, съ какимъ строгимъ и полнымъ вниманіемъ относились къ диспутанту всѣ пятеро оппонентовъ. Его диссертация была осаждаема со всѣхъ возможныхъ сторонъ: съ исторической, литературной, библиографической, и онъ съ находчивостью оградилъ достоинство своей диссертации. Несмотря на спеціальность предмета, несмотря на всю серьезность и продолжительность диспута, многочисленная публика относилась къ нему съ живѣйшимъ участіемъ и вниманіемъ отъ начала до конца. По прочтеніи факультетскаго отзыва и по провозглашеніи диспутанта магистромъ русской исторіи—взрывъ рукоплесканій огласилъ залу: московская публика единодушно привѣтствовала новаго дѣятеля на поприщѣ русской исторіи“.

Одновременно съ работой надъ магистерской диссертацией, В. О. составляетъ нѣсколько статей и рецензій и занимается преподавательской дѣятельностью. Къ этому періоду его жизни относятся статьи: „Новыя изслѣдованія по исторіи русскихъ монастырей. По поводу сочиненія доцента В. С. Иконникова: „Изслѣдованіе о главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русской исторіи въ связи съ ходомъ образованности“, далѣе „Церковь по отношенію къ умственному развитію древней Руси. По поводу книги А. Щапова „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“, „Образцовые писатели русскихъ житій въ XV в.“, „Греческая церковь въ Лондонѣ въ первой половинѣ XVIII в.“. Изъ заглавій этихъ статей видно, что всѣ онѣ касаются исторіи русской церкви, интересъ къ которой поддерживался у В. О., разумѣется, подъ вліяніемъ его магистерской темы. Перечисленныя статьи помѣщаются были имъ въ духовномъ журналѣ „Православное Обозрѣніе“ за 1869—71 г.г. Интересъ къ церковно-историческимъ вопросамъ не изсякаетъ у В. О. и послѣ церковно-исторической диссертации. За 1872—79 годы вывела въ свѣтъ магистерской диссертации. За 1872—79 годы вышелъ новый рядъ статей и рецензій, посвященныхъ церковно-историческимъ вопросамъ: „Аллилуія и отецъ Пафнуцій—полемика по поводу нѣкоторыхъ положеній магистерской диссертации“, „Псковскіе споры“, „Разборъ сочиненія М. И. Горчакова „О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода“, „Новый трудъ по церковному праву. О церковныхъ нака-

заніяхъ Н. Суворова“, предисловія къ изданнымъ В. О.—чемъ „Сказанію о чудесахъ Владимірской иконы Божіей Матери“ и „Житію преп. Филлиппа Ирапскаго“. Съ 1880 г. В. О. захватываютъ инныя темы. Но и въ послѣдующее время держаться въ кругу церковно-историческихъ вопросовъ побуждала его преподавательская дѣятельность въ Московской духовной академіи: онъ обязанъ былъ давать отзывы объ ученыхъ диссертаціяхъ и о кандидатскихъ сочиненіяхъ студентовъ, на торжественныхъ собраніяхъ академіи онъ произнесъ двѣ свои знаменитыя рѣчи: „Содѣйствіе церкви успѣхамъ русскаго гражданскаго права и порядка“—на публичномъ актѣ академіи 1 окт. 1888 г. и „Значеніе преп. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства“ на собраніи академіи 26 сент. 1892 г. въ память преп. Сергія. Если первая рѣчь поражаетъ тонкостью юридической мысли и широтой познаній В. О. въ исторіи права, то вторая блещетъ красотой стили и тщательностью литературной обработки. Это образецъ красоты русскаго языка.

IV.

Начало преподавательской дѣятельности В. О. въ учебныхъ заведеніяхъ относится къ 1867 г. До тѣхъ поръ онъ давалъ лишь частныя уроки. Въ 1867 г. онъ былъ приглашенъ преподавателемъ исторіи въ Александровское военное училище въ помощники С. М. Соловьеву, а по уходѣ Соловьева изъ училища занялъ его мѣсто. Въ министерство Д. А. Милютина преподаваніе въ Александровскомъ училищѣ было поставлено на широкую ногу. Читатъ лекціи юнкерамъ были приглашены выдающіеся профессора Московскаго университета. Въ училищѣ В. О. преподавалъ до 1883 г. Съ 1871 г. В. О. дѣлается преподавателемъ въ Московской духовной академіи. Посѣщая при подготовкѣ магистерской диссертаціи бібліотеки Троицкой Лавры и Московской академіи, В. О. познакомился и сблизился съ профессоромъ академіи А. Θ. Лавровымъ, занимавшимъ также должность академическаго бібліотекаря. Тогда же онъ познакомился и съ ректоромъ академіи А. В. Горскимъ. Оба ученые съумѣли замѣтить и оцѣнить талантъ В. О.—ча. Лавровъ въ засѣданіи совѣта академіи 28 мая 1871 г. предложилъ Ключевскаго на вакантную кафедру русской гражданской исторіи. Такъ какъ В. О. не имѣлъ еще въ то время магистерской степени, то по академическому уставу для занятія преподавательской должности въ академіи долженъ былъ исполнить два условія: защитить диссертацію *pro venia legendi* и прочесть пробную лекцію. 8 іюня 1871 г. онъ въ присутствіи про-

фессоровъ церковно-историческаго отдѣленія академіи защитилъ pro venia legendi свое кандидатское сочиненіе „Сказанія иностранцевъ о Россіи“ и прочелъ пробную лекцію на тему „О житіяхъ русскихъ святыхъ, какъ источникъ свѣдѣній для русской гражданской исторіи“. 9 іюня 1871 г. онъ большинствомъ 10 голосовъ противъ одного былъ избранъ приватъ-доцентомъ академіи. Получивъ магистерскую степень, В. О. 16 марта 1872 г. единогласно былъ избранъ доцентомъ академіи. Академіи В. О. служилъ до 24 ноября 1906 г. послѣдовательно съ 22 дек. 1872 г. въ званіи экстраординарнаго профессора, съ 12 ноября 1882 г. ординарнаго и съ 24 января 1897 г. заслуженнаго ординарнаго профессора.

Съ осени 1872 г. В. О. сталъ читать лекціи на учрежденныхъ тогда въ Москвѣ проф. В. И. Герье Высшихъ женскихъ курсахъ, на которыхъ онъ преподавалъ до закрытія курсовъ въ 1888 году. Довольно долго В. О., какъ преподаватель, оставался въ сторонѣ отъ университета. В. О. рассказывалъ, вспоминая то время, пишущему эти строки, что ему неоднократно дѣлались предложенія выступить преподавателемъ въ Московскомъ университетѣ, но что самая мысль читать лекціи въ университетѣ параллельно съ С. М. Соловьевымъ казалась ему дерзкой. Только въ 1879 году когда Соловьевъ тяжело заболѣлъ († 4 окт. 1879 г.) проф. Н. А. Поповъ предложилъ факультету пригласить доцентомъ В. О. Ключевскаго. Перечисливъ печатные труды В. О. и давъ оцѣнку двухъ крупнѣйшихъ его работъ: Сказаній иностранцевъ и Житій Святыхъ, Н. А. Поповъ указывалъ въ своемъ представленіи на преподавательскую опытность Ключевскаго, какъ доцента духовной академіи и преподавателя въ Александровскомъ военномъ училищѣ и на Высшихъ женскихъ курсахъ. 12 сентября 1879 г. онъ былъ единогласно избранъ на должность доцента русской исторіи историко-филологическимъ факультетомъ, и 22 сентября большинствомъ 45 противъ одного совѣтомъ университета. 12 окт. 1879 г. этотъ выборъ совѣта былъ утвержденъ попечителемъ учебнаго округа. 5 декабря 1879 г. В. О. прочелъ первую лекцію въ Московскомъ университетѣ. Онъ читалъ о преемникахъ Петра Великаго, продолжая курсъ, прерванный по болѣзни Соловьевымъ. Бывшій на этой лекціи студентомъ проф. М. К. Любавскій, рассказывающій, что „несмотря на нѣкоторое предубѣжденіе противъ преподавателя, пришедшаго въ университетъ изъ духовной и военной школы, лекція произвела превосходное впечатлѣніе, и Василій Осиповичъ быстро завоевалъ симпатіи студенчества“¹⁾.

¹⁾ Проф. Любавскій. В. О. Ключевскій, Чт. О. И. Др. 1914 г. I, 15.

Съ началомъ слѣдующаго 1880 г. стала печататься въ „Русской Мысли“ докторская диссертация В. О—ча „Боярская дума древней Руси. Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества“. Въ 1882 г. она вышла отдѣльнымъ изданіемъ и была представлена въ историко-филологическій факультетъ. Въ засѣданіи 22 сент. 1882 г. былъ принятъ факультетомъ отзывъ о книгѣ, составленный проф. Н. А. Поповымъ. „Сочиненіе магистра Ключевскаго“, говорилось въ этомъ отзывѣ, „подъ заглавіемъ Боярская дума въ древней Руси, составляющее плодъ многолѣтнихъ изысканій автора въ области государственнаго и общественнаго устройства Русской земли, предлагаетъ рѣшеніе не одного только вопроса о происхожденіи, составѣ, дѣятельности и судьбѣ названнаго въ заглавіи учрежденія, но съ такою же подробностію касается и другихъ предметовъ, стоящихъ съ нимъ въ связи и имѣющихъ первостепенное для русской исторіи значеніе, какъ то: исторіи сословныхъ отношеній, участія народнаго труда въ перемѣнахъ общественнаго устройства древней Руси, вліянія колонизаціи на складъ древне-русскаго общества, значенія вотчиннаго управленія въ исторіи объединенія сѣверо-восточной Руси, путей, коими образовалось Московское государство съ его политическими порядками, положенія приказовъ въ средѣ другихъ правительственныхъ учрежденій и многихъ другихъ. Такимъ образомъ авторъ, изслѣдуя исторію постепенно нарастающаго и мѣняющагося въ своемъ составѣ класса думныхъ людей и ставя ее въ связь съ другими сторонами политической и общественной жизни допетровской Руси, вывелъ свое сочиненіе далеко за предѣлы намѣченной имъ темы, и чрезъ это его трудъ изъ спеціального изслѣдованія о Боярской думѣ превратился въ общій, хотя и не всесторонній, но основанный на ближайшемъ изученіи источниковъ очеркъ развитія политической жизни Руси Кіевской и отчасти Галицкой, Владимірска-Суздальской и отчасти Новгородской и, наконецъ, Московскаго государства“. Докторскій диспутъ В. О. состоялся въ актовомъ залѣ университета 29 сентября 1882 г. Этотъ диспутъ былъ новымъ его торжествомъ. Актовая зала была переполнена. Появившемуся на кафедрѣ В. О—чу сдѣлали овацію. На диспутѣ присутствовали преосвящ. Алексій, епископъ Можайскій (бывшій профессоръ Московской духовной академіи А. Ѳ. Лавровъ), попечитель округа гр. П. А. Капнистъ, городской голова Б. Н. Чичеринъ. Официальными оппонентами были профессоръ Н. А. Поповъ и П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій. Въ качествѣ неофициальныхъ оппонентовъ выступали профессоръ каноническаго права А. С. Павловъ и извѣстный историкъ Д. И.

Иловайскій. „Истиннымъ событіемъ дня на нынѣшней недѣлѣ“, читаемъ мы въ отчетѣ о диспутѣ, помѣщенномъ въ газетѣ „Голосъ“ (1882 г. № 269), „былъ диспутъ извѣстнаго ученаго г. Ключевского, занимающаго въ здѣшнемъ университетѣ столь отвѣтственную кафедру русской исторіи, осиротѣвшую послѣ смерти Соловьева. Давно уже, а можетъ быть и никогда, древнія стѣны здѣшней *almae matris* не были свидѣтелями такого шумнаго и единодушнаго восторга, какъ тотъ, которымъ встрѣтила многочисленная публика и студенты появленіе г. Ключевского на кафедрѣ. Среди благоговѣйной тишины ораторъ произнесъ свою вступительную рѣчь, которая поражала, какъ глубиною содержанія, такъ и изяществомъ формы. Скромно и очень просто изложилъ онъ выводы своей диссертациі, имѣющей по единогласному отзыву официальныхъ и неофициальныхъ оппонентовъ громадное значеніе для исторіографіи. Впечатлѣніе, произведенное диспутомъ г. Ключевского, было близко къ восторженному энтузіазму. Знаніе предмета, мѣткость отвѣтовъ, исполненный достоинства тонъ возраженій, все это свидѣтельствовало, что мы имѣемъ дѣло не съ восходящимъ, а уже взошедшимъ свѣтиломъ русской науки. Нужно же было и видѣть, какимъ громомъ аплодисментовъ встрѣтила публика и учащаяся молодежь провозглашеніе г. Ключевского докторомъ русской исторіи. Кто видѣлъ это сердечное, безграничное, восторженное поклоненіе таланту высокаго учителя, тотъ не забудетъ никогда этихъ минутъ“.

Докторская степень доставила В. О—чу званіе профессора въ университетѣ. Вскорѣ же послѣ диспута въ засѣданіи университетскаго совѣта 13 ноября 1882 г. В. О. былъ единогласно избранъ экстраординарнымъ профессоромъ, а черезъ два съ половиной года 1 марта 1885 г. онъ былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора. Въ университетѣ, В. О. занималъ также и административныя должности. 27 сент. 1887 г. онъ былъ назначенъ деканомъ историко-филологическаго факультета. Затѣмъ 20 авг. 1889 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ ректора при ректорѣ Г. А. Ивановѣ. Въ кругъ вѣдомства помощника ректора входятъ въ Московскомъ университетѣ главнымъ образомъ хозяйственныя дѣла. Эти дѣла крайне тяготили В. О—ча, и онъ помощникомъ ректора пробылъ недолго. 15 дек. 1890 г. его просьба объ увольненіи отъ этой должности была уважена. Но преподаваніемъ В. О. служилъ университету до тѣхъ поръ, пока были силы. Сдѣлавшись по выслугѣ 30 лѣтъ сверхштатнымъ профессоромъ (8 іюля 1901 г.), онъ продолжалъ читать лекціи, уменьшивъ только количество часовъ. Въ 1909—10 ак. г. пережитое В. О—чемъ горе—

потеря жены—и сильно послѣ этого потрясенія разстроенное здорověе принудили В. О—ча сдѣлать перерывъ въ чтеніи лекцій, но на слѣдующій 1910—11 г. былъ имъ внесенъ въ расписаніе лекцій курсъ, который онъ предполагалъ читать. Но читать этого курса В. О—чу уже не пришлось.

Преподавательская слава В. О—ча достигла высокихъ сферъ. Въ 1893 г. императоръ Александръ III поручилъ ему преподаваніе исторіи великому князю Георгію Александровичу, для чего двѣ зимы 1893—4 и 1894—5 г.г. В. О. провель на Кавказѣ въ Абасъ-Туманѣ, гдѣ тогда жилъ великій князь. Въ 1900 г. когда возстановились Высшіе женскіе курсы, В. О. вновь принялъ участіе въ дѣлѣ высшаго женскаго образованія. Но внѣшнія неудобства—тѣснота аудиторіи при огромномъ наплывѣ слушательницъ и постоянный рискъ простуды при выходѣ изъ этой аудиторіи на улицу заставили В. О—ча отказаться уже въ весеннемъ полугодіи 1900—01 г. отъ чтенія лекцій на курсахъ. Съ того же 1900 г. по настойчивымъ просьбамъ великаго князя Сергѣя Александровича В. О. взялъ на себя чтеніе лекцій по русской исторіи въ Московскомъ Училищѣ Живописи, Ваянія и Зодчества. Занятія въ этомъ училищѣ доставляли В. О—чу большое удовлетвореніе. Онъ не разъ отзывался съ похвалами о томъ вниманіи, съ которымъ его слушаютъ молодые художники и о томъ интересѣ, который они проявляютъ къ русской исторіи и который выражался въ вопросахъ, обращенныхъ къ преподавателю. Благодаря этимъ вопросамъ чтенія В. О. принимали непринужденный характеръ бесѣдъ. Лекціи въ училищѣ В. О. читалъ еще осенью 1910 г. и прервалъ ихъ только для того, чтобы лечь въ лѣчебницу, изъ которой, однако, ему не суждено было вернуться.

V.

Вездѣ, гдѣ ни преподавалъ В. О.: въ военномъ училищѣ, въ духовной академіи, на женскихъ курсахъ, въ художественной школѣ, въ университетѣ, вездѣ его лекціи производили одно и то же чарующее впечатлѣніе. Отзывы о нихъ въ воспоминаніяхъ его слушателей столь различныхъ школъ единогласны и единодушны. „На насъ юныхъ слушателей“, пишетъ бывшій питомецъ Александровскаго военнаго училища, „лекціи Василія Осиповича производили сильное впечатлѣніе... При тѣхъ двухъ часахъ въ недѣлю, которые отводились для лекцій исторіи, В. О. давалъ слушателямъ лишь сжатый конспектъ, но какой это былъ конспектъ! Въ немъ молодой историкъ какъ въ удивительно красивомъ узорѣ умѣло сочеталъ краткія, но мѣткія характеристики

политических дѣятелей со смѣлыми аналогіями и обобщеніями въ явленіяхъ исторической жизни народовъ Европы. Его лекціи прямо приковывали вниманіе молодыхъ слушателей. Интересъ къ нимъ возрасталъ съ каждымъ годомъ, и уже ко времени моего пребыванія въ училищѣ многіе юнкера заранѣе старались достать литографированныя записки преподавателя, такъ какъ на всѣхъ юнкеровъ обыкновенно ихъ не хватало. Я, болѣе склонный къ наукамъ математическимъ, которыя потомъ и сдѣлались главной основой моей спеціальности, зорко оберегалъ свой экземпляръ отъ товарищескихъ поползновеній зачитать и увезъ его изъ училища по окончаніи курса, какъ дорогую мнѣ память о лекціяхъ В. О—ча. И теперь иногда, переворачивая эти пожелтѣвшіе листки для какой-нибудь справки, невольно увлечешься и прочитаешь нѣсколько страницъ этого краткаго, но мастерски написаннаго конспекта“¹⁾. 27 октября 1896 г. Московская духовная академія праздновала двадцатипятилѣтіе службы въ ней В. О—ча. Вспоминая свои студенческія впечатлѣнія въ аудиторіи Ключевского, доцентъ академіи С. И. Смирновъ въ своей рѣчи В. О—чу говорилъ: „Издали мы пугались историческихъ памятниковъ. Но Вы извлекали изъ нихъ образцы народнаго лаконизма, своеобразнаго выраженія всѣмъ близкихъ движеній человѣческаго ума и сердца. На основаніи этихъ памятниковъ Вы рисовали такія цѣльныя картины прошлаго, что Ваши слушатели невольно проникались къ нимъ живымъ интересомъ. Такъ сами собою и непримѣтно исчезли всѣ наши сомнѣнія на счетъ родной исторіи, и мы понимали, какъ можно полюбить ее всей душой и отдаться ей всей жизнью. Но Вы являлись передъ нами не только ученымъ и художникомъ, но и артистомъ, талантливо передающимъ въ чтеніи самыя тонкіе оттѣнки мысли, вливающимъ живое чувство въ каждый образъ. Въ Вашихъ лекціяхъ насъ поражала музыка Вашей блестящей рѣчи. Завидѣвъ Васъ на кафедрѣ мы цѣликомъ отдавались въ Вашу власть“²⁾.—„Мы всѣ глубоко сознаемъ“, писали въ своемъ адресѣ В. О—чу, ученики училища Живописи, Ваянія и Зодчества, „какое огромное и незамѣнимое значеніе для нашей работы и въ настоящемъ, и въ будущемъ имѣютъ Ваши занятія съ нами, какое благотворное вліяніе они оказываютъ на развитіе въ насъ любви къ родному искусству... Живое и яркое изображеніе въ Вашихъ чтеніяхъ прошедшихъ событій, сошедшихъ со сцены историческихъ образовъ, освѣщенное стройнымъ

1) Чт. О. И. Др. 1914 г. I, Матеріалы, 439. Воспоминанія В. А. Петрова.

2) Богословскій Вѣстникъ, 1896 № 12.

и глубокимъ историческимъ анализомъ не только научало, но и вдохновляло насъ. Ваша всеобъемлющая мысль, проникающая въ мельчайшія стороны человѣческой жизни, тонкое художественное чувство и живое изложеніе любимаго предмета—все это заставляетъ насъ съ восторгомъ наполнять Вашу аудиторію, заставляетъ любить исторію нашей родины“.—„Сейчасъ вернулась съ лекціи Ключевскаго“, пишетъ художница Е. Д. Полѣнова, „какой это талантливый человѣкъ! Онъ читаетъ теперь о древнемъ Новгородѣ и прямо производитъ впечатлѣніе, будто это путешественникъ, который очень недавно побывалъ въ XIII—XIV вѣкѣ, пріѣхалъ и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ рассказываетъ все, что тамъ дѣлалось у него на глазахъ, и какъ живутъ тамъ люди, и чѣмъ интересуются, и чего добиваются, и какіе они тамъ“.

Къ этому стройному хору голосовъ позволимъ себѣ присоединить и нѣсколько строкъ изъ нашихъ студенческихъ воспоминаній о лекціяхъ В. О—ча, которыя мы имѣли счастье слушать въ 1887—1888 годахъ въ Московскомъ университетѣ. „Бывало аудиторія ждетъ не дождется, когда же наконецъ появится, идя торопливой походкой, съ неизмѣннымъ портфелемъ въ рукахъ любимая фигура профессора, невольно привлекавшая къ себѣ вниманіе... Первыя нѣсколько секундъ проходили въ техническихъ приготовленіяхъ. Изъ принесеннаго съ собою портфеля онъ вынималъ цѣлый запасъ вспомогательныхъ аппаратовъ, развязывалъ папку съ тетрадками, доставалъ какіе то маленькіе листочки, книги—все это тщательно раскладывалъ на пюпитрѣ и на боковомъ приспособленіи кафедры, искусно этой вступительной паузой давая и аудиторіи возможность сосредоточить вниманіе. Затѣмъ обыкновенно, съ краткаго резюме предыдущей лекціи начиналось изложеніе. Съ первыхъ же словъ самыми звуками своего не сильнаго, но чрезвычайно мягкаго, гибкаго, подвижнаго, богатаго модуляціями, свободно владѣвшаго высокими и низкими нотами, необыкновенно пріятнаго голоса онъ уже завоевывалъ вниманіе слушателей, превращалъ ихъ, если можно такъ выразиться, въ слухъ. Онъ читалъ съ художественною выразительностью, интонаціями и даже самой игрой лица изображая читаемое, мастерски разыгрывая содержаніе лекціи. И, благодаря этому, его лекціи неизгладимо врѣзывались въ память... Вся черновая техническая сторона работы въ лекціяхъ была, разумѣется, скрыта; но Василій Осиповичъ не ограничивался только изложеніемъ однихъ конечныхъ выводовъ и результатовъ; онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ вводилъ слушателей въ ходъ своей изслѣдовательской работы, выпукло излагая процессъ

мысли, наблюденій и заключеній, иллюстрируя наблюденія яркими убѣдительными, конкретными примѣрами и опуская со свойственнымъ ему чувствомъ мѣры мелкія запутывающія детали, не подчиняющіяся и самому напряженному вниманію аудиторіи. Неограниченно властвуя этимъ вниманіемъ, онъ никогда не злоупотреблялъ имъ, не утомлялъ его мелочами и велъ его только по главнымъ нитямъ, по магистралямъ своей мысли, постоянно выступая ему на помощь и облегчая ему работу усвоенія посредствомъ частыхъ резюме пройденнаго, служившихъ какъ бы станціями, отдохнувъ на которыхъ, слушатели запасались силами на дальнѣйшій путь. На самомъ пути уровень вниманія лекторъ поддерживалъ другимъ пріемомъ; замѣчая его пониженіе, онъ освѣжалъ его остроумнымъ рассказомъ, иногда характерной цитатой, даже просто мѣткимъ остроумнымъ сравненіемъ, на которыя онъ былъ такой мастеръ. По аудиторіи точно пробѣгала электрическая искра, проносился раскатъ освѣжающаго и ободряющаго смѣха, и возстановленное вниманіе готово было опять послушно и покорно слѣдовать за руководителемъ. И какое высокое наслажденіе было слѣдить за этой тонкой, ясной, стройной и изящной мыслью, за этимъ процессомъ анализа, который повторялся лекторомъ, произведшимъ его уже у себя въ кабинетѣ, вновь въ общихъ чертахъ совмѣстно съ аудиторіей. Созерцаніе этой тонкой мыслительной работы, соприкосновеніе съ нею и участіе въ ней какъ-то просвѣтляло и утоньшало собственную мысль, изоцряло ея работу, воспитывало ее. Съ лекціи Ключевскаго всегда, бывало, уходилъ съ новыми знаніями, которыя на ней пріобрѣтались, но—что еще гораздо важнѣе—чувствовалось, что съ нея уходилъ, ставъ нѣсколько умнѣе, чѣмъ пришелъ на нее. Свѣтъ его мысли просвѣтлялъ и мысль его слушателей. Какіе бы сильные доводы ни приводились противъ лекціонной системы, они всѣ падаютъ передъ силой того обаятельнаго и того воспитывающаго дѣйствія, какое производили на слушателей лекціи Ключевскаго¹⁾.

VI.

„Въ жизни ученаго и писателя главные біографическіе факты—книги, важнѣйшія событія—мысли“, говорилъ Василій Осиповичъ. Послѣ появленія въ свѣтъ „Боярской Думы“ ученая работа В. О.—ча не остановилась. Онъ подарилъ русскую науку еще нѣсколькими изслѣдованіями, изъ которыхъ каждое, несмотря на небольшой

¹⁾ *Богословскій*, Изъ воспоминаній о В. О. Ключевскомъ, Чт. О. И. Др. 1914 г. кн. I, 124—127.

объемъ, производило переворотъ въ соотвѣтствующемъ вопросѣ. Таковы его статьи: „Русскій рубль въ XVI—XVIII в.в. въ его отношеніи къ нынѣшнему“—детальное и кропотливое изысканіе, результаты котораго разъяснили оставшіяся до тѣхъ поръ темными извѣстія о цѣнахъ, встрѣчаемыя въ древне-русскихъ патентникахъ; далѣе „Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи“, „Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи“ и „Составъ представительства на земскихъ соборахъ“. Не перечисляемъ болѣе мелкихъ статей и рецензій, составленныхъ по порученію Академіи Наукъ, въ которыя В. О. всегда умѣлъ внести или новое самостоятельное изслѣдованіе, или свой оригинальный взглядъ на затронутый предметъ. Большую цѣну имѣютъ его критическія замѣчанія, высказанныя при разборѣ диссертаций на диспутахъ, на которые В. О. обыкновенно появлялся тщательно подготовившись, во всеоружіи знанія и на которыхъ онъ всегда проводилъ новыя точки зрѣнія и въ изящной формѣ сообщалъ результаты собственныхъ изысканій по вопросамъ, которыхъ касались разбираемыя диссертации. Неоднократно онъ выступалъ передъ московскимъ обществомъ съ публичными лекціями, которыя онъ читалъ съ благотворительными цѣлями. Нечего и говорить, что эти лекціи были триумфами В. О.—ча. Послѣдніе годы жизни, съ тѣхъ поръ какъ В. О. оставилъ чтеніе лекцій въ академіи и сократилъ занятія въ университетѣ, онъ сталъ обрабатывать и выпускать въ свѣтъ въ печатномъ видѣ свой знаменитый курсъ лекцій, первые четыре тома котораго онъ успѣлъ издать самъ. На этой работѣ его и застигла тяжелая болѣзнь и смерть.

Талантъ и ученыя заслуги В. О.—ча нашли себѣ должную офіціальную оцѣнку со стороны ученыхъ учрежденій. 7 окт. 1900 г. онъ былъ избранъ ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ по русской исторіи и древностямъ. При уходѣ изъ духовной академіи онъ былъ избранъ ея почетнымъ членомъ. 3-го ноября 1908 г. онъ былъ избранъ почетнымъ академикомъ по разряду изящной словесности Императорской Академіи Наукъ. Наконецъ, въ 1911 г., уже не задолго до кончины, В. О. былъ избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета, званіе, о которомъ давно уже шла рѣчь среди профессоровъ университета, но которое В. О. по присущей ему скромности умѣлъ долгое время отклонять. Многочисленные ученики В. О.—ча въ день когда исполнилось тридцатилѣтіе его службы въ университетѣ, выразили свою благодарность учителю поднесеніемъ ему объемистаго сборника своихъ статей. Въ обращеніи къ В. О.—чу, предпосланномъ этимъ статьямъ, хорошо формулировано вліяніе В. О.—ча

на его учениковъ и крѣпкая духовная связь его съ нимъ „Вашимъ курсомъ“, говорится въ этомъ обращеніи „мы зачитывались еще въ сѣрыхъ литографіяхъ прежнихъ дней. Для многихъ изъ насъ онъ былъ первой книгой, заставившей мысль встрепенуться. Изъ него мы исходили, приступая къ занятіямъ русской исторіей. Мы шли въ глубь отдѣльныхъ вопросовъ, изучая смутное время, преобразованія Петра, Литовскую Русь, исторію русской верховной власти и государственнаго тягла, судьбы русской деревни, прошлое русскаго города, отъ южной окраины Московскаго государства черезъ замосковный край шли на далекій поморскій сѣверъ съ его мужицкими мірами — надъ чѣмъ бы мы ни работали, мы всегда исходили изъ Вашего курса и возвращались къ нему, какъ къ тому цѣлому, отдѣльныя части котораго мы изучали... Чѣмъ бы мы ни занимались, — русской исторіей или исторіей другихъ народовъ и другихъ государствъ, литературой, языковѣдѣніемъ, правомъ или общественнымъ хозяйствомъ — мы всегда чувствовали крѣпкую духовную связь съ Вашей работой и съ Вами“.

VII.

Я далекъ отъ намѣренія исчерпывающимъ образомъ характеризовать всю силу и всю глубину дарованій Ключевскаго. Мнѣ хочется только указать тѣ стороны его таланта, которыя всегда мнѣ казались наиболѣе для этого таланта существенными, наиболѣе составляющими его отличительную особенность. Основнымъ свойствомъ его мощнаго ума было поразительно изощренное и развитое, сильное и тонкое, но всегда конкретное, если такъ можно выразиться, мышленіе. Отвлеченная работа мысли была ему чужда; онъ обладалъ слишкомъ яркимъ воображеніемъ, онъ былъ слишкомъ художникъ для абстракцій; самый его языкъ былъ слишкомъ образнымъ для передачи отвлеченныхъ понятій. Высшія отвлеченныя понятія его не занимали; высшими философскими вопросами онъ, повидимому, очень мало интересовался. Даже и къ теоріямъ той самой науки, которой онъ всего себя отдалъ, онъ оставался довольно равнодушнымъ; разговоръ, касавшійся теоріи историческаго процесса его не воодушевлялъ, и кромѣ первой лекціи курса нигдѣ, кажется, больше онъ этой теоріи не касался. Его работы писались не по теоретическимъ шаблонамъ, да и не Ключевскому, конечно, было держаться въ своихъ работахъ какихъ-либо принятыхъ шаблоновъ, когда сами эти его работы въ ихъ практическомъ исполненіи должны служить образцами и основами, отправными точками для методологическихъ теорій! Къ

Ключевскому менѣ всего пошло бы названіе отвлеченнаго мыслителя. Какъ топливо для огня, для его мысли всегда нуженъ былъ конкретный, реальный, фактической матеріаль. Фактами какъ бы замѣнялись для него логическія понятія. „Историческіе факты“, писалъ онъ въ одной изъ своихъ статей, „по существу своему—выводы, обобщенія отдѣльныхъ явленій, сходныхъ по характеру; они—то же, что понятія въ логической сферѣ. Подобно послѣднимъ они могутъ разниться по своей широтѣ, по количеству обобщаемаго въ нихъ матеріала; но подобно послѣднимъ же, они всегда должны сохранять логическое соотвѣтствіе своему матеріалу“¹⁾. Неутомимый изслѣдователь фактовъ, онъ оригинально ихъ анализировалъ, разлагая ихъ на части и комбинируя отдѣльные факты въ стройныя системы, которыя обобщалъ затѣмъ въ грандіозную общую схему своего курса; онъ открывалъ въ изслѣдуемыхъ фактахъ новыя, никѣмъ раньше не замѣченныя черты, своеобразно ихъ освѣщалъ, отыскивалъ ихъ причины и выводилъ слѣдствія—но онъ работалъ всю жизнь надъ историческими фактами и только надъ ними. Вотъ почему онъ органически былъ неспособенъ задаваться задачей вывести весь ходъ русской исторіи изъ какого-либо одинаго отвлеченнаго начала, не сотворилъ себѣ того одинаго кумира, которому поклонялись гегеліанцы славянофилы и западники и отъ поклоненія которому въ началѣ своей научной дѣятельности не остался свободенъ и Соловьевъ.

Не вся масса историческихъ фактовъ привлекала къ себѣ безразлично, въ одинаковой степени научное вниманіе Ключевского; можно намѣтить нѣкоторыя группы ихъ, возбуждавшія въ немъ особый, преимущественный интересъ. Его манили къ себѣ въ изслѣдованіи историческаго процесса явленія политическія, соціальныя и экономическія, и главнымъ образомъ соціальныя. Явленій иного порядка, исторіи мысли, религіи, литературы, искусства онъ, разумѣется, не обходитъ и, когда коснется ихъ, даетъ превосходныя вещи; но не на этихъ вопросахъ были сосредоточены его главныя силы. Свой курсъ онъ ограничиваетъ, какъ онъ заявляетъ во вступленіи, лишь политической, соціальной и экономической сторонами историческаго процесса и, припомнимъ, весь ходъ русской исторіи онъ дѣлитъ на періоды по признакамъ этихъ трехъ категорій. Кіевская торговая, городова Русь смѣняется у него Суздальскою, вольно-земледѣльческой, удѣльно-княжеской, которую въ свою очередь смѣняетъ Русь Московская царско-бояр-

¹⁾ „Церковь по отношенію къ умственному развитію древней Руси“. „Правосл. обозр.“ 1870, I, стр. 311.

ская, военно-землевладельческая, и эта послѣдняя, наконецъ, переходитъ въ Русь всероссійскую, императорско-дворянскую, крѣпостную, земледѣльческую и фабрично-заводскую. Въ основѣ этой классификаціи, какъ видимъ, строго выдержаны экономическіе, соціальныя и политическіе признаки. Тяготѣніе къ вопросамъ указанныхъ порядковъ у Ключевского можетъ быть объясняемо, конечно, общимъ направленіемъ европейской, а также и русской исторіографіи второй половины XIX вѣка, выдвинувшей эти стороны историческаго процесса на первый планъ научнаго изслѣдованія. Ключевскій въ этой области работалъ не одиноко, и его можно считать членомъ той историко-юридической школы въ русской исторіографіи, къ которой принадлежитъ не мало славныхъ именъ, каковы Неволинъ, Кавелинъ, Чичеринъ, Соловьевъ, Сергѣевичъ, Градовскій, Дитятинъ.

Но даже и къ указаннымъ тремъ категоріямъ историческихъ явленій интересъ Ключевского устремлялся неравномѣрно. Всего охотнѣе его мысль направляется къ исторіи общественныхъ классовъ, и въ этомъ, быть можетъ, надо видѣть вліяніе той эпохи, съ которою совпали наиболѣе воспримчивыя годы его юности, когда въ Россіи разрѣшалась великая соціальная проблема—освобожденіе крестьянъ. Практическое рѣшеніе этого вопроса сопровождалось въ нашемъ обществѣ подъемомъ теоретическаго, научнаго интереса къ исторіи тѣхъ двухъ общественныхъ классовъ: дворянства и крестьянства, которые входили, какъ двѣ данныя величины въ подлежащую рѣшенію задачу. Двѣ неравныя по объему, но совершенно равныя по цѣнности работы Ключевского посвящены исторіи высшихъ государственныхъ учрежденій древней Руси: боярской думѣ и земскимъ соборамъ. Но, работая надъ исторіей *учрежденій*, онъ интересуется въ нихъ главнымъ образомъ ихъ *соціальной* стороною. Въ статьѣ о земскихъ соборахъ онъ вскрываетъ общественный составъ этихъ собраній, а его „Боярская Дума“ съ полнымъ правомъ можетъ быть названа подробною исторіей русскаго боярства, до такой степени изслѣдованіе ея, какъ института, уступаетъ мѣсто исторіи того общественнаго класса, представители котораго ее наполняли. Новыя, неожиданныя, оригинальныя комбинаціи, къ которымъ Ключевскій приходилъ въ этихъ изслѣдованіяхъ, можно назвать поистинѣ гениальными. Въ самомъ дѣлѣ, элементы, которыми работаетъ гений, тѣ же, что встрѣчаются и въ окружающей его средѣ въ ту эпоху, когда онъ живетъ и дѣйствуетъ. Но тѣ небывалыя, оригинальныя сочетанія, въ которыя онъ эти элементы приводитъ, и тѣ, неожиданныя сопоставленія, которыя онъ изъ нихъ дѣлаетъ, составля-

ютъ то его личное, что никѣмъ ему не дано, что ни отъ какой среды и эпохи, ни отъ какихъ вліяній не зависитъ и что онъ самъ вноситъ въ міръ. Элементы давно были извѣстны; знали о думѣ и земскихъ соборахъ съ одной стороны, извѣстны были и классы русскаго общества съ другой. Но только Ключевскому пришла счастливая мысль сочетать эти элементы, рассмотреть ихъ во взаимной связи, и получились поразительные результаты, настоящія открытія. Точно также примѣненное имъ изученіе *соціальной* основы внесло смыслъ въ исторію Смутнаго времени. Ходъ событій Смутнаго времени представлялся до Ключевскаго какой-то дѣйствительно смутной фантасмагоріей, какимъ-то калейдоскопомъ, въ которомъ въ причудливомъ безпорядкѣ сцѣплялись случайные факты. Только Ключевскій проницательнымъ взглядомъ различилъ выдвигавшіяся въ Смутѣ соціальныя силы, намѣтилъ участіе въ этой революціи на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ различныхъ общественныхъ классовъ съ ихъ идеалами и программами и съ ихъ кандидатами на престолъ, какъ средствами для осуществленія этихъ программъ. Ключевскій, не занимаясь самъ Смутыю спеціально, указалъ настоящій путь къ ея научному изученію, и въ дальнѣйшихъ, посвященныхъ ей спеціальныхъ изслѣдованіяхъ это его указаніе принесло цѣнные и обильные результаты.

Было бы ошибкой утверждать, что научный интересъ Ключевскаго привлекали къ себѣ историческія судьбы преимущественно низшихъ классовъ, ошибкой хотя бы уже по одному тому, что бѣольшую часть своихъ ученыхъ силъ онъ отдалъ работѣ надъ исторіей какъ разъ высшаго класса русскаго общества—боярства. Справедливѣе будетъ сказать, что совершенно одинаково притягивали къ себѣ его вниманіе какъ низы, такъ и верхи русскаго общества, и рѣшительно никакого демократическаго предпочтенія въ его ученыхъ изслѣдованіяхъ уловить нельзя. И въ „Боярской Думѣ“, и въ курсѣ онъ подробно изучаетъ эволюцію высшихъ правящихъ слоевъ, торговую аристократію Днѣпровской Руси, землевладѣльческую дружину и монастырское общество Верхневолжской, титулованное московское боярство XV—XVII вѣковъ и пришедшее ему на смѣну пестрое по составу мелкопомѣстное дворянство XVIII и XIX столѣтій, производящее черезъ гвардію дворцовые перевороты. Общественнымъ низамъ посвящены двѣ небольшія по объему, но не менѣе значительныя по важности работы: статьи о происхожденіи крѣпостнаго права и о холопствѣ, также могущія служить образцами оригинальнаго и неожиданнаго сочетанія данныхъ, извѣстныхъ и ранѣе. Вопросомъ о происхож-

деніи крѣпостного права давно занимались, но источника этого права все искали въ правительственныхъ указахъ, и только Ключевскому пришла мысль поискать его въ крестьянской порядной, сопоставивъ эту порядную съ кабальной холопской записью. Получился въ результатѣ цѣлый переворотъ въ изученіи вопроса.

Въ исторіи общественныхъ классовъ Ключевскій изучаетъ главнымъ образомъ ихъ *юридическое положеніе*. Чисто экономическимъ вопросамъ онъ посвятилъ два спеціальныхъ изслѣдованія: „Хозяйство Соловецкаго монастыря на Бѣломорскомъ побережьи“ и затѣмъ изслѣдованіе о цѣнности русскаго рубля. Но вообще экономическія отношенія привлекаются въ его работахъ лишь постольку, поскольку они нужны для объясненія создававшихся на ихъ основѣ юридическихъ явленій. Права и обязанности общественныхъ классовъ, ихъ взаимоотношеніе, положеніе ихъ въ государствѣ, какъ сословія, — вотъ вопросы, на которые отвѣчаютъ отдѣльныя изслѣдованія Ключевскаго. Эти отдѣльныя изслѣдованія онъ сводитъ въ курсѣ въ единую схему процесса постепеннаго закрѣпощенія сословія, достигающаго своей кульминаціонной точки къ половинѣ XVIII вѣка, и затѣмъ излагаетъ развитіе обратнаго процесса раскрѣпощенія сословія, начавшагося изданіемъ законовъ, облегчающихъ обязательную дворянскую службу, и закончившагося манифестомъ 19 февраля 1861 г. На этой схемѣ, изображающей восходящій процессъ закрѣпощенія и затѣмъ нисходящую линію освобожденія, зиждется структура его общаго курса, и если бы нужно было опредѣлить главную, господствующую склонность Ключевскаго, какъ историка, я бы назвалъ его историкомъ общественныхъ классовъ.

Таковы факты, таково фактическое содержаніе, надъ которымъ работала его мысль. Но эта могучая и вмѣстѣ съ тѣмъ поразительно тонкая мысль не скользила по фактамъ поверхностно, не вбирала ихъ въ себя пассивно, чтобы передать ихъ затѣмъ съ эпическимъ равнодушіемъ. Она воздѣйствовала на историческій матеріаль подобно солнечному лучу, который, падая на предметъ, не только озаряетъ его и дѣлаетъ видимымъ, но и оказываетъ на него глубокое интенсивное, физическое и химическое воздѣйствіе, разлагая его на составныя части или, наоборотъ, содѣйствуя его сочетанію съ другими элементами. Ключевскій не подносилъ читателю непереработаннаго сырья, рассказывалъ историческіе эпизоды только, когда это было необходимо, при чтеніи лекцій излагалъ факты бѣгло, какъ бы нехотя, торопясь скорѣе къ тѣмъ выводамъ и размышленіямъ, для которыхъ собственно и рассказывались факты. Факты были для него то же, что логическія

понятія; вотъ почему онъ и совершалъ съ ними ту же мыслительную операцію, которая совершается съ логическими понятіями. Факты были только служебными элементами, питавшими его мышленіе. Не самое изложеніе событія, какъ таковое, а размышленіе надъ событіемъ было его главной цѣлью, и едва его мысль касалась факта, какъ она уже начинала либо расчленять его на составныя его части, анализировать его, либо подыскивать сходныя ему факты, соединять частныя и мелкіе факты въ болѣе общіе, связывать общіе факты въ группы и системы и, наконецъ, обобщать системы въ единое стройное цѣлое,—словомъ, продѣлывать надъ фактами другую, синтетическую работу. Въ обоихъ этихъ методахъ и въ анализѣ, и въ синтезѣ мы видимъ въ Ключевскомъ первокласснаго мастера, не знающаго себѣ равныхъ. Онъ одинаково великъ и въ миниатюрныхъ микроскопическихъ изысканіяхъ, и въ грандіозныхъ общихъ построеніяхъ.

Его совершенно не тяготила предварительная, черная, кропотливая, неблагодарная, казалось бы, работа надъ просмотромъ массы источниковъ, на которую приходится изслѣдователямъ затрачивать много времени и силъ и въ результатѣ которой можетъ оказаться всего нѣсколько крупинокъ, но, правда, онъ добывалъ крупинки чистаго золота. Онъ не затруднялся внимательнѣйшимъ образомъ пересмотрѣть груды архивнаго сырья, перечитать множество какихъ-нибудь десятенъ или писцовыхъ книгъ для того, чтобы получить двѣ-три необходимыя ему цифры. Такую работу онъ велъ поистинѣ съ соловьевскою трудоспособностью. Стремясь найти въ житіяхъ святыхъ нѣсколько данныхъ для интересовавшаго его факта колонизаціи сѣверной Руси, онъ собралъ по разнымъ древлехранилищамъ и библіотекамъ громадное количество рукописныхъ житій, подвергъ каждое изъ нихъ самому тщательному критическому изслѣдованію, и результаты, къ которымъ приводила его эта египетская работа, положенія, которыя были имъ добыты, служатъ съ тѣхъ поръ прочнымъ базисомъ и надежнымъ отправнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ труженниковъ въ этой области. Какую массу скучнѣйшаго, казалось бы, и однообразнѣйшаго цифрового сырья надо было собрать и переработать для того, чтобы получить ровно девять заключительныхъ строкъ всего этого обширнаго изслѣдованія о цѣнности русскаго рубля, тѣхъ строкъ, въ которыхъ изложены результаты изысканій и съ которыми и справляются обыкновенно всѣ тѣ, кто имѣетъ дѣло съ цѣнностью нашихъ денегъ въ прошломъ. Предпринять такой трудъ было настоящимъ самопожертвованіемъ для науки. Анализъ историческихъ фактовъ Ключевскій велъ какъ бы во-

оруженный микроскопомъ. Такую микроскопическую работу онъ производилъ, когда подвергалъ изслѣдованію мельчайшія детали крестьянскихъ порядныхъ и разнаго рода холопныхъ записей для своихъ статей о происхожденіи крѣпостного права и объ отмѣнѣ холопства въ Россіи, когда разыскивалъ по писцовымъ книгамъ и десятнямъ имя каждаго участника земскихъ соборовъ 1566 и 1598 гг. для статей о составѣ представительства на земскихъ соборахъ или когда изучалъ родословныя и разрядныя записи, собирая гомеопатическими дозами матеріалъ для страницъ „Боярской Думы“, посвященныхъ характеристикѣ состава московскаго боярства. И эти миниатюрныя, скрупулезныя изысканія, всю эту тончайшую работу онъ сводилъ всегда къ опредѣленнымъ, яснымъ, точнымъ, отчетливо изложеннымъ выводамъ, составляющимъ завоеваніе науки и показывающимъ, что вся эта труднѣйшая, египетская предварительная работа была отважно предпринята и съ упорствомъ проведена не напрасно.

Столь же неподражаемъ былъ Ключевскій и въ синтезѣ, въ искусствѣ комбинировать факты и восходить отъ мелкихъ, частныхъ фактовъ и отношеній къ общимъ и крупнымъ, давая имъ точныя опредѣленія, строить системы, чтобы въ конечномъ результатѣ этихъ системъ создать общее построеніе русской исторіи. Тайну его синтетическаго мастерства надо искать въ его яркомъ художественномъ талантѣ, въ силѣ его воображенія и чувства. Въ Ключевскомъ счастливо слились свойства историка—мыслителя и художника, а что можно представить себѣ удачнѣе сочетанія тонкости мысли съ яркостью художественнаго образа?

Художественный талантъ билъ въ немъ ключомъ, прорывался въ немъ, заставляя его нарушать обѣщанія и отступать отъ принятаго плана. Своему общему курсу Ключевскій ставилъ соціологическія задачи. Во вступительной лекціи онъ развивалъ взглядъ на исторію, какъ на подготовительную или предварительную ступень къ соціологіи; рассуждалъ о специальномъ интересѣ мѣстной исторіи, на которой можно слѣдить за своеобразнымъ, неповторяемымъ въ другихъ мѣстахъ сочетаніемъ основныхъ элементовъ человѣческаго общежитія... но кисть живописца не давала покоя рукѣ, и среди соціологическихъ формулъ, въ которыхъ онъ выражалъ подмѣченныя отношенія, онъ вдругъ рисовалъ, какъ живой, портретъ Андрея Боголюбскаго, Ивана Калиты, Грознаго, Алексѣя Михайловича, Петра Великаго. Его преобладающимъ ученымъ интересомъ было изображеніе юридическаго положенія общественныхъ классовъ, ихъ правъ и обязанностей къ государству, и онъ при чтеніи лекцій обѣщалъ держаться въ

ихъ изображеніи только этой стороны, но къ величайшему счастью для слушателей онъ какъ бы забывалъ свое обѣщаніе и давалъ яркую характеристику умственного и нравственного состоянія дворянства въ XVIII и XIX вѣкахъ, его взглядовъ, вкусовъ, чувствъ и настроеній, ту характеристику, которая легла въ основу его знаменитой лекціи о Евгеніи Онѣгинѣ и его предкахъ. А развѣ можно читать нѣкоторыя страницы его курса безъ того эстетическаго волненія, которое вызываютъ въ насъ лучшія поэтическія произведенія, и развѣ мы не поставимъ, на примѣръ, дивной характеристики великорусскаго племени на ряду съ лучшими страницами нашихъ величайшихъ поэтовъ? Развѣ стиль Ключевскаго, его точное, мѣткое, сильное, какъ будто выкованное слово не производитъ на насъ дѣйствія какой-то музыки—я уже и не говорю о тѣхъ изъ насъ, которые имѣли счастіе слышать его лекціи въ его собственномъ чтеніи! То было обаяніе настоящей, въ буквальномъ смыслѣ слова музыки, благодаря его необыкновенно привлекательному голосу и дикціи. И теперь еще, когда перелистываешь его курсъ, воскресаютъ слуховыя впечатлѣнія, и отдѣльныя фразы курса слышатся такъ, какъ онѣ были когда-то произносимы.

Несравненный художественный талантъ, которымъ обладалъ Ключевскій, открывалъ ему особый пріемъ изображенія изучаемыхъ имъ явленій и особый путь ихъ познанія, невѣдомый для патентованныхъ ученыхъ изслѣдователей, но только изслѣдователей. Тотъ предметъ, надъ обстоятельнымъ описаніемъ и надъ тщательнымъ измѣреніемъ котораго со всѣхъ его сторонъ въ его цѣломъ и въ частяхъ ученый изслѣдователь потратитъ много времени, тотъ самый предметъ художникъ нѣсколькими мазками кисти или подобралъ удачный эпитетъ представить въ яркомъ, непосредственно воспринимаемомъ образѣ. Это потому, что художникъ познаетъ предметъ путемъ непосредственной, художественной интуиціи, путемъ какого-то внутренняго проникновенія въ самую суть предмета. Когда Ключевскій въ архивѣ или въ тиши своего ученаго кабинета погружался въ чтеніе древнихъ документовъ, онъ вживался въ ту эпоху, которую изслѣдовалъ, онъ проникалъ въ міросозерцаніе, въ чувства и настроенія людей того времени, постигая ихъ внутреннимъ художественнымъ чутьемъ. Онъ на эти минуты какъ бы жилъ съ людьми прошлаго, мыслилъ и чувствовалъ вмѣстѣ съ ними. Этого непосредственнаго художественнаго проникновенія въ былое, и въ его внѣшнюю обстановку, и въ психологію давно сошедшихъ съ исторической сцены людей, и отдѣльныхъ личностей, и народныхъ массъ, этой

способности постигать, усваивать и воскрешать отдуманная думы, угасшія чувства и отзвучавшія рѣчи не могли понять въ Ключевскомъ ученые юристы, видные представители того же историко-юридическаго направленія, къ которому и самъ онъ принадлежалъ. И вотъ раздавались упреки: откуда взялъ то или иное положеніе, почему не подкрѣпилъ его цитатами, ссылками. Откуда взялъ? Изъ минувшей жизни, во всей своей жизненной яркости проходившей передъ его художественными очами, которую глубоко понялъ и которую воспроизвелъ, воскресивъ ее волшебной силой своего творчества. Какими цитатами и ссылками нужно подтверждать еще правду, почерпнутую такимъ художественнымъ воспріятіемъ?

Что же оставилъ намъ Ключевскій, какъ ученый, силой своей мысли раскрывавшій намъ смыслъ минувшаго и какъ художникъ, воскрешавшій передъ нами образы былого? Теперь еще невозможно оцѣнить все имъ сдѣланное, нельзя еще точно учесть силы оказаннаго имъ вліянія. Настанетъ пора, когда появятся о немъ спеціальныя изслѣдованія; тогда найдутъ себѣ безпристрастную оцѣнку и данная имъ общая концепція русскаго историческаго процесса, и предложенныя имъ рѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ этого процесса. Въ его крупныхъ произведеніяхъ и мелкихъ статьяхъ спеціалисты найдутъ на ряду съ рѣшеніемъ однѣхъ задачъ постановку другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнныя указанія методовъ къ ихъ рѣшенію. Этихъ указаній теперь не перечислишь, но безъ нихъ долго нельзя будетъ обойтись при дальнѣйшихъ работахъ въ тѣхъ областяхъ, которыхъ касался Ключевскій. Можетъ быть, и придется признавать иныя его рѣшенія неудачными, но нельзя будетъ никогда обходить ихъ равнодушно.

Широкимъ и, надо думать, все болѣе имѣющимъ расширяться кругамъ русскаго общества Ключевскій оставилъ свой курсъ, замѣчательный памятникъ нашего національнаго самосознанія, въ которомъ можно видѣть итогъ мыслительной работы русскаго народа надъ своимъ прошлымъ, подведенный однимъ изъ талантливейшихъ его сыновъ. Курсъ сталъ уже настольною книгой каждаго русскаго образованнаго человѣка, и недалеко то время, когда, будучи переведенъ на иностранные языки, онъ сдѣлается свѣтомъ откровенія и для западно-европейскаго міра, которому онъ откроетъ глаза на истину нашего прошлаго. Широкою волной основные выводы курса льются черезъ учебную литературу въ нашу среднюю и низшую школу, и такимъ образомъ его положенія входятъ въ плоть и въ кровь нашего историческаго міросозерцанія. Отрывки изъ него мы скоро увидимъ въ хрестоматіяхъ

по русскому языку, какъ образцы русскаго художественнаго слова, на ряду съ лучшими произведеніями нашей прозы. И долгое время эта книга Ключевскаго будетъ зажигать юныя сердца любовью къ изученію родной исторіи и порождать склонность къ спеціальному занятію ею, оказывать то же дѣйствіе, какое на него самого оказали книги Карамзина и Соловьева ¹⁾.

М. Богословскій.

по русскому языку, какъ образцы русскаго художественнаго слова, на ряду съ лучшими произведеніями нашей прозы. И долгое время эта книга Ключевскаго будетъ зажигать юныя сердца любовью къ изученію родной исторіи и порождать склонность къ спеціальному занятію ею, оказывать то же дѣйствіе, какое на него самого оказали книги Карамзина и Соловьева ¹⁾.

М. Богословскій.

---

¹⁾ М. Богословскій, В. О. Ключевскій, какъ ученый въ Сборникѣ въ память В. О. Ключевскаго изд. „Научнаго Слова“.

Профессоръ А. П. Лебедевъ.

ПРОФЕССОРЪ

Алексѣй Петровичъ Лебедевъ.

(2 марта 1845 г.—14 іюля 1908 г.).

Начало царствованія Императора Александра II, ознаменовавшее себя, какъ извѣстно, рядомъ освободительныхъ реформъ, сказавшееся во всѣхъ сферахъ нашей общественной жизни и пробудившее русскія силы отъ той неестественной спячки, въ какую онѣ были ввержены въ тяжелую эпоху его предшественника, отразилось благопріятно вообще на положеніи богословской науки, и въ частности, церковной исторіи. Новый уставъ Академіи, изданный и введенный въ дѣйствіе въ 1869 году, создавалъ цѣлый рядъ условій, содѣйствовавшихъ поднятію умственной энергіи и литературной производительности въ внутренней академической жизни. Прежнее безпорядочное преподаваніе наукъ получило прочную систему: всѣ науки распредѣлялись на три отдѣленія: богословское, церковно-практическое и церковно-историческое, и для студентовъ вмѣсто того, чтобы набивать себѣ голову разнообразными и часто ничѣмъ не связанными между собой богословскими, историческими и литературными познаніями, явилась возможность спеціализировать свои занятія, такъ что, напр., студентъ, записавшійся на церковно-историческое отдѣленіе, въ теченіе четырехъ лѣтъ своего обученія въ Академіи почти исключительно изучалъ историческія науки. Возникло нѣчто въ родѣ университетскихъ факультетовъ, и вліяніе этого не замедлило сказаться на повышеніи студенческихъ успѣховъ. Сосредоточивая свое вниманіе главнымъ образомъ на усвоеніи извѣстнаго рода фактовъ и мыслей, выслушивая лекціи по опредѣленному, логически связанному между собой кругу наукъ и составляя семестровыя сочиненія на темы, заимствованныя изъ одной сферы знанія, студентъ естественно глубже осваивался съ изучаемымъ кругомъ вопро-

совъ, прибрѣталъ навѣкъ къ изслѣдованію ихъ, шире ознакомлялся съ ученой литературой и становился способнымъ къ самостоятельной работѣ въ предѣлахъ спеціально изученной имъ научной области. Другимъ важнымъ нововведеніемъ устава 1869 г., содѣйствовавшимъ подъему научныхъ занятій въ Академіи, было установленіе магистерской и докторской степени, причемъ прибрѣтеніе той и другой степени обусловливалось представленіемъ печатной диссертациі и публичной защитой высказанныхъ въ ней тезисовъ. И при старомъ уставѣ (1814) существовали эти степени, но званіе магистра присуждалось конференціей Академіи лучшимъ студентамъ за рукописныя сочиненія, составленныя на IV курсѣ (теперешнія кандидатскія), которыя сдавались въ архивъ и оставались совсѣмъ неизвѣстными публикѣ. Докторской же богословской степени отъ профессоровъ совсѣмъ тогда не требовалось: она раздавалась св. Синодомъ, какъ награда, вродѣ скуфьи или наперстнаго креста, двумъ-тремъ архіереямъ или протоіереямъ, въ теченіе каждаго десятилѣтія, часто за очень сомнительныя ученые заслуги. Учрежденіе магистерской и докторской степени, присуждаемыхъ Совѣтомъ и представляемое на окончательное утвержденіе св. Синода, сдѣлалось однимъ изъ сильныхъ стимуловъ, двинувшимъ впередъ богословскую и въ частности церковно-историческую науку. Прибрѣтеніе ученыхъ степеней явилось нравственнымъ долгомъ каждаго сознававшего свои обязанности профессора и публичнымъ свидѣтельствомъ о серьезномъ отношеніи къ своему дѣлу, а спеціализація преподаванія открыла полную возможность оканчивающимъ студентамъ сравнительно легко обрабатывать свои семестровыя и кандидатскія сочиненія, издавать ихъ въ печати и прибрѣтать званія ученыхъ степеней. Эти перемѣны, внесенныя уставомъ 1869 г. во внутренній ученый строй Академіи всего ярче отразились на развитіи церковно-исторической науки у насъ, и день появленія этого устава можно считать тѣмъ днемъ, когда эта наука встала на прочную почву. Положеніе дѣла радикально измѣнилось: церковно-историческая наука, запертая ранѣе въ академическихъ стѣнахъ, вынесена была на свѣжій воздухъ и привлекла къ себѣ вниманіе всего интеллигентнаго общества. Если въ прежнее время всѣ сочиненія церковно-историческаго характера писались по одному шаблону и ихъ содержаніе во многихъ случаяхъ часто опредѣлялось волею начальства, то теперь воцарилась самостоятельность и критическое отношеніе къ церковно-историческимъ вопросамъ. Появилась научная критика и „скепсисъ“, столь мало обычный въ богословскихъ наукахъ, не тотъ скепсисъ, который служитъ выраженіемъ

недовѣрія къ собственнымъ силамъ, а тотъ, который не самообольщается, ничего не хочетъ преувеличивать и довольствуется дозой истинъ вмѣсто „возвышающаго насъ обмана“ — словомъ тотъ скепсисъ, который долженъ расцифровать церковно-историческія легенды и отыскивать здѣсь зерно истины ¹⁾. Въ диссертаціяхъ и печатныхъ произведеніяхъ стали развиваться новыя теоріи и взгляды, часто расходящіеся съ принятыми и установившимися воззрѣніями; между учеными противниками завязывались горячіе и продолжительные споры, глубже и всесторонне выяснявшіе затронутый предметъ,—споры, о которыхъ ранѣе и помину не было и которые прежде вообще считались признакомъ дурного тона и отнюдь не поощрялись. Сочиненія, такъ или иначе, касавшіяся современныхъ вопросовъ, тотчасъ-же послѣ своего появленія изъ печати вызывали къ себѣ критику и дѣлались предметомъ общаго вниманія. Стало замѣчаться даже то, что называется направленіемъ: личность историка стала яснѣе проглядывать въ мысляхъ и стилѣ его трудовъ, и по самому писателю, независимо отъ предмета, по которому онъ рассуждаетъ, можно было угадать, какъ онъ напишетъ, съ какой стороны освѣтитъ изучаемый предметъ и куда склонятся его симпатіи и антипатіи. Идеалы научные въ корнѣ измѣнялись, и требованіе къ сочиненіямъ, выходящимъ изъ Академій, повысилось: появилась церковно-историческая литература и стала наполнять ту пустоту, какая ранѣе наблюдалась въ этой области, словомъ, начался прогрессъ церковно-исторической науки, который продолжается и донинѣ.

Въ этомъ ростѣ и прогрессѣ церковно-исторической науки у насъ А. П. Лебедеву принадлежало передовое мѣсто, постъ вождя и руководителя. Воспитанникъ 60 годовъ, онъ началъ свою профессорскую службу въ Академіи въ 70 годахъ,—съ момента введенія устава 1869 г., и внесъ въ разработку своей науки живую энергію и свѣжіе идеалы, какими отличались выдающіяся люди этой эпохи. Церковную исторію онъ понялъ не только, какъ науку, не преслѣдующую никакихъ другихъ тенденціозныхъ цѣлей, кромѣ научныхъ, но и впервые осуществилъ этотъ великій принципъ на дѣлѣ, послѣдовательно проводя его въ своихъ лекціяхъ и сочиненіяхъ. Богато одаренный отъ природы, онъ обладалъ еще и неизсякаемой способностью къ литературной дѣятельности и всю свою профессорскую жизнь провелъ съ перомъ въ рукахъ,

¹⁾ Слова А. П. Лебедева. Собраніе церковно-историческихъ сочиненій, т. 1. Москва 1898 г. стр. 511—512.

посвящая, по его собственнымъ словамъ ¹⁾, по 15 часовъ въ сутки чтенію книгъ и письму. Ходили легенды, что онъ не пропускалъ ни одного учебнаго дня, чтобы не написать двѣ три четверки своимъ мелкимъ убористымъ почеркомъ, то извлекая нужныя данныя изъ источниковъ, то записывая содержаніе прочитанной наскоро книги, то внося свои общія наблюденія и планы для дальнѣйшихъ работъ. И онъ считалъ своимъ долгомъ, пока оставался профессоромъ Академіи ежегодно составлять свое семейное сочиненіе, затрагивающее тотъ или другой интересный и малоизвѣстный вопросъ, изъ древней и средней исторіи, и печатные оттиски раздавалъ студентамъ того курса, которому онъ читалъ лекціи. Въ его натурѣ лежала какая-то неистощимая страсть къ писательству; онъ не любилъ оставлять свои рукописи въ пыли кабинетныхъ полокъ и ящикахъ и выпускалъ ихъ въ печати, какъ только выходили они изъ подъ его быстрого пера. Масса знаній, скоплавшаяся въ его головѣ, требовала для себя постоянного исхода, и такимъ исходомъ служили для него ученія изслѣдованія, литературно-критическіе очерки, а изрѣдка и полемика—всегда въ энергичномъ, можно сказать задорномъ тонѣ, стремившемся изничтожить противника. Свой свѣтильникъ онъ никогда не оставлялъ подъ спудомъ: онъ хорошо понималъ, что знаніе имѣетъ цѣну не тогда, когда оно сосредоточивается только въ головѣ ученаго, а когда становится публичнымъ явленіемъ и получаетъ общественное значеніе. И онъ никогда не былъ ученымъ въ томъ схоластическомъ смыслѣ, какой часто соединяютъ съ этимъ словомъ, въ смыслѣ напр., собирателя разночтеній текстовъ, изданій, рукописей и пр.,—былъ не рабочимъ, а архитекторомъ своей науки. Сырой матеріалъ, на которомъ основывались его ученія работы, онъ оставлялъ при себѣ, и, быть можетъ, бросалъ въ ту корзину, которая стояла у его письменнаго стола. Въ печать онъ выпускалъ лишь то, что прошло сквозь призму критическаго ума и отлилось въ прочную литературную форму. И его ученые труды не поражаютъ обиліемъ цитатъ, какими излишне пестрятъ нѣкоторыя произведенія современной духовной письменности и отуманиваютъ вниманіе читателей, хотя необходимыя ссылки на пользуемые источники и пособія разсѣяны повсюду; изучающій его сочиненія рѣдко встрѣтитъ также экскурсію въ область экзегезиса текста, подробные и многославные выдержки изъ источниковъ на подлинномъ языкѣ ²⁾ или полемику

¹⁾ Къ моей учено-литературной біографіи. Богословскій Вѣстникъ. 1907, Іюль, стр. 411.

²⁾ Но тамъ гдѣ нужно, онъ прекрасно пользовался и всѣми этими научными

съ противоположными возрѣніями (послѣдней задачѣ онъ посвящалъ отдѣльныя статьи). Онъ умѣлъ дорожить временемъ и вниманіемъ своего читателя и стремился дать ему науку въ чистомъ, законченномъ результатѣ, художественно обработанномъ видѣ, а потому чтеніе его сочиненій и понынѣ оставляетъ по себѣ не только научную пользу, но и эстетическое удовольствіе. Въ этой самобытной особенностях онъ шелъ на встрѣчу потребностямъ своего времени, хотѣлъ усилить или лучше сказать, зародить и воспитать интересъ къ церковной исторіи, привлечь къ ней новыя умственныя силы и поднять ее на научную высоту: этой задачѣ онъ посвятилъ всю свою жизнь и выполнилъ ее въ совершенствѣ.

Когда А. П. Лебедевъ начиналъ свою профессорскую дѣятельность, внутри нашей Академіи уже существовала церковно-историческая наука; она насаждена была заботами Филарета Гумилевскаго и главнымъ образомъ А. В. Горскаго, но воспитывалась въ тиши академическихъ стѣнъ, какъ нѣжный цвѣтокъ въ закрытой со всѣхъ сторонъ оранжереѣ, хотя и тамъ не вполне укрывалась отъ взора властнаго начальства, а на свѣтъ Божій и не смѣла показываться во всей яркости своихъ красокъ. Этотъ цвѣтокъ, взлелѣянный руками Горскаго, А. П. первый вынесъ на свѣжій воздухъ и возрастилъ его въ многовѣтвистое растеніе, плодами котораго долго будутъ питаться послѣдующія поколѣнія. Онъ осуществилъ задачу огромной важности и ту пустоту, которая наблюдалась въ русской церковно-исторической литературѣ въ эпоху Николая I-го, наполнилъ собственными трудами. Каждая книга, вышедшая подъ его именемъ, каждое новое изслѣдованіе, опубликованное имъ, представляло собой крупное научное явленіе и отличалось новостью результатовъ, и если бы онъ ограничилъ кругъ своей ученой любознательности какой-нибудь одной эпохой церковной исторіи, то и тогда при бѣдности и научной незначительности нашей печатной литературы по церковной исторіи въ моментъ выступленія его на общественное поле дѣятельности, онъ стяжалъ бы незаурядную заслугу въ области развѣтвляющагося познанія и литературная энергія, бывшая въ немъ неизсякаемымъ ключемъ, каждый разъ вновь влагала въ руки его перо, какъ только онъ оканчивалъ одно свое произведеніе, чтобы приняться

пріемами. Такова его статья „О нашемъ Символѣ вѣры“, гдѣ онъ на основаніи анализа текста т. н. Епифаніевскаго Символа вѣры пришелъ къ новому и оригинальному выводу по вопросу о происхожденіи и составѣ его, сдѣлавъ, можно сказать, цѣлое ученое открытіе.

за другое и въ своемъ рядѣ изслѣдованій, съ замѣчательной быстротой выходявшихъ съ его письменнаго стола, онъ далъ ни болѣе, ни менѣе какъ научный и всесторонній курсъ всей церковной исторіи, начиная съ первыхъ трехъ вѣковъ ея существованія и кончая новѣйшими судьбами греко-восточной церкви. Русская церковно-историческая наука вмѣстѣ съ нимъ зародилась и вмѣстѣ съ нимъ достигла зрѣлаго возраста, ставши культурно-исторической силой, привлекая къ себѣ общественное вниманіе. Полнота и объективность являются неизмѣнными спутниками всѣхъ его работъ; свѣтъ и тѣни распределены въ нихъ равномерно, и если въ нѣкоторыхъ пунктахъ преобладаютъ темныя краски, то онѣ объясняются только стремленіемъ его къ исторической истинѣ; ни одна важная черта, ни одна характерная мелочь не опущена изъ вниманія и поставлена на своемъ мѣстѣ. Изящный литературный стиль, общедоступность изложенія, картинность воспроизведенія историческихъ событій—все это дѣлаетъ изслѣдованія А. П. Лебедева источникомъ умственнаго наслажденія не только для кабинетныхъ ученыхъ, но и для всей интеллигентной публики, интересующейся вопросами этого рода. *Популярность*—вотъ отличительная черта всѣхъ его ученыхъ работъ, къ которой онъ сознательно стремился ¹⁾ и которая на нѣкоторыхъ читателей особаго склада мыслей можетъ произвести, вопреки желанію автора, неблагоприятное впечатлѣніе. Съ понятіемъ учености у насъ часто соединяются странныя представленія: говорить не простымъ человѣческимъ языкомъ, а вѣщать, какъ древняя Пифія, наполнять рѣчь иностранщиной и глассолаліей всякаго рода, пускаться въ узкую спеціальность—вотъ что нерѣдко разумѣется подъ именемъ учености, и чѣмъ туманнѣе фраза писателя и темнѣе и недоступнѣе для воспріятія его мысль, тѣмъ сильнѣе и авторитетнѣе дѣйствуетъ она на умы нѣкоторыхъ наивныхъ читателей. Ничего подобнаго не встрѣчается въ сочиненіяхъ А. П. Лебедева. Поставивъ себѣ цѣлью дать въ живыхъ очеркахъ всю исторію вселенской и греко-восточной церкви, онъ естественно не могъ вдаваться въ скрупулезную спеціальность, но и не плавалъ по верхамъ церковно-исторической жизни; онъ слѣдилъ главнымъ образомъ за общими теченіями церковной исторіи, лишь изрѣдка вдаваясь

¹⁾ Вотъ собственные слова его изъ предисловія къ новому изданію своихъ сочиненій: „указанные восемь томовъ составились изъ моихъ академическихъ лекцій, но при печатаніи принаровленныхъ къ пониманію читателя, исправленныхъ, дополненныхъ и популярно изложенныхъ (Отъ автора, предисловіе къ 1-му тому).“

въ спеціальные, но всегда краткіе экскурсы. Полный хозяинъ церковно-исторической литературы и ея источниковъ, онъ вмѣстѣ въ свои сочиненія массу идей и фактовъ, сгруппированныхъ въ опредѣленные логическія комбинаціи. Ученый историкъ найдетъ въ нихъ рядъ движущихъ мотивовъ и ясно намѣченныхъ темъ для дальнѣйшихъ болѣе спеціальныхъ работъ въ тѣхъ же сферахъ историческаго познанія; культурный читатель почерпнетъ въ нихъ все необходимое для своего церковно-историческаго образованія. Въ этомъ заключается научное и историческое значеніе ученой дѣятельности А. П. Лебедева.

Назначая свои ученые труды не только для записныхъ спеціалистовъ, но и для всей широкой публики, способной интересоваться церковно-историческими вопросами, А. П. Лебедевъ въ тоже время занялъ въ нашей церковно-исторической литературѣ роль публициста по отношенію къ западной наукѣ и своей цѣлю поставилъ ознакомленіе русской публики со всякой ученой новинкой, появлявшейся на Западѣ и сколько-нибудь заслуживающей вниманія, и здѣсь, какъ и вездѣ онъ внесъ систему въ свое дѣло и оправдалъ его съ высшей, принципиальной точки зрѣнія. Насколько допустима вообще свобода изслѣдованія въ области церковно-историческаго познанія, и если она допустима, то какъ совмѣстить съ ней догматическія и конфессіональныя воззрѣнія той церкви, къ какой причисляетъ себя историкъ?— вотъ два вопроса, которые еще далеко не выяснены въ нашемъ научно-богословскомъ сознаніи и которые невольно навязались А. П. при его всегдашнемъ серіозномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ. И онъ рѣшаетъ ихъ съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія основъ православія и съ точки зрѣнія задачъ церковно-исторической науки. „Основы православія,—разсуждаетъ онъ,—такъ ясны, что погрѣшить противъ нихъ можно только сознательно, а не случайно, или вслѣдствіе небрежности и неосторожности. Есть, правда, такъ сказать, порубежныя области, лежащія между православіемъ и протестантствомъ,—говоримъ о вопросахъ научныхъ—въ этихъ областяхъ наука православная и протестантская работаютъ часто довольно сходно, такъ что для человѣка съ узкими воззрѣніями можетъ представляться, что православный писатель отклоняется отъ началъ своей церкви, но подобное воззрѣніе складывается вслѣдствіе неяснаго представленія о томъ, что составляетъ сущность православія и что не составляетъ сущности его. Напр., критика церковныхъ преданій, критика дѣйствій историческихъ лицъ, высоко стоящихъ во мнѣніи церкви, критика сочиненій, уважаемыхъ въ православной

практикѣ, но о происхожденіи которыхъ могутъ быть неодинаковыя сужденія (въ родѣ сочиненій, приписываемыхъ Діонисію Ареопагиту)—все это можетъ казаться для иного носящимъ протестантскую окраску, усвоеніемъ приемовъ протестантской науки. Но въ сущности православіе, какъ таковое, ничуть не страдаетъ отъ того, высказывается-ли критика по указаннымъ вопросамъ такъ или иначе. Оно не можетъ считать себя солидарнымъ со всѣми преданіями, со всѣми сужденіями, какія встрѣчаются въ церковной практикѣ о лицахъ историческихъ и со всѣми сочиненіями, которыя часто безъ основанія приобрѣли вѣсъ въ мірѣ православномъ. Православіе стоитъ выше фактической жизни церкви и потому ничего не теряетъ, если въ этой фактической сторонѣ церкви не все оставалось въ томъ видѣ, какъ это было раньше¹⁾. Имѣя въ своемъ распоряженіи область явленій, относящихся къ фактической, т. е. подлежащей историческому закону измѣненія и развитія, а не трансцедентальной и неизмѣнной сторонѣ церковной жизни и пользуясь здѣсь полнымъ правомъ свободнаго изслѣдованія, церковный историкъ долженъ стоять и выше всякой конфессіональности, при чемъ эта высокая позиція его опредѣляется уже самыми задачами его науки. „Понятно,—заявляетъ А. П. Лебедевъ,—когда говорятъ, что догматика русская должна быть православна, догматика протестантская протестантична и т. д.—потому что догматика есть наука сепаративная, стремящаяся отдѣлать себя непроходимой пропастью отъ всякой другой догматики. Церковная же исторія, рассматривающая всѣ христіанскія церкви и всѣ христіанскія общины, какъ единую семью, какъ единый народъ Божій, не можетъ и не должна служить никакимъ сепаративнымъ интересамъ, и не ея дѣло христіанскіе народы, подлежащіе ея изученію, дѣлать на овецъ и козлищъ. Конфессіонализмъ въ церковной исторіи привелъ бы лишь къ тому, что каждый историкъ считалъ бы себя правымъ не только догматически, но и исторически, и исторія стала бы ареной такихъ же полемическихъ споровъ, какіе наблюдаются и въ области догматической. Съ исторической точки зрѣнія отдѣльныя церкви суть явленія, возникшія и развившіяся путемъ историческимъ, помимо ихъ воли, вслѣдствіе непреложныхъ законовъ своего развитія, а потому и отъ историка требуютъ дружелюбія и братолюбія. Церковно-историческая наука стоитъ за истину историческую, а не за истину вѣроисповѣдную“²⁾.

¹⁾ См. 1-й т. его полнаго собранія сочиненій, стр. 536—537.

²⁾ См. „Взглядъ на исторію развитія церковно-исторической науки у насъ“—Бог. Вѣстн.

Поднявъ столь высоко знамя церковно-исторической науки, какъ свободной изслѣдовательницы исторической истины, независимой отъ догматическихъ и конфессіональныхъ предположеній, А. П. Лебедевъ, естественно не видѣлъ ничего позорнаго, ничего противнаго православію въ томъ явленіи, если русскіе ученые широко пользуются результатомъ западной науки, и энергично возставалъ противъ всякихъ укоризнь, направленныхъ по адресу ихъ и обвинявшихъ въ протестантизмъ. Онъ не скрывалъ карты въ рукахъ и признавалъ „значительную зависимость“ русской церковно-исторической науки отъ протестантской, но онъ не только не видѣлъ въ этомъ какой-либо бѣды, но и горячо призывалъ къ болѣе всестороннему и широкому пользованію ею. „Русская церковно-историческая наука,—замѣчаетъ онъ—, ясно представляетъ себѣ то, что составляетъ идеаль православія, и въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ бы ихъ могли сбить съ толку нѣмецкіе авторитеты, выражаетъ значительную долю самостоятельности. Доселѣшнее положеніе нашей науки показываетъ, что кромѣ пользы ничего не можетъ принести намъ серіозное знакомство съ нѣмецкой церковно-исторической литературой“,—и онъ не только открыто призывалъ русскую богословскую среду „съ большимъ вниманіемъ слѣдить за развитіемъ науки въ Германіи, знакомить съ ея лучшими произведеніями публику въ своихъ журналахъ, переводить то, что заслуживаетъ въ ней вниманія ¹⁾“, но прежде всего самъ осуществилъ эту задачу на дѣлѣ.

Научная публицистика составляла живую струю его литературной производительности и вызывалась тѣмъ неустаннымъ интересомъ, съ какимъ онъ самъ слѣдилъ за западной литературой. Въ общемъ планѣ его ученыхъ предпріятій она служила главной поставленной имъ цѣли поднять интересъ въ русскомъ обществѣ къ церковно-историческому познанію и познакомить его какъ съ новыми результатами ея, такъ и съ методами изслѣдованія,—и въ теченіи по меньшей мѣрѣ полутора десятка годовъ своей службы въ Академіи онъ являлся какъ бы эхомъ, откликавшимся на всѣ проявленія церковно-исторической науки на Западѣ. Ни одно открытіе, вносящее новыя данныя въ ту или другую область церковной исторіи, ни одна научная работа, отличающаяся какимъ-либо новымъ взглядомъ по изучаемому ею вопросу, не проходила безъ соотвѣтствующаго отклика съ его стороны. „*Canones ecclesiastici*“,—этотъ небольшой источникъ, но богатый оригинальными извѣстіями по исторіи древняго церковнаго управленія,—„Никей-

1) См 1-й т. стр. 538.

скій соборъ въ коптскомъ текстѣ“, — „Сирскій текстъ собора разбойничьяго 449 года“ и его подлинность, „Коптскіе и арабскіе источники по исторіи древней, преимущественно египетской церкви (памятники коптской письменности, изданные Амелино), все это было своевременно зарегистрировано имъ въ русской литературѣ съ надлежащими критическими замѣчаніями. Въ прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ, — журналѣ, издававшемся тогда Московской академіей, — онъ помѣстилъ цѣлый рядъ интересныхъ статей о всякой ученой новости, появлявшейся въ западной церковно-исторической литературѣ, и мы лично помнимъ, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали выхода этихъ книжекъ на семинарской и студенческой скамьѣ и съ какой полнотой научнаго удовольствія прочитывали ихъ. Отмѣчая крупныя научныя явленія въ отдѣльныхъ статьяхъ, какъ напр. *Lehrbuch der Dogmengeschichte* (учебникъ по исторіи догматики) А. Гарнака, онъ не брезговалъ ни малѣйшей новинкой, разъ она привлекала къ себѣ какой-нибудь интересъ, и самъ переводилъ или свободно излагать нѣмецкія брошюры, затрогивающія тотъ или иной занимательный вопросъ ¹⁾. Конечно, къ послѣдняго рода работамъ А. П. Лебедева строго научная точка зрѣнія не приложима, но было бы неосновательно и называть это диллетантствомъ въ наукѣ. Въ своихъ библиографическихъ очеркахъ, помѣщавшихся въ прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ, онъ никогда не довольствовался простымъ изложеніемъ лишь содержанія прочитанныхъ книгъ и статей, но сопровождалъ ихъ серіозной ученой критикой и щедро дѣлился съ читателями богатымъ запасомъ своихъ собственныхъ познаній. Собранныя въ одно изданіе, эти рецензіи всѣхъ болѣе или менѣе цѣнныхъ книгъ, статей и открытій, могли бы составить собой довольно подробную лѣтопись развитія церковно исторической науки на западѣ, и нужно выразить только сожалѣніе, что въ этой области литературной дѣятельности А. П. и доселѣ не нашелъ авторитетнаго и плодovitаго преемника.

Совокупность отмѣченныхъ ученыхъ качествъ, прекрасное знаніе своей науки, умѣніе изложить свои свѣдѣнія въ ясной и всѣмъ доступной формѣ — все это сдѣлало А. П. Лебедева однимъ изъ самыхъ популярныхъ и авторитетныхъ профессоровъ Московской духовной академіи. Въ теченіи 25-лѣтняго служенія его на профессорскомъ посту, его имя всегда являлось маякомъ,

¹⁾ Перечень подобныхъ статей см. указатель И. Н. Корсунскаго: „Двадцатипятилѣтіе учебно-литературной дѣятельности А. П. Лебедева. Бог. Вѣсти. 1895 г. № 11.

отовсюду привлекавшимъ къ его кафедрѣ молодое юношество, и магнитомъ, притягивавшимъ лучшія силы. И это вовсе объясняется не тѣмъ, какъ, повидимому, нѣкоторые думаютъ, чтобы въ его лекціяхъ „серіозное перемѣшивалось съ смѣшнымъ и трагическое съ комическимъ“¹⁾; ничего фельетоннаго и комедійнаго онъ не допускалъ ни въ чтеніяхъ, ни въ своихъ отношеніяхъ со студентами: объ этомъ свидѣтельствуютъ уже его ученые труды, представляющіе собой лишь переработку его академическихъ чтеній, и серіозный составъ слушателей, которыхъ привлекало къ нему ужъ конечно что-нибудь другое. Правда, онъ пользовался каждымъ удобнымъ поводомъ, чтобы отпустить остроту, сравнивая древнія событія съ ново-современными, чаще всего очень тяжеловѣсную, или рассказать какой-нибудь занимательный анекдотъ, но въ первомъ случаѣ онъ хотѣлъ лишь придать современность своимъ лекціямъ, а во-второмъ лишь повторялъ источники²⁾. Привлекательность его лекцій и популярность его (среди студентовъ) основывалась совсѣмъ не на этой случайной особенности его лекцій, а на томъ богатствѣ познанія, какимъ обладалъ покойный профессоръ, и обуславливалась тѣмъ научнымъ авторитетомъ, какой безспорно и всѣми признавался за нимъ. На свою профессорскую кафедру онъ смотрѣлъ, не какъ на средство къ жизни или чиновническій долгъ: онъ видѣлъ въ ней алтарь, на которомъ онъ приносилъ жертвы Богу истины, самъ любилъ и увлекался своей наукой, и эту любовь и увлеченіе невольно передавалъ своимъ слушателямъ. По богатству содержанія, по оригинальности взглядовъ, по научной постановкѣ вопросовъ, его лекціи были новымъ и поражающимъ собой откровеніемъ для семинаристовъ, ознаменовавшихся съ церковной исторіей только по бѣдному и безжизненному семинарскому учебнику, будили въ нихъ живыя мысли, само собой зарождали въ нихъ интересъ къ церковно-историческому познанію и вызывали иногда у нихъ продолжительные споры по поводу новыхъ идей, намѣченныхъ въ лекціяхъ, что мы можемъ подтвердить своими собственными воспоминаніями. Въ своихъ лекціяхъ онъ не поднимался ни въ заоблачныя высоты философіи и не спускался въ глубины мистицизма: онъ предлагалъ лишь реальные факты, историческую истину, въ ея чистомъ видѣ, внѣ всякихъ прикрасъ и постороннихъ наслоеній, и этимъ воспитывалъ серіозное и сознательное отношеніе къ наукѣ.

¹⁾ Бог. Вѣст. 1908. Июль-Августъ, стр. 589.

²⁾ Блестящіе образцы этого можно находить въ его „Исторіи Византійской церкви отъ IX—XV в.“

Каждый крупный фактъ исторической жизни церкви онъ разсматривалъ въ его цѣлостности и во всѣхъ подробностяхъ, но не разбивался на эти частности и детальности и умѣлъ всегда подвести ихъ подъ одну общую, все объединяющую точку зрѣнія, а это свойство его лекцій не только оставляло по себѣ цѣльность впечатлѣнія въ умѣ слушателей, но и приучала ихъ къ критическому методу при изслѣдованіи источниковъ и умѣнію совладать съ ихъ разнообразнымъ матеріаломъ. Онъ никогда не гонялся за мелочами, не вдавался въ скрупулезную детальность: онъ знакомилъ студентовъ съ общими теченіями церковно-исторической жизни, и этимъ возводилъ ихъ на ту широту научнаго взгляда, которая и должна являться необходимымъ качествомъ всякаго стремящагося стоять на уровнѣ науки историческаго труда. Но личныя знанія его, сохранявшіяся въ его собственной головѣ, были необъятны, и по каждому спеціальному вопросу въ области церковной исторіи онъ всегда могъ высказать свой оригинальный взглядъ, и эта именно полнота и всесторонность знанія обезпечила ему тотъ научный авторитетъ, какимъ онъ пользовался какъ среди студентовъ, такъ и между своими сослуживцами. Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Академіи онъ не только служилъ справочной книгой, по которой всегда можно ознакомиться съ источниками и пособіями по любому церковно-историческому вопросу, но являлся и *ученой совѣстью* Академіи, съ критеріемъ которой считали нужнымъ справляться всѣ, выступающіе съ какимъ-нибудь новымъ ученымъ предпріятіемъ, близкимъ къ церковно-исторической области познанія, и его сужденіе часто имѣло рѣшающее значеніе.

За все время своей профессорской дѣятельности и до конца жизни не только среди студенчества, но и въ широкихъ общественныхъ кругахъ А. П. считался профессоромъ — *либераломъ*. Безспорно, „въ его писательской манерѣ не рѣдко слышались тоны вызывательства, и его рѣчь всегда проникнутая особымъ юморомъ, не чуждалась острыхъ выраженій и колющихъ намековъ ¹⁾“, но эта была лишь чисто внѣшняя и случайная особенность его литературнаго стиля. Его либерализмъ былъ другого, высшаго сорта. Онъ всегда любилъ называть вещи своими именами. Отмѣчая свѣтлыя явленія прошлой церковной жизни, онъ съ такою же внимательностью изучалъ и темныя черты древне-христіанскаго быта, и, какъ опытный врачъ, ставилъ имъ точный

¹⁾ Проф. Н. Н. Глубоковскій. Памяти покойнаго проф. А. П. Лебедева. СПб. 1908, стр. 13.

діагнозъ въ надеждѣ указать путь для устраненія ихъ. Въ его лекціяхъ и ученыхъ трудахъ церковная исторія впервые восстановлена въ своемъ естественномъ, натуральномъ видѣ и, такъ какъ въ обычномъ теченіи человѣческой жизни порокъ и заблужденіе распространены несравненно шире и обильнѣе, чѣмъ святость и добродѣтель, то понятно, что и въ прошлой исторіи церкви, какъ она изображена у А. П. Лебедева, далеко не все оказалось такъ чисто и ясно, какъ это представлялось ранѣе. Діагнозъ болѣзненныхъ явленій древне-церковной и византійско-восточной церкви, устанавливаемый имъ, часто сталкивающійся съ господствующими предубѣжденіями и прочно укрѣпившимися взглядами и разрушавшій ихъ, и создалъ ему имя либерала. Очевидно, однако, что либерализмъ такого рода составляетъ собой необходимое качество всякаго безпристрастнаго изслѣдованія. Онъ присущъ каждой наукѣ, и въ особенности дисциплинамъ, изучающимъ человѣческую жизнь,—и онъ, дѣйствительно, звучнымъ мотивомъ проходилъ по всѣмъ лекціямъ покойнаго, составлялъ главную притягательную силу ихъ и красной нитью блеститъ во всѣхъ изданныхъ имъ ученыхъ трудахъ.

Самъ отдавая всѣ свои силы на служеніе церковно-исторической наукѣ, А. П. Лебедевъ съумѣлъ вдохнуть научную энергію и въ своихъ слушателей, и потому годы его профессорства въ Академіи ознаменовались небывалымъ дотолѣ подъемомъ церковно-историческаго познанія внутри Академіи и поставлены были на такой высокій уровень, относительно котораго можно только пожелать, чтобы онъ не понижался ни на одинъ миллиметръ. Этотъ достигнутый имъ успѣхъ объясняется не только научной постановкой его лекцій и новизной излагаемыхъ въ нихъ идей, невольно вызывавшихъ у слушателей интересъ къ изучаемой имъ наукѣ, но и тѣмъ серьезнымъ вниманіемъ, съ какимъ онъ относился къ студенческимъ работамъ. Онъ не жалѣлъ ни времени, ни силъ для разсмотрѣнія семестровыхъ сочиненій, не допускалъ въ этой области никакого торгашества, и *ежегодно* давалъ самыя разнообразныя темы, обычно для студентовъ 2-го курса, которому онъ читалъ свои лекціи. Зная тѣ строгія требованія, какія онъ предъявлялъ къ сочиненіямъ, студенты съ особеннымъ стараніемъ относились къ научной и литературной обработкѣ ихъ, тратили на нихъ большую часть своихъ силъ и съ нетерпѣніемъ ждали окончательнаго результата, всегда имѣвшаго въ ихъ глазахъ высокую цѣнность. Всякую живую мысль онъ поощрялъ и противъ всякой шаблонности и компилятивности энергично возставалъ, и въ своихъ примѣчаніяхъ, испещрявшихъ поля сочи-

ненія, онъ или иронизировалъ надъ неудавшимися quasi-учеными попытками неопытнаго писателя, или кратко указывалъ нужный исходъ изъ непреобѣжденныхъ затрудненій. На хорошіе баллы былъ онъ скупъ, но и неудовлетворительныхъ избѣгалъ, и свое авторитетное сужденіе о достоинствахъ прочитанныхъ имъ студенческихъ работъ открыто высказалъ въ день своего 25-лѣтняго юбилея въ привѣтствіи къ студентамъ: „многіе изъ вашихъ работъ (не только кандидатскихъ, но и семестровыхъ),—заявилъ онъ,—будили мою мысль, наталкивали меня на новые пути, носили чисто научный характеръ и смѣло могли бы появиться въ печати¹⁾“.—Серіозное отношеніе къ сочиненіямъ по церковной исторіи, ставшее обычнымъ у студентовъ, естественно подготавливало ихъ къ болѣе широкимъ и научнымъ занятіямъ въ области той же науки. Недостатка въ желающихъ писать кандидатскія сочиненія и работать подъ руководствомъ его у А. П. Лебедева никогда не бывало,—и это тѣмъ замѣчательнѣе, что церковная исторія вовсе не такая наука, гдѣ легко пожинались бы ученые плоды; въ большинствѣ темъ она требуетъ необходимаго знакомства съ греческимъ или латинскимъ языкомъ и знанія по крайней мѣрѣ одного новаго языка, да и А. П. Лебедевъ не принадлежалъ къ числу профессоровъ, желающихъ привлечь къ себѣ студентовъ какой-либо внѣшней приманкой. „Въ обычное время,—вспоминаетъ о немъ А. И. Покровскій,—при своихъ бесѣдахъ съ студентами А. П. подавлялъ насъ своею ученостью и, какъ бы нѣсколько свысока, третировалъ наши студенческія познанія и занятія по его спеціальности. Признаться, мы стѣснялись ходить къ нему, побаивались его остраго язычка и были убѣждены, что А. П. очень невысокаго мнѣнія о научной правоспособности студентовъ²⁾“. Въ общемъ это наблюденіе вѣрно, и мы по собственному опыту знаемъ, что, намѣреваясь съ нимъ о чемъ-либо поговорить, надлежало предварительно подумать... И при всемъ томъ, ему писали кандидатскія сочиненія не одни выдающіеся своими познаніями студенты, но и люди обычнаго умственнаго уровня. Въ этомъ сказывалась притягательная сила уже не личности профессора, а науки, преподаваемой имъ,—точнѣе сказать: той новой и завлекавшей молодая силы постановки ея, какую онъ придавалъ ей. Значительное большинство кандидатскихъ сочи-

¹⁾ Бог. Вѣстн. 1908, Июль-Августъ, стр. 591-ая. Проф. А. Покровскій. „Алексѣй Петровичъ Лебедевъ“ (Некрологъ).

²⁾ Цит. - статья, стр. 590. Послѣднее, къ счастію студентовъ, оказалось не совсѣмъ точнымъ.

нений, представлявшихъ А. П., перерабатывались въ магистерскія диссертаціи; на это уже вліяли самыя темы кандидатскихъ сочиненій, предлагаемыя А. П. и представлявшія всегда значительную свободу для собственныхъ самостоятельныхъ изысканій, и естественно, что кандидатъ, получившій болѣе или менѣе лестный отзывъ отъ своего руководителя, разгарался желаніемъ пробраться въ магистры. Но это далеко не всегда было такъ; нерѣдко ему самому приходилось побуждать неувѣреннаго кандидата къ дальнѣйшему усовершенствованію своего дѣла, препобѣждать сомнѣнія, самому разъяснять непреодолимыя трудности и путемъ долгихъ убѣжденій и „потуговъ“ приводить къ желательному концу. Въ случаѣ болѣе близкихъ отношеній онъ всегда самъ интересовался ходомъ работы, слѣдилъ за постепеннымъ развитіемъ ея и дѣлалъ все, что нужно для того, чтобы ободрить, поднять падающій духъ и поставить изслѣдованія на надлежащую научную почву. И эти старанія увѣнчались блестящимъ результатомъ. Подводя итоги своей профессорской дѣятельности за 25-лѣтіе, онъ самъ заявляетъ: „частію единолично, а частію въ компаніи съ кѣмъ-либо мною создано въ Академіи семь докторовъ богословія, церковной исторіи и каноническаго права..., подъ моимъ руководствомъ или при моемъ прямомъ содѣйствіи приобрѣли степень магистра не менѣе 13-ти молодыхъ людей¹⁾“... Для 25-лѣтъ службы это болѣе *слишкомъ*, чѣмъ довольно.

Профессорская дѣятельность А. П. въ нашей Академіи ознаменовалась не только подъемомъ внутри ея церковно-историческихъ занятій: ея вліяніе шло дальше предѣловъ Россіи и сказалось въ западной церковно-исторической наукѣ. Только при немъ, благодаря трудамъ его самого и его учениковъ, впервые прорвана была брешь, раздѣлявшая русскую науку отъ западно-европейской, и сочиненія русскихъ ученыхъ по церковной исторіи начали мало-по-малу обращать на себя вниманіе на западѣ, гдѣ имъ скоро стали отдѣлять почетное мѣсто въ общей исторіи развитія церковно-исторической науки. Уже докторская диссертація самого А. П. отмѣчена была на западѣ, какъ явленіе, заслуживающее почетнаго мѣста въ исторіи русской науки. Магистерская диссертація Н. Н. Глубоковскаго вызвала прямо восторженный отзывъ проф. А. Гарнака и поставлена на одинъ уровень съ такими крупными явленіями западно-европейской патристической литературы, какъ сочиненія извѣстнаго Ляйтфута²⁾. Русскіе цер-

¹⁾ Къ моей учено-литературной автобіографіи. Богословскій Вѣстникъ, Іюнь. 1907, стр. 420.

²⁾ Theologische Litteraturzeitung. 1890, № 20.

ковно-историческіе труды по своимъ научнымъ достоинствамъ и по отсутствію тенденціозности признаны превышающими произведенія католическихъ ученыхъ¹⁾, и центромъ этого церковно-историческаго успѣха русской науки поставлена Московская духовная Академія. Вотъ замѣчательныя и достойныя слова авторитетнѣйшаго ученаго нашего времени, упомянутаго уже А. Гарнака, проф. Берлинскаго университета: „въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ церковно-историческая наука въ весьма значительной степени обогатилась работами русскихъ ученыхъ. Эти работы, конечно, не многочисленны: по части древней церковной исторіи въ годъ появляется по одному болѣе или менѣе значительному сочиненію. Но за то они почти всѣ отличаются похвальнымъ усердіемъ къ дѣлу и удивительной полнотой, какъ въ изученіи источниковъ, такъ и въ знакомствѣ съ литературой. Сочиненія эти большею частью выходятъ изъ подъ пера бывшихъ питомцевъ Московской духовной Академіи и позволяютъ составить самое лестное сужденіе о серіозности и рвеніи, съ какимъ воздѣлывается здѣсь церковно-историческая наука“. Вмѣстѣ съ тѣмъ слышались на Западѣ и рѣчи о существованіи цѣлой церковно-исторической школы при Московской духовной Академіи, посвящающей свои труды изученію церковной древности²⁾. Таковъ былъ самый главный, можно сказать, общеевропейскій результатъ дѣятельности А. П., какъ ученаго и профессора. Наполнивъ,—что мы уже видѣли,—своими собственными трудами пустоту, существовавшую у насъ ранѣе, давъ полную картину церковной жизни за 19 вѣковъ ея исторіи и подаривъ въ лицѣ своихъ учениковъ рядъ цѣнныхъ спеціальныхъ изслѣдованій, онъ не только поднялъ русскую науку на надлежащую высоту, но и привлекъ къ ней вниманіе ученаго Запада, сдѣлавъ ее обще-европейскимъ явленіемъ. Русская церковно-историческая наука вошла при немъ въ семью западныхъ церковно-историческихъ наукъ и заняла здѣсь до нѣкоторой степени равноправное мѣсто³⁾. И если ему нельзя приписывать основанія церковно-исторической школы въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ употребляется на западѣ, то во всякомъ случаѣ то научно-крити-

1) Theologische Literaturzeitung, 1890, № 26.

2) Изъ отзыва о сочиненіи Н. Н. Глубоковскаго: Блаженный Теодоритъ, епископъ Кирскій. Москва 1890, т.т. 1—2.

3) См. напр. Realencyclopädie für protestantische Theologie und Kirche. Herzog-Hauck. 3 Aufl. съ цитатами на сочиненія Н. Глубоковскаго (о Теодоритѣ Кирскомъ), Доброклонскаго (о Факундѣ Германскомъ), А. Спасскаго (Аполлинарій Лаодикійскій).

ческое направлѣніе русской церковно-исторической жизни, которое продолжаетъ существовать въ ней и доселѣ, своимъ возникновеніемъ и упроченіемъ обязано ему.

Всецѣло отдавая свое время и силы занятіямъ по церковной исторіи, посвящая имъ по 15 часовъ въ сутки, А. П. Лебедевъ никогда не былъ замкнутой въ себѣ натурой, не хотѣвшей ничего знать и ни о чемъ говорить, кромѣ своей специальности. Напротивъ, это была чрезвычайно общительная личность, усвоившая себѣ всѣ культурныя привычки нашего времени. Политическая и общественная жизнь, свѣтская и духовная литература, искусство и театръ—все это глубоко отражалось въ его воспріимчивой природѣ и вызывало свой отзвукъ въ его самобытномъ и оригинальномъ умѣ. Постоянный читатель газетъ и журналовъ, онъ отмѣчалъ каждое характерное и обращающее на себя вниманіе объявленіе и умѣлъ оцѣнить его всегда со своей, крайне своеобразной точки зрѣнія, и потому ни съ кѣмъ не было такъ пріятно поговорить или просто выслушать сужденія, какъ съ нимъ и у него. Поставленный волей судьбы въ положеніе одиночества, онъ любилъ общество, нуждался въ обмѣнѣ мыслей и дорожилъ каждымъ свободнымъ часомъ и вечеромъ, чтобы подѣлиться своими впечатлѣніями и наблюденіями съ первымъ встрѣчнымъ лицомъ. Въ разговорѣ онъ былъ неутомимъ; всегда начиналъ первымъ и кончалъ послѣднимъ, и его бесѣды вращались не около мелочей и сплетенъ жизни, а въ области высшихъ вопросовъ и, потому, имѣли культурный и развивающій характеръ. Въ академическомъ обществѣ онъ всегда былъ желаннымъ гостемъ, умѣлъ поднять и поддержать умный разговоръ, и его высокая, солидная и довольно тучная фигура съ рѣзко звучащимъ голосомъ ставила его всегда въ центрѣ общества. Это былъ одинъ изъ самыхъ неуступчивыхъ людей, которыхъ ничѣмъ нельзя было заставить замолчать или прижать къ стѣнѣ. Никто не отличался такой способностью по всякому подходящему поводу сказать мѣткую остроту или привести удачное сравненіе, вызывавшее у слушателей всеобщій восторгъ или смѣхъ, но и никто не могъ такъ осмѣять и изничтожить своего противника, какъ онъ. Нѣкоторые изъ его остротъ, отличавшихся тонкостью мысли, доходили до студенческихъ ушей, передавались здѣсь изъ устъ въ уста и увеличивали его популярность. Но онъ никогда не спускался до житейскихъ пошлостей и балагурства, всегда держалъ себя джентльменомъ и питалъ претензію даже на изящество. И въ своей личной жизни онъ не былъ аскетомъ; комфортъ любилъ онъ, комфортъ окружалъ его дома и сопровождалъ въ тѣхъ

частыхъ путешествіяхъ, какія онъ предпринималъ въ лѣтнія ка-
никулы. Онъ былъ и оставался всегда общественнымъ человекомъ,
умѣлъ цѣнить блага внѣшней культуры, свободно пользовался
ими и могъ вполне приложить къ себѣ извѣстное изреченіе Те-
ренція: homo sum et nihil humanum a me alienum puto.

А. Спасскій.

Профессоръ И. Н. Корсунскій.

ПРОФЕССОРЪ

Иванъ Николаевичъ Корсунскій.

Корсунскій Иванъ Николаевичъ родился въ 1848 году. Онъ былъ сынъ бѣднаго сельскаго псаломщика въ одномъ изъ приходовъ Тульской епархіи. Образование получилъ онъ въ мѣстномъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ Тульской семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1870 г. Благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, образцовому прилежанію и отличнымъ успѣхамъ, онъ былъ по окончаніи курса въ семинаріи отправленъ на казенный счетъ въ Московскую Духовную Академію, куда и поступилъ въ числѣ студентовъ перваго десятка. Въ 1874 г. онъ окончилъ курсъ въ Академіи первымъ магистрантомъ богословскаго отдѣленія и вскорѣ же (26 Іюля 1874 г.) былъ назначенъ въ родную Тульскую семинарію на должность преподавателя греческаго языка, къ которому онъ чувствовалъ склонность, повидимому, еще со времени студенчества. Въ 1876 г. онъ перешелъ на должность смотрителя Тульскаго духовнаго училища. Въ 1879 г., когда въ Московской Духовной Академіи открылась должность бібліотекаря, онъ, согласно прошенію, былъ избранъ на эту должность. Вскорѣ послѣ этого онъ вступилъ и въ число преподавателей Академіи. Въ томъ же 1879 году тогдашній ректоръ Академіи протоіерей С. К. Смирновъ, читавшій лекціи по греческому языку, вошелъ въ Совѣтъ Академіи съ предложеніемъ о необходимости имѣть себѣ помощника по исполненію профессорскихъ обязанностей и для этой цѣли рекомендовалъ Совѣту своего бывшаго ученика Ивана Николаевича, какъ человѣка, извѣстнаго ему по своимъ познаніямъ въ области греческаго языка. Совѣтъ принялъ это предложеніе, и И. Н., по сдачѣ диссертациі *pro venia legendi*, 9 января 1880 г. былъ утвержденъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ греческаго языка. Такъ онъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ совмѣщаль двѣ должности въ Академіи. За это время онъ успѣлъ защититъ (6 Апрѣля 1882 г.) свою магистерскую диссертацию „Иудейское толкованіе Ветхаго

Завѣта. Опытъ изслѣдованія въ области исторіи толкованія Ветхаго Завѣта въ періодъ новозавѣтный“, которую онъ представилъ въ рукописи еще въ 1879 г., а въ 1882 г. издалъ въ печатномъ видѣ. Получивъ такимъ образомъ степень магистра богословія въ 1882 г., онъ былъ въ 1884 г. избранъ доцентомъ по кафедрѣ греческаго языка на мѣсто своего учителя протоіерея С. К. Смирнова, послѣ чего и отказался отъ должности бібліотекаря. 21 Февраля 1891 г. Совѣтъ избралъ его экстраординарнымъ профессоромъ; въ этомъ званіи онъ былъ утвержденъ Синодомъ 7 Іюня того же года. Втеченіе послѣдующихъ лѣтъ онъ написалъ и издалъ свою докторскую диссертацию „Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и его словесности“ (1898 г.). Отзывы объ этой диссертациі были заслушаны въ засѣданіи Совѣта 19 Декабря 1897 г., въ которомъ и было опредѣлено просить ходатайства предъ Синодомъ объ утвержденіи его въ степени доктора богословія. Въ этой степени онъ былъ утвержденъ 28 Мая 1898 г. Въ томъ же году Совѣтъ Академіи избралъ его ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ кафедрѣ греческаго языка и его словесности въ засѣданіи 9 Іюня, и указомъ Синода отъ 31 Іюля 1898 г. онъ былъ утвержденъ въ этомъ званіи.

Но недолго ему суждено было занимать эту должность: тяжелые научные труды расшатали его и безъ того некрѣпкое здоровье. Въ концѣ 1898—1899 учебнаго года онъ уже съ трудомъ исполнялъ свои профессорскія обязанности; а лѣтомъ 1899 г. силы его настолько упали, что онъ вынужденъ былъ покинуть всѣ занятія и поступить въ клинику въ Москвѣ для лѣченія. Но болѣзнь ухудшалась: осенью онъ вышелъ въ отставку и былъ перевезенъ изъ клиники въ свой домъ въ Сергіевомъ Посадѣ, гдѣ и скончался 10 Декабря 1899 г.

Иванъ Николаевичъ былъ также членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, а именно дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія (съ 1884 г.), членомъ-корреспондентомъ Московскаго Библіографическаго Кружка (съ 1891 г.) и членомъ-корреспондентомъ Императорскаго Археологическаго Общества (съ 1892 г.).

Какъ человекъ, И. Н. отличался религіозностью и истинно христіанскою добротою: *ἠγάπα τοὺς πάντας καὶ ἐπὶ πάντων ἠγαλᾶτο*, какъ выразился о немъ одинъ изъ студентовъ Академіи въ своей надгробной рѣчи. Доброта эта, дѣйствительно, простиралась на всѣхъ: и на учениковъ духовнаго училища, и на студентовъ Академіи, и на сослуживцевъ, и на бѣдныхъ Сергіева Посада,— вслѣдствіе чего онъ состоялъ дѣятельнымъ членомъ и нѣсколь-

кихъ благотворительныхъ учрежденій, не только принося свой трудъ, но и много жертвуя изъ своихъ собственныхъ умѣренныхъ средствъ.

Какъ профессоръ, И. Н. заявилъ себя прекраснымъ знаніемъ своей науки и примѣрной любовью къ своему дѣлу. Начавъ спеціальное изученіе греческаго языка еще на студенческой скамьѣ, онъ вступилъ на профессорскую кафедру вполне подготовленнымъ къ исполненію этихъ обязанностей и всетаки не оставлялъ изученія своего предмета втеченіе всей своей академической службы. Эти продолжительныя и сосредоточенныя занятія греческимъ языкомъ сдѣлали И. Н.—ча выдающимся знатокомъ его. Онъ зналъ греческую рѣчь во всѣхъ ея тонкостяхъ и прекрасно изучилъ какъ древне-греческую, классическую литературу, такъ и греческіе памятники христіанской эпохи. „Знаніе греческаго языка“, говоритъ одинъ изъ рецензентовъ его докторской диссертациі, „настолько хорошо у него, что онъ положительно перестаетъ для него быть мертвымъ языкомъ, а становится живымъ, едва не роднымъ“ (Журн. Сов. Моск. Дух. Акад. 1897 г., стр. 472). Естественно отсюда, что и его лекціи по греческому языку давали слушателямъ обильное и интересное содержаніе, стоявшее всегда на высотѣ научныхъ требованій. Къ своимъ обязанностямъ по части чтенія лекцій И. Н.—чъ относился очень строго: чрезвычайно аккуратный, тщательный во всѣхъ своихъ поступкахъ, онъ не терпѣлъ пропускать лекцію или запоздать на нее. Даже въ то время, когда предсмертная болѣзнь окончательно приковала его къ постели, главнымъ предметомъ его тревоги служилъ вопросъ о лекціяхъ. Но любопытно, что это ригористическое исполненіе И. Н.—чемъ своего профессорскаго долга отнюдь не ложилось какимъ-нибудь тяжелымъ ярмомъ на его слушателей. Въ отношеніи къ студентамъ онъ былъ весьма снисходителенъ. Его лекціи въ Академіи начались со втораго полугодія 1879—1880 уч. года: въ это полугодіе онъ прочиталъ студентамъ I курса въ подлинникъ съ филологическими, археологическими, историческими и другими разьясненіями діалоги Платона „Евтифронъ“ и „Критонъ“ и сообщилъ свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Платона. Затѣмъ каждый годъ преподаваніе велось по слѣд. системѣ: читался курсъ „Исторія греческаго языка въ связи съ его словесностью, начиная отъ выдѣленія его изъ семьи индоевропейской и кончая судьбами языка новогреческаго“. Отъ всякой лекціи удѣлялось нѣсколько времени (15—25 минутъ) на чтеніе избранныхъ произведеній греческихъ авторовъ — свѣтскихъ и духовныхъ — всѣхъ временъ и діалектовъ, начиная Гомеромъ и кончая писаніями

новогреческими. Какъ человекъ, обладавшій громадною эрудиціей, богатѣйшимъ запасомъ новыхъ данныхъ въ наукѣ, И. Н—чъ въ короткое время достигъ того, что послушать съ живымъ вниманіемъ его лекціи стекалось множество студентовъ. Любовь ихъ къ нему, уваженіе къ его талантамъ и учености были причинами того, что слушать его лекціи записывалось по крайней мѣрѣ двѣ трети студентовъ.

И. Н—чъ былъ и чрезвычайно плодовитымъ писателемъ. Еще въ бытность свою бібліотекаремъ Академіи онъ началъ составлять и затѣмъ издавать „Систематическій каталогъ книгъ бібліотеки Московской духовной Академіи“. Каталогъ этотъ составлялся имъ и тогда, когда онъ уже оставилъ должность бібліотекаря, и вообще надъ нимъ онъ трудился лѣтъ десять. О количествѣ труда, положеннаго И. Н—чемъ въ это предпріятіе, можно судить уже по тому одному, что имъ описано было въ 5 выпускахъ или томахъ 11455 названій книгъ, при чемъ нерѣдко одно названіе скрываетъ подъ собой десятки, а иногда и сотни книгъ. Въ изданіяхъ многотомныхъ отмѣчено ихъ содержаніе, и къ каждому тому каталога приложенъ образцово составленный указатель, облегчающій пользованіе имъ.

Его литературная дѣятельность, почти съ самаго начала ея, пошла по двумъ совершенно различнымъ направленіямъ: одни изъ его трудовъ—филологическо-богословскіе, другіе посвящены біографіямъ разныхъ лицъ, преимущественно духовныхъ.

Изъ трудовъ первой категоріи надо прежде всего назвать его магистерскую диссертацию „Иудейское толкованіе Ветхаго Завѣта. Опытъ изслѣдованія въ области толкованія Ветхаго Завѣта“, вышедшую въ 1882 году ¹⁾. Рецензенты отозвались съ великою похвалою объ авторѣ этой книги. Ея прямымъ продолженіемъ служить „Новозавѣтное толкованіе Ветхаго Завѣта“ (Москва. 1885). Это сочиненіе, по отзыву проф. В. Кудрявцева, „представляетъ первый самостоятельный и удачный опытъ разрѣшенія этого вопроса съ православной точки зрѣнія. Для этого труда онъ не имѣлъ никакихъ прямыхъ пособій въ нашей богословской литературѣ“. „Въ своемъ сочиненіи онъ представилъ намъ полное и основательное разъясненіе всѣхъ встрѣчающихся у новозавѣтныхъ писателей мѣстъ ветхозавѣтныхъ. Трудъ автора показываетъ

---

¹⁾ По времени это была уже не первая печатная работа И. Н—ча. Рядъ относящихся сюда работъ открывается статьею, помѣщенной въ „Чтеніяхъ Общества любителей дух. просв.“ за 1879 г., Сент.—„Теорія аккомодациі въ отношеніи къ вопросу о новозавѣтномъ толкованіи Ветхаго Завѣта“.

внимательное изученіе священнаго Писанія, обширное знакомство съ истолковательными писаніями св. отцевъ и учителей церкви и съ трудами иностранныхъ ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіемъ того же вопроса, и значительную филологическую эрудицію. О степени внимательности отношенія автора къ своему дѣлу свидѣтельствуется уже то, что для подтвержденія своихъ толкованій частныхъ мѣстъ ветхозавѣтныхъ писаній онъ, не ограничиваясь свидѣтельствами отеческими, часто приводитъ различныя мѣста изъ богослужебныхъ книгъ православной церкви, въ которыхъ содержатся указанія на ветхозавѣтныя пророчества о лицѣ Иисуса Христа“ (Журн. Сов. Моск. Дух. Акад. 1885 г., стр. 31). Еще раньше выхода въ свѣтъ этого сочиненія онъ началъ печатать въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1884 годъ свое изслѣдованіе, вышедшее въ 1890 году отдѣльной книгой, „Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи“. Въ этомъ сочиненіи авторъ представляетъ послѣдовательное раскрытіе идеи о Богѣ въ религіозно-философскомъ сознаніи древней Греціи, при чемъ онъ имѣетъ въ виду не однихъ только философовъ, но и историковъ и поэтовъ и вообще греческихъ писателей, которые такъ или иначе касались въ своихъ сочиненіяхъ понятія о Богѣ. Начиная съ Гомера, онъ доводитъ свое изслѣдованіе до Аристотеля. Затѣмъ ученіемъ Аристотеля начинается рядъ дальнѣйшихъ изслѣдованій о томъ же предметѣ. Эти изслѣдованія были помѣщены также въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ (1890 и 1891 г.). Автору предстоялъ очень кропотливый и обширный трудъ — прежде всего собрать все относящееся къ предмету его изслѣдованія, затѣмъ изъ собраннаго матеріала составить одно систематическое и стройное цѣлое и, наконецъ, объединить все это единствомъ цѣли и идеи,—и И. Н—чъ выполнилъ эту задачу блестяще. Сочиненіе это, имѣющее не только историко-философское, но и важное богословско-апологетическое значеніе, какъ доказательство необходимости божественнаго откровенія въ дѣлѣ богопознанія, согласно представленію проф. В. Кудрявцева, было удостоено Совѣтомъ Моск. Дух. Академіи полной преміи Митрополита Макарія. На страницахъ того же журнала „Вѣра и Разумъ“ (1885, 1886 и 1887 г.) И. Н—чъ помѣстилъ и другое свое сочиненіе „Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.“

Но наиболѣе цѣннымъ и важнымъ его научнымъ трудомъ въ области библейской филологіи была его докторская диссертация „Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и его

словесности“, вышедшая въ 1898 г. Сочиненіе это было задумано авторомъ еще въ 1882 году, какъ говоритъ онъ самъ въ предисловіи, когда вышла въ свѣтъ его магистерская диссертація. Еще въ то время онъ обратилъ вниманіе на очень важное лингвистическое значеніе этого перевода, занимающаго одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ числѣ источниковъ іудейскаго толкованія Ветхаго Завѣта. Вся явившаяся послѣ перевода LXX неканоническая и апокрифическая литература, новозавѣтныя Свящ. Писанія, Свято-отеческія творенія, богослужебная литература греко-восточной церкви, — вся эта греческая церковная литература представлялась ему лишь вѣтвями того великаго дерева, „корень котораго заключается не въ иномъ чемъ, какъ именно въ переводѣ LXX-ти, начавшемъ собою новую эпоху и для словаря греческаго языка, дотолѣ питавшагося соками исключительно языческой греческой письменности, и для самой словесности греческой“. Въ виду этого онъ и рѣшился изслѣдовать языкъ LXX въ его отличіи отъ классическаго языка и указать его вліяніе на греческую церковную литературу. Весьма обширное по своимъ размѣрамъ (644 стр., не считая указателя) и отличающееся крупными научными достоинствами, сочиненіе это было представлено въ Совѣтъ Моск. Дух. Академіи. Рецензенты—орд. проф. Г. Воскресенскій и доц. В. Мышцынъ—дали самые лестные отзывы объ этой диссертаціи. Между прочимъ, В. Мышцынъ такъ отзывается о ней: „Задачу, какую поставилъ себѣ проф. Корсунскій, могъ взять на себя лишь ученый, соединяющій въ себѣ филолога и богослова. А такимъ и явился авторъ. Знаніе классическаго языка у него настолько хорошо, что онъ положительно перестаетъ быть для него языкомъ мертвымъ и становится живымъ, едва не роднымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ обладаетъ такимъ запасомъ свѣдѣній по части толкованія Св. Писанія и критики текста Библии, который пріобрѣсти собственно филологу — специалисту едва ли возможно. Но и при богатствѣ эрудиціи за такой предметъ могъ взяться человекъ съ неисчерпаемой энергіей, съ кропотливымъ трудолюбіемъ. На такое терпѣливое трудолюбіе способны лишь особыя избранники“. И въ заключеніи тотъ же рецензентъ прибавляетъ: „При всей учености автора, мы не встрѣтили въ его сочиненіи ни одной мысли, ни одного слова, ни одного толкованія, которыя могли бы хоть сколько-нибудь смутить сознаніе православнаго, даже юнаго читателя“ (Журн. Сов. Моск. Дух. Ак. 1897 г., стр. 472—3).

Близко соприкасаются съ трудами филологическо-богословскими также его изслѣдованія по исторіи науки въ Россіи и

перевода Библии на русскій языкъ; таковы его работы: „Къ исторіи изученія греческаго языка и его словесности въ Московской Духовной Академіи (наиболѣе выдающіеся труды и труженники въ области изученія этого предмета)“ и, какъ приложение къ этой статьѣ: „Документы изъ исторіи перевода святоотеческихъ твореній въ Московской Духовной Академіи“ (Богословскій Вѣстн. 1893 г.); „О подвигахъ Филарета, Митрополита Московскаго, въ дѣлѣ перевода Библии на русскій языкъ“ (Москва. 1883),—сочиненіе, за которое авторъ получилъ отъ Академіи Наукъ Уваровскую премію. Эти труды, составленные на основаніи архивныхъ документовъ, лично разсмотрѣнныхъ авторомъ, отличаются детальною и безусловною точностью своихъ показаній и даютъ не только очеркъ внѣшняго хода работъ по переводу Библии, но и знакомятъ съ внутреннимъ его характеромъ.

Другую, еще бѣльшую группу трудовъ И. Н—ча составляютъ его біографіи выдающихся нашихъ іерарховъ новѣйшаго періода и вообще духовныхъ дѣятелей. Искренній сынъ русской церкви, И. Н—чъ глубоко чтить ея іерарховъ, съ почтеніемъ изучалъ ихъ дѣятельность, тщательно собиралъ о нихъ справки и знакомилъ публику съ результатами своихъ наблюденій. Этого рода труды его очень многочисленны. Составленные иногда при жизни самихъ описываемыхъ лицъ (напр. біографіи Преосвященныхъ Амвросія Харьковскаго, Виссаріона Костромскаго) или вскорѣ послѣ смерти ихъ, еще подъ живыми впечатлѣніями отъ ихъ личности, эти очерки, конечно, не заключаютъ въ себѣ объективно-полнаго воспроизведенія и всесторонней оцѣнки изображаемыхъ въ нихъ дѣятелей, но за то всѣ они отличаются точными документально проверенными свѣдѣніями, изобилуютъ характерными подробностями и въ общемъ даютъ цѣнную и поучительную для православнаго читателя галерею пастырей русской церкви. Изъ почившихъ іерарховъ И. Н—ча особенно увлекалъ мощный образъ Митрополита Московскаго Филарета, изученію котораго онъ посвятилъ цѣлый рядъ книгъ и брошюръ. Не перечисляя всѣхъ его работъ о Филаретѣ, мы укажемъ на огромный трудъ его, содержащій въ себѣ какъ бы итогъ всѣхъ его долговременныхъ занятій Московскимъ Архипастыремъ, подъ заглавіемъ: „Святитель Филаретъ, Митрополитъ Московскій. Его жизнь и дѣятельность на Московской кафедрѣ по его проповѣдямъ“ (Харьковъ. 1895). Книга эта (1053 стр.) писалась И. Н—чемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и по обилію собраннаго въ ней матеріала является единственною въ нашей литературѣ о Филаретѣ. Изъ другихъ біографій, составленныхъ И. Н—чемъ, слѣдуетъ, какъ

заслуживающія особаго вниманія, отмѣтитъ его статьи объ Иннокентіи, Митрополитѣ Московскомъ, біографической очеркъ Преосв. Теофана, бывшаго епископа Владимірскаго, біографіи Сергія, Митрополита Московскаго, Саввы, Архіеп. Тверскаго, Антонія, Архіеп. Казанскаго.

Кромѣ этихъ большихъ группъ трудовъ И. Н.—чѣ писалъ статьи и по разнымъ другимъ вопросамъ. Въ общемъ, количество оставленныхъ имъ сочиненій огромное.

Надо замѣтитъ также, что и стилистическая сторона его сочиненій производитъ самое пріятное впечатлѣніе. Плавное, строго послѣдовательное теченіе мыслей, ясная, чисто литературная рѣчь, лишенная различныхъ вычурностей и запечатлѣнная солиднымъ тономъ, приличнымъ ученому изслѣдованію, наконецъ, строгая правильность цитаціи являются отличительными особенностями его трудовъ.

Литература объ И. Н. Корсунскомъ. Некрологи его помѣщены въ слѣд. изданіяхъ: Богосл. Вѣстн. 1900 г., Янв., А. Спасскій, „Памяти профессора Ивана Николаевича Корсунскаго“ съ портретомъ (тутъ же рѣчи, произнесенныя при его погребеніи разными лицами).—Вѣра и Разумъ 1899 г., Дек., отдѣлъ церк., стр. 809—824, Л. Багрецовъ „Памяти ординарнаго профессора Московской духовной Академіи Ив. Н. Корсунскаго“.—Московскія Вѣдомости 1899 г., № 341.—Вѣра и Церковь 1899 г., Дек., стр. 813—818, С. С. „Памяти ординарнаго профессора Московской духовной Академіи Ивана Николаевича Корсунскаго“.—Душепол. Чтен. 1900 г. № 3, Н. И. Остроумовъ „Рѣдкій человѣкъ“ (съ портретомъ).

Отзывы о его трудахъ: Журналы Совѣта Московской Духовной Академіи, 1882 г., стр. 24—25,—о магистерской диссертациі его.—Тамъ же, 1885 г., стр. 30—31 отзывъ проф. В. Кудрявцева о сочиненіи „Новозавѣтное толкованіе Ветхаго Завѣта“.—Тамъ же, 1897 г., стр. 447—473 отзывы проф. Г. Воскресенскаго и доц. В. Мышцына о докторской диссертациі его.—Христ. Чтен. 1900 г., Сент., стр. 425—452, статья проф. А. Некрасова „Греческій переводъ Библии LXX толковниковъ (Отзывъ о сочиненіи покойнаго профессора московской духовной академіи И. Н. Корсунскаго: Переводъ LXX; его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности“, представленномъ имъ на соисканіе преміи митрополита Макарія)“.

Профессоръ А. И. Введенскій.

Алексѣй Ивановичъ Введенскій.

(1861 г. 14 мая—1913 г. 23 февраля).

На пространствѣ столѣтняго существованія академіи три профессора философіи прошли предъ ея питомцами: Теодоръ Александровичъ Голубинскій, Викторъ Димитріевичъ Кудрявцевъ и Алексѣй Ивановичъ Введенскій. Въ своей философіи они все возводили къ Богу, но чтобы находить объясненіе всего въ Богѣ, нужно знать его. А какъ узнать и познать Бога? Гюго Викторъ училъ такъ. У насъ есть три органа познанія, три глаза; *oculus carnis*, *oculus rationis*, *oculus contemplationis*. Плотскій глазъ познаетъ природу, глазомъ разума мы познаемъ самихъ себя, глазу созерцанія открывается Божество. Вотъ этотъ глазъ созерцанія и былъ руководителемъ всѣхъ московскихъ профессоровъ въ ихъ изысканіяхъ. *Т. А.* Голубинскій и философію опредѣлялъ, какъ любовь къ мудрости, но не какъ мудрость. Мудрость по его взгляду дается религіею, вѣрою. Философія, это—притворъ; богословіе, это—храмъ. *В. Д.* Кудрявцевъ развилъ подробно теорію, выдвинутую уже *Т. А.*—чемъ, что у насъ есть особый органъ для познанія Божества. Мнѣ неоднократно пришлось слышать утвержденіе въ категорической формѣ того, что Викторъ Димитріевичъ повторялъ въ своей теоріи взгляды Якоби. Это ошибочно, Якоби признавалъ существованіе у человѣка особаго органа для воспріятія воздѣйствій Божества, но онъ отрицалъ положительную религію и не допускалъ мысли о поврежденности нашего органа Богопознанія. Вѣра въ положительное христіанство и сознаніе того, что нашъ *oculus contemplationis* глубоко поврежденъ паденіемъ, утверждались въ сень-викторской школѣ. Рѣшительно и прямо они утверждались и въ московской духовной академіи. У Алексѣя Ивановича не выдвигается на первый планъ, какъ у его предшественниковъ, теорія органа созерцанія, но легко можно видѣть, что за всѣми его философскими изысканіями, равно какъ

и за его философіей оцѣнки, стоитъ созерцающая вѣра и, руководясь ею, онъ стойко и твердо изслѣдовалъ и разбиралъ самыя мутныя и самыя антирелигіозныя ученія.

Алексѣй Ивановичъ родился въ Серпуховѣ 14 мая 1861 г. Отецъ его тогда былъ тамъ дьякономъ. Въ домѣ о. дьякона царили обычные владыки большинства домовъ духовенства — религіозность и бѣдность. Первая дѣлала то, что сила второй направлялась ко благу, а не ко злу. Въ глубокой религіозной вѣрѣ былъ воспитанъ Алексѣй Ивановичъ, какъ и вся его семья. Кто знаетъ Введенскихъ, тотъ знаетъ, что основою и руководителнымъ началомъ жизни для всѣхъ нихъ является православное ученіе. Съ молокомъ матери они всасывали православную вѣру, и эта вѣра укрѣплялась въ наставленіяхъ отца. А при религіозной вѣрѣ не страшна никакая бѣдность. Напротивъ, она сама являлась могучимъ воспитательнымъ средствомъ, она научала терпѣнію и твердости. Бѣды временны и преходящи, Богъ все направляетъ ко благу. Нужно только ждать и надѣяться. И Алексѣй Ивановичъ вынесъ изъ родной семьи глубокую религіозность, терпѣливость и стойкость. Затѣмъ отецъ его получилъ мѣсто священника въ селѣ Городкахъ, Волоколамскаго уѣзда. А маленькій Алеша поступилъ въ волоколамское духовное училище. Городки отъ Волоколамска находятся въ 40 верстахъ, рейсы между Городками и Волоколамскомъ маленькій духовникъ нерѣдко совершалъ пѣшкомъ. Изъ Волоколамскаго духовнаго училища онъ перебрался въ Виѣанскую духовную семинарію, а изъ нея въ Московскую Духовную Академію. Я поступилъ въ академію, когда Алексѣй Ив. былъ на 4-мъ курсѣ. Помню, мнѣ указали на него, какъ на прекраснаго знатока новыхъ языковъ. Онъ тогда уже выступалъ въ печати. Знаю, что въ посадѣ онъ давалъ уроки. Кандидатское сочиненіе онъ писалъ по Введенію въ богословіе Ив. П. Яхонтову, но Яхонтовъ умеръ, и рецензировалъ его сочиненіе доцентъ по исторіи философіи М. А. Остроумовъ. Сочиненіе Алексѣя Ивановича привело М. А. Остроумова въ восхищеніе.

По окончаніи курса Алексѣй Ивановичъ былъ назначенъ преподавателемъ латинскаго языка въ вологодскую духовную семинарію (25 августа 1886 г.). Но пробылъ онъ тамъ недолго. М. А. Остроумовъ перешелъ изъ академіи на церковное право въ Харьковскій университетъ. А на исторію философіи совѣтомъ былъ избранъ Алексѣй Ив.

Уже на своихъ пробныхъ лекціяхъ (1. О религіозной философіи Гартмана. 2. Отношеніе Ланге къ вопросу о познаніи) онъ обратилъ на себя вниманіе красивою дикціею, изящнымъ стилемъ

и мѣткостью критическихъ замѣчаній. Послѣ его вступительной лекціи (о цѣляхъ изученія исторіи философіи) студенты проводили его шумными аплодисментами. Мнѣ вѣзались въ память и его пробныя и его вступительная лекціи, на которыхъ я присутствовалъ. Очень скоро Алексѣй Ивановичъ сталъ въ глазахъ студентовъ авторитетнымъ преподавателемъ. Его первый капитальный трудъ „Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія“ оправдалъ и надежды на него его учителей и вѣру въ него его учениковъ. Въ этой своей магистерской диссертациі онъ впервые познакомилъ русское общество со всѣми разнообразными теченіями философской мысли по вопросу о происхожденіи религіи. До этихъ поръ единственнымъ источникомъ познанія въ этой области была книга В. Д. Кудрявцева.—„Религія, ея сущность и происхожденіе“, стоящая въ своей исторической части болѣе, чѣмъ въ сильной зависимости отъ книги Пфлейдерера,—*Religion, ihr Wesen und ihre Geschichte*.

Диссертацию Алексѣя Ивановича рецензировали инспекторъ академіи архимандритъ Антоній (впослѣдствіи † архіепископъ Тверской) и заслуженный профессоръ В. Д. Кудрявцевъ. Архимандритъ Антоній о достоинствахъ сочиненія Алексѣя Ивановича отозвался такъ:

1. Справедливо утверждая, что всѣ попытки рѣшить вопросъ о вѣрѣ въ Бога помимо Откровенія, помимо Богословія, опровергаютъ одна другую и тѣмъ ясно доказываютъ малосостоятельность всѣхъ ихъ, авторъ усматриваетъ коренной недостатокъ этихъ попытокъ въ томъ, что они рассматриваютъ вѣру въ Бога, какъ явленіе случайное и не придаютъ должнаго значенія религіи, какъ универсальному факту. Поэтому авторъ придаетъ особенно важное значеніе выясненію живучести этой вѣры, ея жизненной мощи, ея власти надъ человѣкомъ, часто вопреки житейскому опыту и разсудку. Причину этого явленія авторъ усматриваетъ въ томъ, что вѣра въ Бога незамѣтно и постепенно пускаетъ въ душѣ человѣка свои корни съ многочисленными ихъ развѣтвленіями, объемлющими не только чувство, но и разумъ и волю человѣка, словомъ, всѣ силы и способности человѣческаго духа, весь строй духовной жизни человѣка. Онъ подробно раскрываетъ психологическій процессъ вѣры. И въ этомъ главная заслуга автора. Онъ обнажаетъ предъ нами невидимыя для многихъ безчисленныя развѣтвленія корней вѣры, на подобіе тончайшихъ нитей переплетенныхъ и разнообразно укоренившихся въ душѣ человѣка. Вообще психологическое выясненіе авторомъ вѣры въ Бога заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Но этотъ корень вѣры и насажденъ, и политъ, и выращенъ Богомъ. Познаніе „міровой силы“, „космическаго разума“ и „принципа единящей любви, нравственнаго міропорядка“ никогда не могло бы возвести человѣка къ идеѣ о Богѣ, если бы Богъ первоначально Самъ Себя не открылъ людямъ „усты ко устамъ“ и съ тѣхъ поръ не поддерживалъ этого первооткровенія въ родѣ человѣческомъ постояннымъ внутреннимъ воздѣйствіемъ Своей благодати на душу человѣка, Своимъ благодатнымъ Промысломъ.

2. Глубоко вѣрный критическій анализъ главнѣйшихъ направленій философской литературы вопроса въ текущемъ столѣтіи составляетъ также немаловажное достоинство разсматриваемаго сочиненія; „при изученіи каждаго опыта философскаго рѣшенія вопроса (о вѣрѣ въ Бога) авторъ дѣйствительно восходитъ до его послѣднихъ корней, утверждающихся обыкновенно въ глубоко-сокрытыхъ гносеологическихъ и метафизическихъ тенденціяхъ“. Въ этомъ отношеніи разсматриваемое сочиненіе составляетъ обстоятельную и основательную апологетику христіанства по вопросу о вѣрѣ въ Бога.

3. Обращаетъ на себя вниманіе безпристрастность въ изслѣдованіяхъ вообще и особенно въ классификаціи философскихъ рѣшеній вопроса. Авторъ, напримѣръ, иногда не довѣряетъ установившемуся на Западѣ причисленію того или другаго философа къ извѣстному философскому направленію. Такъ, Ричля онъ причисляетъ не къ новокантіанцамъ, какъ принято на Западѣ, а къ числу представителей этического теизма. При этомъ въ одномъ мѣстѣ авторъ вполне справедливо замѣчаетъ, что „естественнѣе дѣло представлять такъ, что современные намъ мыслители подѣлили между собою полученныя ими по наслѣдству и какъ бы переплетенныя идеи, какъ могли, смотря по личному складу, независимо отъ школьныхъ традицій и отъ авторитетовъ.

Точно также справедливо авторъ придаетъ системѣ Спенсера положительное значеніе въ исторіи эмпирической философіи вопреки установившемуся на Западѣ мнѣнію объ этомъ предметѣ.

4. Нельзя не поставить въ заслугу автору и правильное руководство ученіемъ Св. Писанія и Отцевъ Церкви при изложеніи положительнаго рѣшенія вопроса о вѣрѣ; сверхъ того авторъ придаетъ высокое значеніе тѣмъ мыслямъ о вѣрѣ въ Бога, какія содержатся въ сочиненіяхъ христіанскихъ подвижниковъ. „Вопросъ о дѣятельномъ познаніи Бога хорошо разработанъ у аскетовъ“, замѣчаетъ авторъ. Онъ цитируетъ также сочиненія митрополитовъ Московскихъ Филарета и Макарія, архіепископовъ Херсонскихъ Иннокентія и Никанора, архіепископа Черниговскаго

Филарета, преосвященнаго Сильвестра и др. Однако связь между богословскимъ и философскимъ элементами въ положительномъ рѣшеніи вопроса у автора болѣе внѣшняя, чѣмъ внутренняя, и вообще далеко не такъ тѣсна, какъ это предполагаетъ авторъ.

5. Сочиненіе съ начала до конца проникнуто серьезнымъ сознаниемъ важности рѣшаемаго вопроса и глубокимъ чувствомъ вѣрующаго христіанина. Авторъ черезъ это невольно сообщаетъ свое религіозное воодушевленіе читателю и такимъ образомъ дѣйствуетъ не только на его разсудокъ, но и на чувство и увлекаетъ силой рѣчи, проникнутой глубокимъ убѣжденіемъ.

Къ второстепеннымъ достоинствамъ сочиненія должно отнести строгую послѣдовательность въ осуществленіи того плана изслѣдованія, который былъ намѣченъ въ введеніи къ сочиненію, а также изложеніе сочиненія слогомъ яснымъ и живымъ; поэтому сочиненіе читается легко“.

В. Д. Кудрявцевъ писалъ: „Сочиненіе г. Введенскаго, какъ показываетъ и самое его заглавіе, имѣетъ въ виду двѣ цѣли: 1) представить „историко-критическое изслѣдованіе главныхъ направленій литературы вопроса о происхожденіи и основаніяхъ вѣры въ Бога, въ текущемъ столѣтіи“ и 2) дать опытъ положительнаго рѣшенія этого вопроса.

Нѣтъ почти ни одного сколько-нибудь выдающагося въ философскомъ и богословскомъ мірѣ текущаго столѣтія направленія въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи религіи, сколько-нибудь замѣчательнаго писателя, о которомъ авторъ не сообщилъ бы яснаго и отчетливаго представленія. Подобнаго рода историко-критическій обзоръ требовалъ громаднаго труда и обширнаго знакомства съ философскою и богословскою литературою,—и въ этомъ трудѣ заключается главная и неоспоримая заслуга автора, впервые познакомившаго русскихъ богослововъ и философовъ въ одномъ полномъ, связномъ и систематическомъ очеркѣ съ существующими на западѣ рѣшеніями столь важнаго вопроса о происхожденіи вѣры въ Бога. Съ особенною тщательностью, съ исторической и критической сторонъ изложена имъ теорія анимизма, ученіе представителей эмпирической философіи Милля, Спенсера и Макса Мюллера, и изъ представителей рациональной философіи—ученіе Гартмана. Что касается до другихъ философовъ и богослововъ, то въ столь обширномъ трудѣ, конечно, нельзя было избѣжать нѣкоторой неравномѣрности во вниманіи, съ какимъ авторъ отнесся къ тому или другому изъ нихъ. Такъ, напримеръ, онъ почему-то совершенно обошелъ представителей новѣйшаго теизма: Зенглера, Фихте младшаго, Ульрици, которые, по

моему мнѣнію, должны бы имѣть мѣсто въ сочиненіи, касающемся вопроса о происхожденіи вѣры въ Бога. Точно также Фризь, Шлейермахеръ и Лотце заслуживали бы больше вниманія, чѣмъ сколько удѣлено имъ авторомъ, который однако же не счелъ излишнимъ излагать воззрѣніе такихъ малоцѣнныхъ въ фило-софскомъ мірѣ писателей, каковы напримѣръ: Бюрнуфъ, Гаген-махеръ, Ренуфъ, Ревиль и др.

Что касается до содержанія положительнаго воззрѣнія автора на происхожденіе вѣры въ Бога, то въ особенную заслугу можно вмѣнить ему то, что какъ въ историко-критической, такъ и въ положительной части своего изслѣдованія, онъ постоянно имѣетъ въ виду „руководящую богословскую идею“. Въ божественномъ откровеніи онъ старается найти указаніе къ правильному рѣше-нію вопроса о происхожденіи вѣры въ Бога и приходитъ къ вы-водамъ, которые вообще могутъ быть признаны вѣрными, хотя въ раскрытіи нѣкоторыхъ частныхъ мыслей встрѣчаются по мѣ-стамъ неясности. Такъ, напр., говоря объ естественномъ религіоз-номъ сознаніи, авторъ отождествляетъ божественное воздѣйствіе на духъ человѣка съ божественною благодатью, называетъ это воздѣйствіе актомъ „предваряющей благодати“, говоритъ объ „откровеніи предваряющей благодати“. Для меня не совсѣмъ ясно, въ какомъ смыслѣ и по какому праву авторъ считаетъ возмож-нымъ понятіе о благодати, повидимому, имѣющее примѣненіе только въ области богооткровенной религіи, приложить къ объ-ясненію вѣры въ Бога въ религіяхъ естественныхъ, которыми онъ, какъ мы видѣли, ограничиваетъ кругъ своего изслѣдованія?

Изложеніе въ сочиненіи г. Введенскаго отличается послѣдо-вательностію и стройностію въ распредѣленіи матеріала. При изложеніи различныхъ философскихъ ученій онъ держится строго дедуктивнаго метода, имѣя въ виду не столько историческую связь и преемственность различныхъ теорій, сколько общность и сходство ихъ основныхъ направленій. Сочиненіе большею частію написано языкомъ живымъ, точнымъ и правильнымъ, хотя нельзя не замѣтить, что на изложеніи автора довольно сильно отразилось вліяніе философской литературы и что нѣкоторыя мѣста его со-чиненія для читателя, не навикшаго къ особенностямъ философ-ской терминологіи, могутъ показаться неясными и выраженными слишкомъ искусственно“.

При оцѣнкѣ этихъ разсужденій Виктора Димитріевича нужно обратить вниманіе на два обстоятельства: 1) что онъ былъ фило-софъ, а не богословъ и 2) что отзывъ о диссертациі Алексѣя Ивановича онъ писалъ въ годъ своей смерти. Ученіе о предва-

ряющей благодати излагается во всѣхъ курсахъ Догматическаго Богословія, и Алексѣй Ивановичъ въ своей книгѣ стоялъ на точкѣ зрѣнія этихъ курсовъ. Затѣмъ Викторъ Димитріевичъ называетъ Фихте младшаго († 1879), Ульрици († 1884) представителями *новѣйшаго* теизма. Они были таковыми въ эпоху расцвѣта философскихъ силъ Виктора Димитріевича, а въ 90 годахъ нужно было считаться съ Бюрнуфомъ и А. Ревилемъ.

Покончивъ съ магистерской диссертацией, Алексѣй Ивановичъ продолжалъ работать не покладая рукъ, и работалъ онъ и какъ ученый теоретикъ и какъ христіанинъ-практикъ. Рядомъ съ трактатами о Сократѣ, Анаксимандрѣ, Декартѣ онъ писалъ: „чистое око“, „о послушаніи св. церкви“, „путь жизни“, „правда жизни“. Въ этихъ послѣднихъ произведеніяхъ онъ выступалъ своимъ внутреннимъ существомъ, раскрывая свои интимнѣйшіе идеалы и вѣрованія. Обращаться съ этими вѣрованіями ко всѣмъ часто значитъ метать бисеръ туда, гдѣ сдѣлаютъ изъ него неподобающее употребленіе. Алексѣй Ивановичъ зналъ это и зналъ къ какой публикѣ и съ чѣмъ нужно обращаться. Съ учеными онъ стоялъ исключительно на научной почвѣ, но онъ имѣлъ дѣло еще съ иными людьми, съ братьями по вѣрѣ, и съ ними онъ говорилъ языкомъ сердца и вѣры. Замѣчательно использовалъ онъ годъ заграничной командировки—1891/2. Онъ уловилъ существо нѣмецкаго и французскаго настроенія, понялъ духъ и стремленія ихъ философскихъ школъ и далъ книгу „Философія въ современной Германіи и Франціи“.

Описанію состоянія философіи въ Германіи и Франціи предпослана статья „О задачахъ современной философіи въ связи съ вопросомъ о возможности и направленіи философіи самобытно русской“ (вмѣсто введенія). Авторъ отстаиваетъ здѣсь философскую правоспособность русскаго народа и излагаетъ „свои *ria desideria* относительно того направленія, въ которомъ должна (и, вѣроятно, будетъ) развиваться самобытная русская философія“. „Меліоризмъ (стремленіе къ улучшенію и преобразованію жизни), трансцендентальный монизмъ (которому подчиненъ дуализмъ матеріи и духа) и соборность сознанія—вотъ, по нашему мнѣнію, говоритъ авторъ, три основныхъ идеи или тенденціи, которыя заложены, конечно, лишь въ весьма смутной и неотчетливой формѣ, въ глубинѣ русской души и, къ которымъ, поэтому, долженъ прислушаться всякій мыслитель-философъ, если онъ хочетъ выдержать свой самобытно-русскій характеръ и содѣйствовать тому, чтобъ и русская мысль внесла свое слово въ обще-историческій процессъ развитія философіи“.

Въ отдѣлѣ о германской философіи авторъ излагаетъ содержаніе прослушанныхъ имъ во вторую половину 1891 года курсовъ въ Берлинскомъ университетѣ: Паульсена—по введенію въ философію, Деринга—по исторіи философіи (объ основныхъ направленіяхъ современной нѣмецкой философіи), Дильтея и Гизкаго—по гносеологіи, Лассона и Рунце—по философіи религіи. Авторъ дѣлаетъ критическую оцѣнку этихъ курсовъ и заканчиваетъ свое изслѣдованіе разсужденіемъ о философіи будущаго въ Германіи. Онъ полагаетъ, что въ будущемъ въ Германіи получить преобладаніе волюнтаризмъ. „Нашъ духъ, говоритъ авторъ, есть законодатель и разгадка природы, а разгадка и существо духа—нравственная воля; слѣдовательно, изученіе законовъ нравственной воли есть ключъ къ постиженію истинной дѣйствительности, вотъ подлинное и, какъ не трудно видѣть, весьма плодотворное зерно положительной Кантовской философіи“. Развитія этого зерна въ будущемъ и ожидалъ авторъ.

Но симпатіи автора на сторонѣ французской, а не нѣмецкой философіи. Авторъ слушалъ философію въ Парижѣ въ первой половинѣ 1892 года. Въ своей книгѣ онъ знакомитъ читателей прежде всего съ университетской философіи Франціи съ воззрѣніями П. Жанэ, Олэ Лапрюна, Бутру, Левека, Сеайя, Ренана и Лафита. Затѣмъ говоритъ объ инициаторахъ современной французской философіи: Менъ де-Биранѣ, которому отводитъ особенно много мѣста, и Викторѣ Кузенѣ. Въ современной французской философіи онъ указываетъ четыре основныхъ направленія: позитивно-соціалистическое, критическое, теологическое и спиритуалистическое. Онъ отмѣчаетъ возникшее во Франціи въ настоящее время Томистическое движеніе и полагаетъ, что синтезъ идей Томы Аквинскаго съ идеями Менъ де-Бирана дастъ богатые плоды. Охарактеризовавъ философію нашихъ дней во Франціи, авторъ заканчиваетъ свою книгу слѣдующими словами: „Если позволительно по настоящему гадать о будущемъ, то можно ожидать, что и во Франціи, какъ въ Германіи, философія будущаго опредѣлится, какъ философія личности: наша личность, нашъ духъ въ его цѣломъ, во всей полнотѣ его свойствъ, будетъ тогда признанъ единственно надежнымъ *ratio cognoscendi* Личности абсолютной, а личность абсолютная будетъ признана за единственное *ratio essendi* нашей личной и всей міровой жизни, въ которой изощренное чувство и руководимый имъ разумъ (наука и философія) такъ же могутъ ощутить и выразумѣть присутствіе свободы, опредѣляемой началами совершенства“.

Въ недавно вышедшемъ философскомъ словарѣ Э. Л. Радлова

(М—ва. 1913) этотъ трудъ его называется главнымъ. Этотъ трудъ его безъ сомнѣнія очень цѣнный, но онъ гораздо больше высказался и сказалъ въ своихъ магистерской и докторской диссертацияхъ, чѣмъ въ этомъ трудѣ. Уже во время своего пребыванія за границей въ 91/92 г.г. Алексѣй Ив. задумалъ представить на доктора работу по исторіи религій, съ этой цѣлью онъ хотѣлъ тогда заняться санскритомъ. Но обстоятельства отвлекли его отъ этой работы. Онъ сталъ постояннымъ газетнымъ сотрудникомъ. Это имѣло и выгодную и невыгодную сторону. Участіе въ газетѣ расширило его горизонтъ, онъ сталъ спеціально заниматься литературой и вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомился съ различными теченіями общественной мысли. То и другое давало ему богатый матеріалъ для философскихъ обобщеній и построеній. Но съ другой стороны у него значительно сократилось время для работы надъ спеціальными монографіями. Только въ 1902 году онъ, наконецъ, выпустилъ давно ожидавшуюся мною докторскую диссертацию „Религіозное сознаніе язычества. Т. I. Религіи Индіи“. Могу сказать что это единственная диссертация по исторіи религій, которая читается съ истиннымъ наслажденіемъ и чтеніе которой приноситъ безспорную пользу. Отъ времени до времени я давалъ для кандидатскихъ сочиненій темы по исторіи религій. Кандидатскія работы были еще ничего себѣ. Но мнѣ приходилось читать сочиненія въ этой области и на высшія ученые степени. Года два назадъ читалъ я и докторскую диссертацию. Я присуждалъ степени всѣмъ, имѣя въ виду трудолюбіе авторовъ и новизну предмета. Но признаюсь, эти quasi — ученые диссертации поражали меня своею безтолковостью и совершеннымъ непониманіемъ авторами того, о чемъ они писали (вѣрнѣе: списывали). Это особенно ярко выражалось въ ихъ своеобразныхъ опытахъ самовосхваленія и самозащиты. Послѣдніе могутъ служить полезнымъ матеріаломъ для практическихъ занятій, какъ образчикъ логическихъ несообразностей въ богословскихъ разсужденіяхъ. Весьма вѣроятно, что эти авторы могли бы написать что-нибудь и полезное по св. Писанію или церковной исторіи, но ясно, что они совершенно не могли овладѣть предметомъ, не преподававшимся въ академіи. Между тѣмъ надъ своими несчастными фоліантами они сидѣли цѣлые годы. Алексѣй Ив. преподавалъ философію, но чутко понимая связь всѣхъ философскихъ системъ съ религіозными ученіями, онъ совершилъ поучительную экскурсію въ область исторіи религій и далъ трудъ, о которомъ я въ свое время отозвался какъ о такомъ, который бы сдѣлалъ честь и западной наукѣ. Въ религіи онъ искалъ душу создавшаго ее народа и

именно лучшія струны и чаянія этой души и въ своемъ капитальномъ трудѣ онъ далъ много для пониманія загадочной души индуса.

Исторію индійской религіи Алексѣй Ивановичъ представляетъ по той хронологической схемѣ, по которой она представляется обыкновенно: эпоха ведъ, браманизмъ, буддизмъ, но въ подробности этой схемы и въ истолкованіе ея и ея подробностей онъ внесъ много того, что значительно отступаетъ отъ общепринятыхъ въ настоящее время взглядовъ на дѣло. Подраздѣляя эпоху ведъ на нѣсколько періодовъ, онъ утверждаетъ, что въ первый періодъ природа божествъ мыслилась существенно этической, во второй—космической (349). Этотъ тезисъ стоитъ въ рѣшительномъ несогласіи съ тѣмъ, что обыкновенно утверждается относительно Индіи, Парсизма, Греціи, Рима, вообще относительно всѣхъ арійскихъ религій. Боги древнѣйшаго періода, по утверженію изслѣдователей, мыслились тамъ главнымъ образомъ, какъ устроители міропорядка физическаго, въ позднѣйшее время ихъ стали представлять преимущественно, какъ устроителей міропорядка нравственнаго. Зевсъ, Аполлонъ и Аѳина, это—солярныя божества древнѣйшихъ грековъ, въ позднѣйшее время Зевсъ—охранитель государственнаго порядка и семейнаго благополучія, Аполлонъ и Аѳина покровители искусствъ, наукъ, ремеслъ. У нашего автора встрѣчаются выраженія, которыя могутъ заставить предположить что и онъ смотритъ на дѣло подобнымъ же образомъ. Такъ, рассуждая объ измѣненіи въ представленіи индусовъ концепціи Индры, онъ говоритъ: „исполинская сила Индры превратилась въ всемогущество, а его коварство, изощренное въ борьбѣ съ коварными демонами, превратилось, просвѣтлилось въ мудрость и тотъ, кто отцами почитался лишь, какъ низложитель демоновъ, предъ сознаниемъ дѣтей и внуковъ всталъ, какъ творецъ и сохранитель всей вселенной“. Но затѣмъ изъ другихъ мѣстъ книги мы видимъ, что словъ автора нельзя понимать *au pied de la lettre*, что по его воззрѣніямъ никакого просвѣтлѣнія въ образѣ Индры не произошло (346—347). Нужно признать, что тезисъ автора, несмотря на его парадоксальность, заслуживаетъ вниманія. Отъ представленія божества какъ силы моральной, мысль и особенно художественная фантазія могутъ переходить къ представленію Божества, какъ силы опредѣляющей себя къ дѣйствию не моральными, а иными мотивами.

Изслѣдуя далѣе историческій ходъ религіозныхъ судебъ Индіи, Алексѣй Ивановичъ говоритъ, что разочарованіе въ богахъ обратило индусовъ къ мистицизму (357). Пѣвецъ Трасадасью выслушиваетъ

споръ Варуны и Индры о превосходствѣ и отдаетъ предпочтеніе Индрѣ (351—357). Принимая во вниманіе, что человѣкъ здѣсь даетъ рѣшающій голосъ относительно боговъ, что онъ оказываетъ предпочтеніе богу Индрѣ не за нравственныя доблести, а за воинскіе подвиги, Алексѣй Ивановичъ видитъ въ этомъ явленіи крушеніе вѣрованій и слѣдствіемъ этого поставляетъ то, что отъ приниженныхъ боговъ люди обращаются къ тому, въ чемъ нуждаются сами боги, къ жертвѣ, молитвѣ, гимнамъ-мистицизму.

Эпоха ведъ переходитъ въ браманизмъ. Ведическія божества тускнѣютъ, меркнутъ, ступшевываются. Поднимается единый Брама. Сначала возвысилась молитва—браманъ (какъ магическая сила, подчиняющая себѣ боговъ), затѣмъ богъ молитвы—Брама, наконецъ, этотъ богъ сталъ единственнымъ. „Весьма характерно, пишетъ Алексѣй Ивановичъ, для пониманія особенностей духовной жизни Индіи въ изучаемую нами эпоху представленіе памятниковъ о томъ, какъ именно Брама поднялся изъ своего бывшего подчиненнаго положенія до вершинъ абсолютности: онъ принесъ себя въ жертву, чтобы затѣмъ все принести въ жертву себѣ и чрезъ то получить надъ всѣмъ господство“, т. е. Брама создалъ міръ, превратился въ міръ, существа котораго затѣмъ снова должны возвратиться къ Брамѣ. Конечно, это—объясненіе факта предложенное эпохою, а не причина факта. Алексѣй Ивановичъ полагаетъ, что признанію Браны единымъ богомъ способствовала и аналогія Браны—солнца міра духовнаго съ солнцемъ міра физическаго. Конечно, можно не соглашаться съ Алексѣемъ Ивановичемъ. Переходъ ведизма въ браманизмъ вызываетъ два вопроса: 1) какъ индусы пришли къ признанію единаго верховнаго начала и 2) почему этимъ верховнымъ началомъ былъ признанъ богъ молитвы Брама? Матеріаль для отвѣта на оба эти вопроса имѣется. На другихъ страницахъ своей книги Алексѣй Ивановичъ говоритъ о возможности семитическаго вліянія на содержаніе 121 и 129 гимновъ Ригъ-Веды, въ которыхъ утверждается единство Божества. Эту гипотезу онъ могъ бы привлечь для рѣшенія вопроса о причинахъ возвышенія Браны надъ всѣми богами. Сторонники семитическаго вліянія на Ригъ-Веду (терминъ „семитическій“ въ данномъ случаѣ употребляется не точно: называется часть вмѣсто цѣлаго) разумѣютъ слѣдующее: отъ ассиро-вавилонянъ, египтянъ и финикіянъ сохранились въ различныхъ версіяхъ и редакціяхъ теогоніи и космогоніи, выводящія все изъ единаго принципа, подобно тому, какъ въ браманизмѣ все выводится изъ Браны. Должно прибавить, что подобныя теогоніи и космогоніи находятся и у западныхъ арійцевъ. Ихъ могутъ читать въ „Те-

огоніи“ Гезіода, и въ „Птицахъ“ Аристофана, и въ гимнахъ орфи-ковъ. Можетъ быть здѣсь нѣтъ нужды говорить о взаимныхъ заимствованіяхъ. Всѣ эти грандіозныя эпопеи представляютъ собою попытки удовлетворить стремленія человѣка мыслить бытіе въ единствѣ и системѣ и всѣ они опираются на представленіяхъ міра необходимо сходныхъ у народовъ востока и запада. Но вотъ какую особенность представляетъ браманизмъ. Въ другихъ космогоніяхъ и теогоніяхъ верховный принципъ—Илю, единое—под-нятъ такъ высоко и такъ отодвинутъ отъ міра, что люди совер-шенно не имѣютъ къ нему живого отношенія: онъ живетъ лишь въ богословскихъ системахъ, а не въ сердцахъ людей. Въ бра-манизмѣ мы видимъ противоположное. Здѣсь не Брамъ заслоня-ютъ боги, а Брама заслонилъ собою и отодвинулъ назадъ всѣхъ боговъ. И этотъ фактъ можетъ быть объясненъ и имѣетъ для себя аналогію въ другихъ религіяхъ. Брама былъ богомъ брама-новъ и государственное возвышеніе брамановъ шло параллельно съ религіознымъ возвышеніемъ Брамъ. Слагавшійся строй касто-выхъ отношеній находилъ себѣ объясненіе и оправданіе въ бого-словскихъ ученіяхъ. Подобнымъ образомъ возвышеніе египетскихъ жрецовъ Аммона (теократія Египта) подняло Аммона надъ всѣми египетскими богами; такъ возвышеніе жрецовъ Набу или Небо въ одно время (при Рамминирари III) привело въ Ассиріи къ провозглашенію культа единого Набу. Во всякомъ случаѣ Алек-сѣй Ивановичъ своею гипотезою останавливаетъ вниманіе уче-ныхъ на аналогіяхъ въ богословіи арійцевъ и семитовъ и побу-ждаетъ къ изслѣдованію причинъ аналогичности явленій.

Буддизмъ Алексѣй Ивановичъ разсматриваетъ, какъ ересь браманизма. По своему происхожденію это несомнѣнно такъ. „Буд-дизмъ, пишетъ онъ, можно разсматривать, во первыхъ, какъ отсту-пленіе отъ началъ Браманизма, или, точнѣе, какъ доведеніе ихъ до крайности (*reductio ad absurdum*)“.

Диссертація Алексѣя Ивановича весьма обширна по своему объему (47³/₉ листа). Въ такихъ обширныхъ произведеніяхъ, ко-нечно, неизбѣжны недомолвки, оговорки, мелкіе промахи. Въ произведеніи Алексѣя Ивановича нужно удивляться не тому, что такіе промахи встрѣчаются, а тому, что вся книга является такъ образцово и тщательно отдѣланною—затѣмъ, предметъ из-слѣдованія Алексѣя Ивановича чрезвычайно трудный и допу-скаетъ діаметрально противоположныя точки зрѣнія. Индійская литература и современный индуизмъ со стороны своей духовной сущности далеко не дешифрованы еще и нынѣ. Религіозныя стремленія и блужданія души, не умѣющей выразить своихъ

мыслей логическимъ языкомъ, души далеко отстоящей отъ насъ по своему міропониманію и складу, конечно, такія стремленія и блужданія будутъ истолковываться самымъ различнымъ образомъ. Въ сумракѣ души обитателей Индостана каждый изслѣдователь будетъ отыскивать прежде всего то, что родственно его собственной душѣ и что подтверждаетъ его убѣжденія. Отсюда—возможность безконечныхъ споровъ.

Во всякомъ случаѣ на какой бы точкѣ зрѣнія ни стоялъ читатель книги Алексѣя Ивановича, онъ вынесетъ изъ нея много полезнаго. И мы предполагаемъ это не о русскомъ только, но и о западномъ читателѣ, такъ какъ въ книгѣ устанавливаются точки зрѣнія и высказывается не мало такого, чего не было высказано и въ западной литературѣ. Многое только намѣченное другими изслѣдователями развито авторомъ подробно. Методъ, планъ, взгляды у автора должны быть признаны выработанными и выраженными совершенно самостоятельно. Нельзя не отмѣтить у автора способности схематизировать и систематизировать изслѣдуемый предметъ. Онъ мѣтко и ясно разграничиваетъ стороны и сферы изслѣдуемаго вопроса. Громадный матеріалъ своей работы онъ заключилъ въ точныя и опредѣленныя грани, такъ мастерски упорядочилъ, что разобратъ въ его изслѣдованіи не представляетъ труда. Рядомъ съ искусствомъ систематизаціи у автора стоитъ искусство формулировки. Онъ умѣетъ заключать многія мысли въ немногія слова; такія выраженія, какъ „волящая вѣра“ и „вѣрящая воля“, „языческое и язычествующее сознаніе“, разъясненные немногими словами, даютъ много матеріала для мысли. Умѣетъ авторъ устанавливать и раскрывать законоположенія, помогающія объясненію факта. Для примѣра можно указать на его разсужденія о законѣ прогрессирующей подстановки, гдѣ онъ исходя изъ принципа Рута, но нѣсколько обобщая и развивая его, выясняетъ факты образованія миѳовъ. Но если отмѣчать и выписывать все поучительное въ книгѣ, то пришлось бы переписать ея значительную часть. Вообще у автора должно признать стремленіе возможно глубже проникать въ психологическую сущность факта. Онъ стремится различать нюансы явленій и событій. При обсужденіи ихъ онъ поражаетъ своею разносторонностью. Онъ постоянно обращается къ литературѣ, нерѣдко къ біологіи и неизмѣнно имѣетъ въ виду исторію человѣчества. Эрудиція автора очень обширна. Его скорѣе можно упрекнуть въ чрезвычайности цитаціи, чѣмъ въ ея недостаткѣ, такъ какъ онъ упоминаетъ совершенно неважныя или даже совсѣмъ не имѣющія никакого значенія работы и не обсуждаетъ только немногія,

которыя можетъ быть нужно было имѣть въ виду (напр. работы Паула Каруса). Вообще о литературѣ предмета авторъ даетъ цѣнные указанія.

Имѣя большую цѣнность, какъ трудъ по философіи религіозной исторіи, произведеніе Алексѣя Ивановича имѣетъ большую апологетическую цѣнность. Убѣдительно и основательно онъ раскрываетъ въ пролегоменахъ, что ни въ какой сферѣ и сторонѣ жизни человѣку невозможно уйдти отъ религіи. Во второй части онъ дѣлаетъ много полезныхъ указаній относительно того, какъ человѣкъ можетъ сбиваться съ праваго пути.

Въ послѣднее десятилѣтіе своей трудовой жизни Алексѣй Ивановичъ дѣлилъ свои занятія главнымъ образомъ между философіею и литературою. Въ сущности онъ самъ былъ поэтомъ-философомъ. Въ его философскихъ трактатахъ много поэтического, а его изслѣдованія въ области поэзіи характеризуются философскимъ духомъ. Онъ писалъ и о русскихъ и о западныхъ представителяхъ литературы. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы его критическіе этюды вышли особымъ изданіемъ. По философіи онъ, кажется, приготовилъ къ печати „Введеніе въ философію“. Я знаю, что объ изданіи этой книги у него былъ разговоръ съ однимъ издателемъ, и мнѣ онъ говорилъ, что собирается печатать свой курсъ. Но кромѣ философіи и литературы

На все отзывался онъ сердцемъ своимъ,

Что просить у сердца отвѣта.

Онъ писалъ о русско-японской войнѣ и о социализмѣ, о переломѣ въ общественномъ сознаніи и о воскресеніи въ тѣлѣ. Все важное и значительное приковывало къ себѣ его вниманіе и по поводу всего онъ вырабатывалъ свои взгляды и высказывалъ свои сужденія.

Такъ текла его рабочая жизнь. Жизнь профессора съ внѣшней стороны всегда будетъ представляться монотонною и однообразною. Все одно и то же. Вчера и нынѣ человѣкъ сидитъ за однимъ и тѣмъ же рабочимъ столомъ и жизнь его течетъ какъ бы по шаблонному трафарету. Но это только повидимому. Профессоръ по существу есть вѣчный студентъ. Онъ всю жизнь учится. Каждый день, каждая книжная почта приносятъ ему новыя знанія. За однимъ и тѣмъ же столомъ, передъ одними и тѣми же окнами все сидитъ онъ, но видитъ онъ все новое и новое; передъ нимъ, какъ передъ какимъ-либо странникомъ по земному шару, постоянно открываются новые и новые горизонты. Алексѣй Ив. училъ, когда еще былъ студентомъ, и учился, когда уже былъ профессоромъ, учился до самой могилы. Но эта могила!?! Никто

не могъ подозрѣвать ея близости. Все говорило за долгожизненность почившаго. Наслѣдственность: его отецъ умеръ на 69, мать— на 74 году. Говорила за него его собственная фигура. Высокій, прекрасно сложенный, полный съ свѣжимъ здоровымъ лицомъ, онъ своимъ видомъ говорилъ о разумной и трудовой жизни. Но къ нему неслышными шагами подкрадывалась смерть.

Были у него недуги. Лечился онъ водами и на Кавказѣ и за границей. Но это были недуги несерьезные, никому и ничему не мѣшающіе. Покойный работалъ, не обращая на нихъ вниманія. А между тѣмъ, въ это время незамѣтно и не давая себя чувствовать, развивался его смертельный недугъ. Серьезное недомоганье почувствовалъ онъ въ октябрѣ 1912 года, а 23 октября внезапно произошелъ сильный пароксизмъ, послѣ котораго Алексѣй Ив. былъ увезенъ въ больницу, и его квартира уже не видѣла его больше живымъ. По внѣшности ничто еще не предвѣщало близкаго конца, но то, что невидно было другимъ, должно быть видно было больному. Все говоритъ за то, что онъ предчувствовалъ смерть. На своемъ юбилеѣ онъ говорилъ о могилѣ. Книжка о его юбилеѣ полученная мною отъ него облечена въ траурный муаровый переплетъ. Когда Алексѣя Ив. отвозили въ больницу, онъ сдѣлалъ *распоряженія*, которыя на нашемъ языкѣ называются предсмертными. Онъ немедленно сталъ приготовляться къ смерти. Для остающихся живыхъ онъ устраивалъ ихъ дѣла, самъ исповѣдывался, причащался, 21-го ноября принялъ таинство Елеосвященія. Многіе посѣщали больного, почитатели и почитательницы, родные и знакомые. Бывалъ и я у него, и особенно послѣднее наше свиданіе врѣзалось мнѣ въ память и никогда оно не изгладится изъ нея.

Наступалъ сумрачный зимній вечеръ. Было мрачно въ мрачномъ номерѣ старой больницы. Вокругъ царил тишина. Мы сидѣли вдвоемъ, потомъ ослабѣвшій Алексѣй Ив. прилежъ. Мы говорили о прошломъ, и явно предъ нами предстали воспоминанія о всѣхъ недоразумѣніяхъ и столкновеніяхъ между нами на протяженіи двадцатилѣтней совмѣстной службы, и высказали мы, что *поздно* мы узнали другъ друга. Это свиданіе было послѣднимъ; съ двойнымъ чувствомъ я уходилъ съ него: съ чувствомъ облегченія, какъ будто я покаялся и получилъ отпущеніе, и съ чувствомъ тоски, что все это совершилось слишкомъ *поздно*.

И уходя, я думалъ о больномъ. Я видѣлъ его и въ счастливыя и въ тяжелыя минуты его жизни. Я видѣлъ, какъ его пытались подвергнуть лицепріятному человѣческому суду, онъ оставался спокойнымъ и твердымъ и всячески потомъ содѣйство-

валъ благополучію одного изъ тѣхъ, кто шелъ противъ него и которому потомъ самому пришлось пострадать. Соекъ и твердъ былъ почившій. Но мнѣ показалось, что еще спокойнѣе и увѣреннѣе стоялъ онъ передъ лицомъ смерти. Онъ зналъ, что тамъ его ждетъ праведный судъ Божій, а не человѣческой лицепріятный судъ.

Болѣзнь его была страшно мучительной. Четыре мѣсяца провелъ онъ въ ужасныхъ страданіяхъ и тихо скончался 23 февраля 1913 года.

Когда онъ умеръ, въ печати появилось много теплыхъ и прочувствованныхъ статей посвященныхъ дѣятельности и личности покойнаго. Въ ряду этихъ статей особенно интересна одна, которая вскрываетъ намъ и объясняетъ, почему нѣкоторые отрица-тельно относились къ покойному. Статья эта появилась въ „Голосъ Москвы“ (№ 53, 1913 года) за подписью „Нолинъ“. Г. Нолинъ писалъ:

— „Смерть профессора Московской духовной академіи А. И. Введенскаго должна повергнуть въ глубокую печаль многочисленныхъ почитателей и учениковъ покойнаго. Онъ угасъ такъ неожиданно и рано, всего лишь 50 лѣтъ, въ полномъ блескѣ своихъ дарованій, не успѣвъ закончить многихъ начатыхъ и задуманныхъ трудовъ.

Глубокій и разносторонне образованный философъ, отличавшійся рѣдкой начитанностью и вмѣстѣ съ тѣмъ недюжинной оригинальностью и самостоятельностью мысли, А. И. Введенскій не довелъ до конца ни своей философской исторіи естественныхъ религій, ни системы теистическаго міропониманія (изъ первой вышелъ только одинъ томъ о религіяхъ Индіи, изъ второй— одинъ выпускъ о законѣ причинности и реальности внѣшняго міра). Въ его многочисленныхъ статьяхъ дано, однако, не мало отдѣльныхъ этюдовъ для построенія этого теистическаго міровоззрѣнія, и общіе принципы и методы этой философской работы были намѣчены съ достаточной отчетливостью и ясностью. Въ своихъ научныхъ и литературныхъ трудахъ онъ являлся искреннимъ исповѣдникомъ христіанской философіи, церковныхъ идеаловъ, живого религіознаго опыта православной мистики... Оправданіе вѣры разумомъ стало его призваніемъ, которое онъ блестяще и выполнялъ въ лекціяхъ, въ ученыхъ трудахъ и въ публицистическихъ статьяхъ.

Чрезвычайно работоспособный, покойный былъ широко освѣдомленъ въ философской и общей литературѣ, а въ двукратной заграничной командировкѣ отлично ознакомился и съ трудами и

лекціями многочисленныхъ философовъ Германіи и Франціи и съ умственными теченіями Запада, давъ въ своей книгѣ—„Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи“ блестящій очеркъ философскаго творчества Запада. Но онъ не уставалъ обращать вниманіе на то, что русская философія должна по преимуществу интересоваться вопросами и проблемами „цѣнности“ жизни и бытія, выдвигать практическіе вопросы религіи и морали и давать жизненное ихъ разрѣшеніе. Философское осмысливаніе личной и общественной жизни, признаніе за ней нравственной и религіозной цѣнности, раскрытіе христіанскаго ученія и опыта, какъ идеала истинной жизни,—вотъ основныя темы его философской проповѣди, его „аксіологіи“.

Проповѣдникомъ этой теистической и моральной философіи покойный Алексѣй Ивановичъ являлся и въ своей публицистической дѣятельности. Эта послѣдняя отнимала у него немало энергіи и времени съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался (съ 1897 г.) постояннымъ сотрудникомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (псевдонимъ А. Басаргинъ). Участіе въ этомъ органѣ не было, повидимому, выраженіемъ полнаго согласія покойнаго философа съ политической и общественной программой этой газеты, и въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ по большей части вопросамъ религіи, философіи и литературной критикѣ, А. И. не имѣлъ въ виду пропагандировать и защищать партійные лозунги, а просто пользовался гостепріимствомъ этого органа для популяризаціи своихъ философско-религіозныхъ воззрѣній, консервативный характеръ которыхъ, естественно, сближалъ его съ эпигонами славянофильства и русскими націоналистами.

Необходимо отмѣтить, во всякомъ случаѣ, что эта публицистика была лишена узкой партійности, была философски объективна по содержанію и философски-терпима по тону, т. е. отличалась тѣми качествами, которыя далеко не всегда были присущи А. И. въ личныхъ отношеніяхъ и общественной службѣ.

Поскольку и въ личномъ характерѣ, и въ служебной дѣятельности покойнаго проявлялась опять таки эта философская убѣжденность и нравственная непоколебимость (а случаевъ къ исповѣданію своей вѣры у А. И. представлялось не мало, особенно въ пору освободительныхъ движеній), постольку и личный его нравственный обликъ способенъ былъ порою привлекать глубокія симпатіи, и если онъ еще не успѣлъ явить въ себѣ полный и законченный типъ христіанскаго мудреца, то виною этого была ранняя смерть, въ своихъ же исканіяхъ и мистическихъ порывахъ, въ своей философской и преподавательской работѣ онъ

искренне стремился къ тому, чтобы быть „философомъ-христіаниномъ“.

Въ статьѣ г. Нолина позволительно остановится на его намекѣ, что будто бы Алексѣй Ивановичъ не всегда отличался терпимостью „въ личныхъ отношеніяхъ и общественной службѣ“. По всей вѣроятности авторъ почерпнулъ эти свѣдѣнія изъ какого-нибудь мутнаго источника, но весьма возможно, что вмѣстѣ съ этимъ авторомъ руководятъ широко распространенные у насъ и совершенно невѣрные взгляды на терпимость. Алексѣй Ивановичъ относился съ терпимостью къ атеистамъ, пантеистамъ, пессимистамъ. Я думаю, что иначе къ нимъ и не должно относиться. Если мы не умѣемъ ихъ переубѣдить, мы не имѣемъ права на нихъ сердиться. Мы должны ихъ выслушать и попросить, чтобы они выслушали насъ.

Но есть среди свободомыслящихъ особенный сортъ людей, относиться къ которымъ съ рекомендуемою г. Нолинымъ терпимостью значитъ совершать преступленіе. Пусть представитъ себѣ нашъ авторъ, что я православный по убѣжденіямъ, принявъ видъ католика, занялъ бы кафедру въ католической академіи и тамъ во имя свободы науки сталъ бы передъ слушателями опровергать догматы непогрѣшимости, Filioque и др. Или что подъ видомъ магометанина я бы проникъ въ магометанскую школу и сталъ бы доказывать, что Магометъ—не пророкъ. Я думаю, что такъ могутъ поступать только безчестные люди, и что такъ могутъ поступать только не признающіе и не желающіе знать ничьей свободы, кромѣ своей. Вѣдь требованіе безусловной свободы науки въ православныхъ, католическихъ, буддійскихъ или иныхъ школахъ есть запрещеніе религіознымъ ассоціаціямъ устраивать школы, преподаваніе въ которыхъ освѣщалось бы и руководилось ихъ религіозными вѣрованіями. Я уважаю Милля и Спенсера, не смотря на ихъ неправославные взгляды; мнѣ очень нравились и я былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ теперь покойными Альберомъ и Жаномъ Ревиллями, религіозные взгляды которыхъ я считаю совершенно неприемлемыми. Но вѣдь, эти люди не получали жалованья, наградъ и чиновъ отъ Св. Синода. Но что сказать о тѣхъ, которые „христіанскія овцы волною покрываются“, получаютъ всѣ права и преимущества отъ православной церкви, и стремятся дискредитировать ее и ея ученіе. Что скажетъ г. Нолинъ о солдатахъ и офицерахъ, которые поступаютъ въ армію не съ тѣмъ, чтобы служить ея интересамъ, а съ тѣмъ, чтобы по возможности ее обезсилить. Для такихъ людей по законамъ всѣхъ государствъ одна награда—висѣлица. Могу увѣрить г. Нолина,

что Алексѣй Ивановичъ никогда не помышлялъ ни о чемъ подобномъ висѣлицѣ, но во имя свободы, которую онъ уважалъ несравненно больше, чѣмъ его противники, онъ признавалъ за православными (и то лишь теоретически) право исключать изъ своей среды лицъ враждебныхъ православію.

О личности Алексѣя Ивановича еще скажутъ люди, знавшіе его лично и близко. Безъ сомнѣнія о немъ будутъ высказываться различныя мнѣнія. Но безъ сомнѣнія также окажется много людей, для которыхъ онъ много сдѣлалъ. И я отрицаю, чтобы нашелся кто-либо, кто бы могъ доказать (сказать все можно), что покойнымъ по отношенію къ нему допущена сознательная несправедливость. А затѣмъ для общества прежде всего важны даже не личность, а то, что сдѣлано личностью—ея дѣла. Дѣла Алексѣя Ивановича это—его печатные труды. Судить о нихъ представляется возможность каждому. О нихъ еще много должна сказать и несомнѣнно скажетъ печать. И не летучая газетная печать: о немъ будутъ говорить и въ журналахъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Еще дѣло Алексѣя Ивановича, это—его лекціи. Но того, что онъ былъ блестящимъ лекторомъ, что аудиторія его всегда была полною, этого не посмѣютъ отрицать и его враги.

А враги всегда будутъ у всякаго, кто искренне, горячо и прямолинейно служитъ какому-либо дѣлу. Враговъ не имѣютъ или по крайней мѣрѣ имѣютъ мало только оппортунисты.

Что дѣлать? Правду люди понимаютъ различно и порою въ борьбѣ за нее глубоко честные люди могутъ оказаться непримиримыми врагами.

Великимъ утѣшеніемъ для cadaго является, если онъ находитъ въ другихъ сочувствіе его борьбѣ за то, что онъ считаетъ правдой. Это утѣшеніе имѣлъ при жизни почившій, и тѣ, которые одинаково съ нимъ понимали правду, должны были получать это утѣшеніе у его гроба. Множество людей собиралось въ квартиру Алексѣя Ивановича на панихиды, которыя совершались у его гроба почти непрерывно.

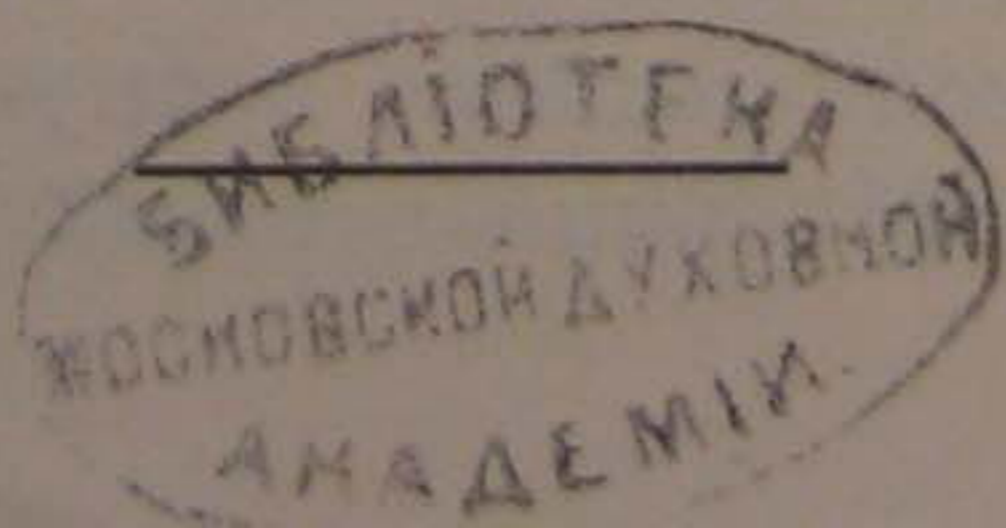
Его похороны—лучшее свидѣтельство о его личности. Церковь св. Василя Кесарійскаго, вмѣщающая, кажется, десять тысячъ человѣкъ, была полна молящимися. Если о лицахъ, связанныхъ съ покойнымъ служебными и дѣловыми отношеніями, равно какъ и о родственникахъ, могутъ сказать, что они явились *ex officio*, то за вычетомъ всѣхъ этихъ лицъ останется очень много, относительно которыхъ позволительно спросить: зачѣмъ явились они? Ко мнѣ подходили взволнованныя и смущенныя бывшія слушательницы покойнаго и говорили о своей скорби о немъ. Я ви-

дѣль около гроба покойнаго много лицъ, которыя вовсе не были съ нимъ близки и, выражаясь варварскимъ языкомъ нашихъ дней, были съ нимъ въ оппозиціи. Смерть Алексѣя Ивановича, должно быть, заставила ихъ снова подумать о немъ и переоцѣнить его дѣятельность. Много скорби о безвременной смерти Алексѣя Ивановича было видно, но ликованій потомъ не было слышно. Можетъ быть, нѣкоторыхъ, умѣющихъ, переносить свою злобу въ потусторонній міръ—хотя существуютъ ли такіе?—удерживало отъ этого ликованія чувство приличія, но думается, что, кто поумнѣе, тотъ могъ мы поразмыслить: чему же радоваться, умеръ талантливый, ученый и трудолюбивый человекъ, многимъ помогавшій и никому не мѣшавшій. Скажутъ, что въ академическомъ и иныхъ совѣтахъ и учрежденіяхъ онъ подавалъ голосъ за однихъ и противъ другихъ. Боже мой! Но вѣдь всякій, кто станетъ на его мѣсто, обязанъ будетъ дѣлать тоже самое. Изъ двухъ кандидатовъ на кафедру можно выбрать только одного. А чаще бываетъ, что изъ нѣсколькихъ кандидатовъ ни одинъ не внушаетъ надеждъ и приходится руководиться принципомъ „на безрыбьи и ракъ рыба“. Я помню, два случая, когда онъ мнѣ говорилъ: „хорошо, будемъ голосовать за такого то, но только толку не выйдетъ“. И толку дѣйствительно не вышло. Къ счастью, потомъ успѣхи выбора оказались лучшими.

Я думаю, что послѣ смерти у Алексѣя Ивановича стало друзей гораздо больше, чѣмъ при жизни, а это бываетъ не со всѣми. За человека съ вліяніемъ цѣпляются при жизни, а послѣ смерти его немедленно ищутъ другого, за котораго выгодно было бы уцѣпиться. У его смертнаго одра, гроба и могилы плакали многіе.

У Лонгфелло есть какое стихотвореніе. Онъ представляетъ себя склонившимся надъ колыбелью плачущаго по пустякамъ малютки и говоритъ: „теперь ты плачешь и вокругъ тебя всѣ смѣются, но какъ бы я желалъ, чтобы, когда ты пройдешь твой жизненный путь, ты встрѣтилъ бы смерть съ улыбкою, а вокругъ тебя всѣ бы плакали“. Последнее и произошло съ Алексѣемъ Ивановичемъ. Еще за три мѣсяца до его смерти я слышалъ отъ него спокойное заявленіе: „я готовъ“. И не долженъ ли быть признанъ наилучшимъ удѣль того человека, который встрѣчаетъ смерть безъ скорби и смерть котораго вызываетъ безкорыстную и глубокую скорбь у многихъ?

С. Глаголевъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе.	III—VII
Протоіерей Петръ Спиридоновичъ Делицынъ. <i>С. С. Глаголевъ.</i>	1—17
Протоіерей Θεодоръ Александровичъ Голубинскій. <i>С. С. Глаголевъ.</i>	18—57
Протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій. <i>С. И. Смирновъ.</i>	58—94
Профессоръ Викторъ Димитріевичъ Кудрявцевъ-Платоновъ. <i>С. С. Глаголевъ</i>	95—110
Профессоръ Димитрій Θεодоровичъ Голубинскій. <i>С. С. Глаголевъ.</i>	111—138
Протоіерей Сергій Константиновичъ Смирновъ. <i>М. Д. Муретовъ.</i>	139—274
Профессоръ Петръ Симоновичъ Казанскій. <i>Прот. А. А. Бѣляевъ.</i>	275—286
Профессоръ Евгений Евсигнѣевичъ Голубинскій. <i>С. И. Смирновъ.</i>	287—310
Профессоръ Николай Ивановичъ Субботинъ. <i>Н. В. Лысогорскій.</i>	311—324
Профессоръ Василій Осиповичъ Ключевскій. <i>М. М. Богословскій.</i>	325—356
Профессоръ Алексѣй Петровичъ Лебедевъ. <i>А. А. Спасскій.</i>	357—374
Профессоръ Иванъ Николаевичъ Корсунскій. <i>С. И. Соболевскій.</i>	375—382
Профессоръ Алексѣй Ивановичъ Введенскій. <i>С. С. Глаголевъ.</i>	383—402

